

Божественный сумасброд Жизнеописание и песни Друкпы Кюнле

Издательство

"Алмазный Путь"

2000г.

Содержание

[Вступительное слово](#)

[Предисловие Чёгьяла Гьямцо Тулкук английскому изданию](#)

[Предисловие переводчика тибетского на английский язык](#)

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Благословляющие пожелания](#)

Вступительное слово

Большое количество монахов и монахинь среди тибетцев, их холодный климат, толстая одежда, не столь охотная демонстрация знаков любви на людях и недостаток возможностей помыться, - всё это вызывает у многих впечатление, что тибетцам не свойственны чувственность и сексуальность.

Однако это далеко не так. В то время как индуистские женщины моются, не снимая традиционного платья сари, а мусульманским женщинам и вовсе запрещается появляться в местах коллективного купания, тибетские мужчины и женщины радостно плещутся вместе в горячих источниках Гималайских гор, не стыдясь наготы, и смеются над робостью тех, кто не хочет раздеться.

В обществе, где преобладает сельское хозяйство, физические аспекты жизни не могут оставаться скрытыми от глаз. Кроме того, буддизм Великого Пути видит тело как средство предоставлять защиту и дарить радость другим, и двойственные табу, связанные с известным неврозом "хороший ум - плохое тело", здесь неуместны. Хочется надеяться, что формы Будд в союзе, которые стоят или сидят лицом друг к другу, а также прелестные названия для мужского и женского органа воспроизводства (Алмаз и Цветок Лотоса) должны рассеивать последние подозрения о том, что религиозные люди должны быть ханжами.

Итак, в этой книге наши, как правило, столь церемониальные тибетцы предстанут в необычном свете. Наслаждайтесь живыми историями об активном мужчине. Искусно соединяя пространство и блаженство, мудрость и сочувствие, он приносил много интенсивности в мир, спасая живущих в нём от частого одиночества.

Ваш Лама Оле.

От редакции. Редакция приложила максимум усилий к тому, чтобы снабдить эту книгу достойным изображением Друкпы Кюнле, однако

такого не нашлось. Воскресить его физический облик предоставляется фантазии воодушевлённого читателя.

Предисловие Чёгьяла Гьямцо Тулку к английскому изданию.

Налджорпа Друкпа Кюнле был совершенным Буддой, Мастером буддийских поучений Махамудры и Дзогчена. Я очень счастлив, что сейчас на Западе появляется возможность прочитать описание жизни этого тибетского Махасиддхи - Великого Совершенного. Поведанное в этой биографии - не выдумка и не сказка, описанные в ней события действительно имели место. Чудесные истории о Мастере связаны с существующими местами, храмами, домами. Даже теперь, когда Тибет уже закрыт для нас, путешественник всё ещё может обнаружить веру в места силы практика- налджорпы и увидеть принадлежащие ему вещи в восточных Гималаях. Эта биография полна вдохновения.

Биографии тибетских святых могут быть написаны в трёх различных стилях. "Внешние биографии" дают нам информацию о фактах из жизни святого: где он родился; как протекала его юность; какие изменения произошли в его уме; как он отрёкся от восьми мирских забот (похвалы и порицания, потери и приобретения, удовольствия и боли, славы и бесславия); как он достиг понимания кармы; как он встретил учителя и принял Прибежище в Ламе; как практиковал заповеди моральной этики, учился и медитировал, дабы развить относительное и абсолютное сочувствие; как через достижение совершенства в двух стадиях тантрической практики он привёл к полному Просветлению свои тело, речь и ум. "Внешние истории" содержат его поучения для обычных учеников и начинающих и показывают события его жизни с точки зрения обычного восприятия.

"Внутренняя биография" делает ударение на внутренней жизни, описывает вселенную с точки зрения медитативного опыта, стадий постижения, йидамов, дакинй, Будд и их Чистых Стран. Она описывает духовную эволюцию с точки зрения каналов, тонких энергий и капель сущности (rtsa lung thig le), составляющих невидимую основу нашего тела.

В этой работе истории написаны главным образом и стиле "тайной биографии". Здесь жизнь Ламы раскрывается с точки зрения его совершенных деяний и не проводится различие между внешними событиями и внутренней жизнью. Путь развития уже завершён, и мы видим очистившегося от всех завес и заблуждений Мастера, выполняющего своё высочайшее предназначение. Он действует без какого-либо разграничения, сдерживания или корыстной мотивации, - чтобы внести смысл в жизнь других людей. Эта биография называется "тайной" потому, что, не обретя такое же состояние ума, как у Ламы, мы не можем её до конца понять, и потому что традиционно такая литература хранится в тайне от людей, следующих только дисциплине Хинаяны или идущих путём альтруистической Махаяны. Не прошедшие цензуру описания действий Ламы могут вызвать разного рода сомнения

и страхи в умах приверженцев Учения. Также это - тайна, мистерия, потому что присутствие Будды рассеивает парадоксы и двойственность бытия. Стиль поступков Друкпы Кюнле показывает нам, как можно без противоречия объединить наставления Трёх Колесниц - трёх направлений буддизма (Хинаяны, Махаяны и Ваджраяны).

Мы должны понять, что в тайной биографии Друкпа Кюнле вступает в связь со своими подругами подобно Миларепе, который избрал Церингму для помощи в окончательном осуществлении совозникающего блаженства и мудрости в Просветлении. Где бы мастер ни находил партнёршу, сила его блаженства пробуждает естественно присущую дакине мудрость. Сараха, после долгого пребывания в университете Наланды, взял себе в жёны дочь ремесленника, изготавливающего стрелы, дакиню, и сказал: "Только теперь я действительно чистый монах-бхикшу".

Жизнь Друкпы Кюнле показывает нам освобождённый ум, далёкий от предубеждений, предпочтений, пристрастий и усиленной мыслительной деятельности, сковывающих нас в напряжении и страхе. Это жизненный пример того, кто свободен от эмоциональных привязанностей и семейных пут. Это - видение безумца вне всех норм и устоев, представляющее собой обманчиво простой пример и дающее вдохновение; свободное странствие достигшего цели Дхармы за одну жизнь. Его поведение соответствует поучению Миларепы: "Что касается того, каким образом следует осуществлять внутренний поиск, то отбросьте всё, что ведёт к усилению ядов ума и цепляния за "я", даже если это кажется чем-то хорошим; и наоборот, практикуйте всё, что противодействует пяти ядам ума и помогает другим существам, даже если это кажется чем-то плохим". Это, в своей сущности, находится в соответствии с Дхармой.

Друкпа Кюнле почитаем не только всеми тибетцами. Его так любят бутанцы, что они часто склонны считать его имя скорее свидетельством бутанского происхождения (Бутан по- тибетски - Друк Юл, прим. ред.), нежели знаком принадлежности к школе Друкпа Кагью. Его стиль, его юмор, его грубость, его сочувствие, способ его обращения с людьми нашли место в сердцах всех гималайских народов - сиккимцев, ассамцев, ладакхцев, непальцев, жителей Куннупа и Лахула. Он не был великим учёным или метафизиком и оставил после себя лишь несколько прекрасных литературных сочинений, но он - святой, который понятней всего простым людям, Будда, к которому они чувствуют наибольшую близость. Для них Друкпа Кюнле - тот, кто принёс огонь с неба и тронул их сердца до самой глубины.

Я молюсь, чтобы посредством распространения по всем концам земли жизнеописания этого полностью просветлённого смеющегося Мастера мириады существ в настоящем и будущем получили вдохновение от его достижений в Буддийской Дхарме и чтобы тёмный век превратился в крепость Будды.

Дугу Чёгьял Гьямцо (Тулку),
Полнолуние второго месяца года земляной овцы.

Предисловие переводчика с тибетского на английский язык

Возвышенная и одновременно - непристойная биография Друкпы Кюнле, одного из самых популярных святых Тибета, изложена в виде сборника анекдотов и песен, взятых как из устных, так и из письменных источников, тибетских и бутанских. Составлен этот труд современным бутанским монахом и учёным, с целью удовлетворить возникшую потребность гималайских буддистов в новой презентации "безумной мудрости" Друкпы Кюнле. Подобная потребность появляется в период стремительных изменений, когда подвергаются пересмотру традиционные формы, - во многом так, как это было во Франции времён Франсуа Рабле. Мы посчитали, что уникальные ингредиенты этой саги - позитивное отношение к сексу, неприязнь к организованной религии и духовенству и анархический образ жизни бродяги- мистика - предоставляют идеальное средство для того, чтобы донести тибетскую буддийскую традицию до людей, которые никогда не стали бы читать трактаты по буддийской доктрине. Полагая, что Тантра содержит важные черты и помимо формальной системы своей практики, а также чтобы доставить наслаждение тем, кто уже сами присоединились к этой благородной традиции, мы решили воспользоваться случаем и сделать доступным "секретное" жизнеописание для западного читателя. Хранители тантрических линий преемственности, ориентирующиеся на так называемую "реформированную" школу тибетского буддизма, до сих пор всегда соблюдали строгость в отношении секретности тантрической литературы; что же касается не реформированных школ, то их подход всегда был более либеральным. Несмотря на вероятную негативную реакцию буддистов, придерживающихся исключительно тех поучений Будды Шакьямуни, которые связаны с "первым поворотом колеса учения", мы надеемся, что это будет компенсировано интересом к тантрам, который вызовет данный перевод, и тем, что он удалит неверные суждения о тантрах и подарит читателям озарённое вдохновение.

Антиклерикальные шедевры, которые творил Рабле, отражали начало неудовлетворённости гнивающей системой; но Друкпа Кюнле нападает на монашество и организованную религию, следуя неувядаемой индийской традиции сиддхов. К этой традиции принадлежал индийский поэт- мистик Сараха (Друкпа Кюнле был его воплощением), обличавший в своих песнях показное благочестие, сухую научность, пустое следование ритуалам и самолюбивую праведность. Друкпа Кюнле добавил к этому списку монашескую сексуальную немощь, властолюбие привилегированных иерархов, злоупотребление невежеством и суевериями других, излишнюю озабоченность второстепенными религиозными аспектами, богатство, славу и многие другие проявления "духовного материализма".

И Сараха, и Друкпа Кюнле стремились высвободить величие человеческого духа, избавляя его от рабской подчинённости религиозным институтам и моральным и ритуальным условностям, которые изначально призваны служить опорой духовным исканиям. Оба эти практика, будучи образцами бескомпромиссности на духовном пути, верили в то, что необходимым условием совершенного счастья является

непривязанность, в том числе непривязанность к духовным институтам. Начавшуюся в XVII веке в Тибете борьбу "красных шапок" против централизованной богословской иерархии в Лхасе можно рассматривать как конфликт между силами бюрократического истеблишмента и индивидуальным поиском спасения. Эта любовь к свободе представляет собой характерную особенность тантрической традиции вообще и бутанской традиции в частности, возвращению которой посвятил так много усилий Друкпа Кюнле. Её анархизм можно сравнить с отцами-пустынниками в христианстве и суфиями в исламе. Как бы то ни было, нападки Друкпы Кюнле на истеблишмент никогда не были злобными. Он сам являлся продуктом монашеского воспитания (хотя рано покинул чертоги духовного инкубатора) и, должно быть, понимал, что монастырь предоставляет уникальное убежище людям с посредственными способностями и тем, кто, по различным причинам, нуждается в специальной общественной среде для своего духовного роста.

У нас была мысль дать другое название этому переводу - "Мастерство желания"; тем самым мы подчеркнули бы позитивный оттенок мистического пути Друкпы Кюнле. Эмоции, особенно желание, следует не подавлять, а очищать, и затем - свободные от своекорыстной мотивации, во исполнение САМАЙИ (обязательства придерживаться высочайшего осознания) - их нужно использовать для разоблачения иллюзий и принесения понимания и восторга всем существам. Именно с такой оценкой нужно читать истории о любовных похождениях Друкпы Кюнле, и тогда будет очевидно, почему мастерство, с которым он выражал своё желание, безупречно. Несправедливо обвинять Мастера в похотливости значит совершенно неправильно истолковывать динамику его существования, и похотливое восхищение или отвращение со стороны читателя будут означать непонимание одной из величайших тайн жизни и сущностного смысла тантр: природа блаженства всех явлений выявляется в союзе двойственности (субъект/объект, сознание/чувство, мужское/женское). Независимо от того, является его партнёром человеком или полем чувственного восприятия, Мастер участвует в непревзойдённом союзе искусных средств (мужское) и осознания (женское), где сочувственные искусные средства пробуждают потенциал осознания женской "Пустоты". И в этом союзе раскрываются тантрические тайны, символизируемые мандатами Будд-женщин и Будд-мужчин. Его сексуальная активность - лишь часть его мастерства, которым он освобождает людей от неведения - вселенского психоза, закрывающего от нас присущую всем нам природу Будды, - и искореняет устоявшиеся представления о том, кто мы и что мы должны и не должны делать. Гений его исцеляющего мастерства кроется в спонтанной речи и непринуждённых действиях, пробуждающих осознание подлинной экзистенциальной реальности. Возмутительные поступки и смех - это искусные средства, которыми он вытряхивает людей из их вялого принятия невротического статус-кво их умов и привязанности к привычным формам. Все взаимоотношения Друкпы Кюнле отмечены мастерством его желания принести непреходящее и одновременное Просветление себе и другим.

Друкпа Кюнле обрёл Состояние Будды, энергично и крайне дисциплинированно предаваясь упражнениям в слушании, размышлении и медитации в аскетической среде тибетской монашеской академии. Он следовал наставлениям и предписаниям и получал подлинные

внутренние посвящения и уполномочения от Лам своей школы. Красношапочная школа Друкпа Кагью (одна из четырёх "больших" подшкол Кагью, тесно связанная с Ньингмапой) была основана его предшественником по имени Палден Друкпа Ринпоче в Ралунге, южном Тибете. Он принадлежал к линии преемственности, основанной Тилопой, Наропой, Марпой и Миларепой (см. "Наставления по Нёндру" и "Кармапа, тибетский лама в чёрной короне", издательство "Алмазный Путь" - прим. ред.). Но когда Друкпа Кюнле уже достиг цели (в удивительно раннем возрасте), он превзошёл различия между школами, став мистиком всей вселенной. Высмеиваемые им монастыри Дрепунг, Ганден и Пурнху с большой любовью вспоминали о его визитах. Ревностное отношение к избранному методу духовной эволюции действует первоначально подобно оловянной трубке вокруг сеянца, защищающей его от баранов и кроликов. Но рано или поздно практик сталкивается с необходимостью стать самостоятельным, освободиться от всяких социальных опор и психических костылей, как это демонстрирует Гуру. Это славное одиночество - в мире, но не от мира - один из признаков невыразимого Великого Совершенства (Дзогчена) и Великой Печати (Махамудры, Чагчена), которые являются синонимами духовного достижения Друкпы Кюнле, только за стенами школьного класса.

Друкпа Кюнле - уже нечто большее, чем историческая личность. В Бутане он является культурным героем, окружённым паутиной рассказов и легенд, фактов и вымысла. Тибетские завсегдатаи пивных заведений вспоминают его имя наряду с Агу Томбой - совсем уже не святым похотливым персонажем, фигурирующим в тибетском фольклоре в роли учителя народной мудрости. Во множестве подлинных историй Друкпа Кюнле выступает архетипическим божественным безумцем, чей образ сформирован мифическими императивами данной модели духовного бытия. Эти императивы запечатлены и легендах о восьмидесяти четырёх индийских махасиддхах и в многочисленных историях о божественных сумасбродах, появившихся в период расцвета тибетской традиции (с XIV по XVI век), и они даже прослеживаются в лучших ожиданиях индийских селян в отношении их так называемых Пагала Баба (святых безумцев). Характерные черты - это беззаботность и отсутствие привязанности, избыток сочувствия, полное отсутствие табу, умелое использование шоковой терапии, слез и смеха.

Бродячий образ жизни - распространённое и принимаемое обществом явление на Востоке. Если определять невменяемость как отклонение от психологических норм, то божественный безумец - поистине сумасшедший; однако если использовать в качестве мерил духовные идеалы, то безумцами, несомненно, являемся мы, в своём подавляющем большинстве.

Теперь несколько слов о тибетцах. Пусть у вас не создаётся впечатление, что это какая-то ватага охальников. Несмотря на то, что у них мало невротических комплексов в отношении секса, всё же им свойственно сильное чувство стыда. Тибетские женщины покраснеют, если речь зайдёт о сексе, и будут косо смотреть на эмансипированную западную девушку. Таким же образом, у монахов вызывают крайнее смущение даже самые безобидные шутки Друкпы Кюнле. И даже миряне, обожающие его юмор, имеют очень острое ощущение места и времени. Если кого-то из западных читателей шокирует присутствие сексуальных

тем в священной книге, то следует иметь в виду, что тибетцы, пожалуй, ещё более чувствительны к терапевтическому эффекту этих историй.

Вторая часть этой книги посвящена пребыванию Друкпы Кюнле в Бутане, где он занимается необычной деятельностью, которая требует пояснений. В XVI веке народ Бутана всё ещё находился во власти анимистических суеверий, и Друкпа Кюнле энергично и даже с радостью занимался тем, что подчинял или уничтожал демонов, терроризировавших население. Различные виды демонов лучше всего истолковать как конфигурации стихийных сил природы, поражающие умы людей; они неотделимы от страха и инстинктивных реакций, которые они вызывают. Местонахождение этих сил не обязательно связано с телом. Например, демон горного перевала может представлять собой образ скрытой мощи феноменов холода, снега, ветра и высоты, форма и характер которого отображает коллективный опыт и воображение многих испуганных, измождённых и торжествующих путников, пересекавших перевал. Обретает ли этот образ благодаря поколениям "почитателей" вещественность и виде некой тонкой сущности - вопрос спорный, но он наверняка воздействует на них так, будто имеет самостоятельное существование. Ещё один пример: демон-змея может являть собой скрытую силу болезни или природного бедствия, заложенную в качестве вируса или потенциально опасного экологического дисбаланса в первоэлементах земли или воды, и к этому может примешиваться немой испуг, который вызывают, скажем, холера и землетрясения. Существует много разнообразных форм демонов-змеев, и каждый демон наделяется особенными характеристиками своего региона и различными отображениями того, как реагируют на него люди. Внутренние демоны, досаждавшие Будде Шакьямуни, - "просты": например, демон "страха смерти" может ассоциироваться с состояниями снижения нервной энергии и депрессии, и влияние его можно заметить и в мышлении, и в эмоциях, и в стереотипных реакциях. Шаман, которым овладел демон, наделяется чёрными магическими силами. Друкпа Кюнле не просто уничтожает демонов, но превращает их в стражей и защитников истины Будды. Основывается это чудо превращения на непоколебимости и ясности высшего трансцендентального осознания ума, которое символизирует трость Друкпы Кюнле с наконечником в форме пениса, или же его собственный член (ваджр, дордже), называемый "Пламенным Алмазом Мудрости". Демон незамедлительно принимает Прибежище в Будде, как только дордже раскрывает его Пустую природу, и впоследствии Мастер при случае напоминает демону о своём непрерывном интуитивном осознании Пустоты, присущей демоническим призракам, и, соответственно, своей власти над ними. То, что изначально было враждебными стихийными явлениями и атавистическими страхами, становится свирепыми масками, отпугивающими тех, кто посягает на святилище истины, и могучими энергиями, способными выполнять мирские задания для Мастера, - дружелюбными помощниками на пути.

Полное личное имя нашего героя - Кюнга Легпаи Зангпо, сокращённо - Кюнга Легпа или просто Кюнлег (Кюнле). Еготитул "Друкпа" означает его принадлежность к школе Друкпа Кагью, а также то, что он связан с Бутаном. "Владыка Дхармы" (Чёдже) указывает на его мастерство в Дхарме - учении Будды и его практических аспектах. "Защитник Живых Существ" (Дроваи гёнпо) является эпитетом Бодхисаттвы Сочувствия как

освободителя богов, людей, титанов, зверей, голодных духов и чертей. Поскольку он - Будда и Наставник- Гуру для множества его современников и последующих поколений его учеников, он называется "Лама". Термин "Налджорпа" (Йогин на санскрите, Йоги в общем употреблении) определяет его как бродячего отшельника и мастера, опытного в медитации и магических играх. Буквально Налджорпа означает "привязанный к безмятежности", "верный подлинной личной реальности" или "олицетворение союза мужского и женского принципа". "Мастер" - аналог понятия Друктон (Сиддха), что говорит об обретении относительных магических способностей и постижении окончательной природы действительности. Такой эпитет Друкпы Кюнле, как Джадрал, я весьма дерзко перевёл как "Свободный от Обязательств" -то есть, он покоится в свободном пространстве Махамудры, где действие - это скорее не- действие: все движения находятся в такой гармонии со вселенной, что нет нужды ни в каких усилиях или борьбе. Спонтанное и ничем не сдерживаемое, это выходит за пределы наших представлений о работе или активности. Заслуживают объяснения и три последних титула, часто вызывающие неправильное понимание. "Драгоценный" (Ринпоче) - это форма обращения, которую используют ученики по отношению к своему Ламе или крепостные по отношению к своему священнику- сюзерену. "Тулку" (Воплощенец) означает видоизменённое излучение Будда- сути и глубококом метафизическом контексте, н то время как в политическом кон тексте это - номинальный глава монастыря. "Гомчен" (для этого понятия я не смог найти ёмкого эквивалента) - это название аскета- медитатора, который проводит всю свою жизнь или значительную часть своей жизни н пещере или хижине, вход в которые часто запечатан, в джунглях или в твердыне Гималаев.

Тибетский текст (Дроваи гёнпо чёдже кюнга легпаи намтхар гьямцхои ньингпо тхонгба донден) был составлен в 1966 году одним из самых видных авторитетов по Друкпе Кюнле в Бутане, Геше Чапху (Геше Драгпхуг Гендюн Ринчен). Он написал его в Кюнга Чёлинге - прелестном месте отшельничества под Сангчен Чекхором в долине Паро в Бутане. В соответствии с тибетской традицией, первый вариант рукописи побывал сначала у его наиболее учёных коллег; при этом основное участие в редактировании приняли Лопён Надо, Лопён Нема и Лопён Кюнле. Таким образом, у нас есть все основания доверять подлинности историй и верить, что они действительно восходят к XVI веку. Лопён Надо отвечал за напечатание пересмотренного издания в Калимпонге (в Западной Бенгалии), и это -то издание, которое мы использовали для перевода. Калимпонгское издание завоевало большую популярность среди народов, говорящих на тибетском языке.

Немного о переводе. Нашей целью первостепенной важности было отразить общее содержание жизни Налджорпы, сохранив идиомы, аналогичные оригинальному тексту. Таким образом, вовсе не делалось попыток осуществить буквальный перевод и для того, чтобы придать ясность сложным для понимания местам в отношении как первоначального, так и сопутствующего смысла и добиться сложности согласно канонам английской прозы, неизбежно что-то опускалось и использовались приёмы описательного расширения. Помимо тех пассажей и песен, что непосредственно связаны с тантрическими поучениями и требуют крайне внимательного и скрупулёзного к себе отношения, перевод делался в расчёте на восприятие образованного

обывателя. Неоценимую помощь оказал Сенам Палджор, особенно в разъяснении идиом, которыми изобилует текст. Следует отметить ещё несколько моментов: вульгаризмы переводились в эвфемистическом ключе; такие слова, как "Пустота" (Шуньята) и "Пустой" (Пустой), поскольку не передают богатства оригинального термина, пишутся с заглавной буквы; собственные имена переданы в фонетическом звучании, приближенном к оригиналу, и переводятся только в тех случаях, когда передают важные смысловые оттенки; бутанские географические названия даются в их современной форме и, в случае необходимости, в скобках указывается местонахождение. Мы извиняемся перед духом Друкпы Кюнле, если нам не везде удалось искусно передать его неподражаемые каламбуры, нюансы стиля и юмор, а также - многоуровневый смысл его Дхармы.

Я очень благодарен Геше Чапху за разрешение перевести этот труд; Друкпе Тукце Ринпоче (опекуну Друкчена, являющегося высшим Ламой школы Друкпа Кагью) за его благословение на эту работу и одобрение, полученное в Хемисе, Ладакхе; Чёгьялу Ринпоче из Таши Джонга, долины Кангра, потомка Друкпы Кюнле по прямой линии, который написал предисловие и одарил меня своим бесценным вдохновением; моему другу Сёнаму Палджору, жителю Катманду, вместе с которым мы с большим удовольствием читали текст; Хал Кулою за показ мне текста и побуждение к тому, чтобы его перевести; Ли Баарслаг, Лобзангу Гьямцо, Чёдже Ринпоче, Питеру Куперу, Линде Уэллингз, моей жене и всем тем, кто сделал возможным появление этой книги.

Кейт Доуман (Кюнзанг Тензин) Катманду, Непал

БОЖЕСТВЕННЫЙ СУМАСБРОД

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И ПЕСНИ ДРУКПЫ КЮНЛЕ

Пролог

Намо Гурувэ!

Сам Владыка Дхармы Друкпа Кюнле сказал так:

"Если я раскрыл нечто тайное, я извиняюсь;

Если это мешанина бессмыслиц - веселитесь".

Я к такому настрою полностью присоединяюсь.

Великий Мастер буддийской йоги Кюнга Легпей Палзангпо был совместным излучением Мастеров Сарахи и Шаварипы [*Сараха, кузнец, ковавший стрелы, и его духовный сын Шаварипа, охотник, практиковали Йогу Спонтанности (sahaja) в Индии в VIII- IX веке. Их песни (saryapada) показывают пренебрежение к ритуальным почитаниям и академической учёности, восхваляя опыт Махамудры*], живших в Индии, Стране Святых. Его истинной сущностью был всеобъемлющий простор абсолютной реальности. Свободный от омрачающих страстей и с полностью созревшей заслугой, он был истинным Буддой, являющим собой океан

совершенных качеств. Игрой своего всеукрошающего искусства он показывал для блага живых существ понимание равенности всех явлений Самсары и Нирваны [*Мир запутанности и страдания (Самсара) и выход из цикла перерождений (Нирвана) в абсолютном смысле одинаковы - таково постижение Будды*] и не таясь демонстрировал перед людьми знаки своего совершенства. Неизменно видя иллюзорные проявления лишёнными реальности, он был свободен от лживости и притворства. Спонтанно действуя и непринуждённо наслаждаясь всем, что бы ни случилось ему совершить, ничем не ограничивая пространство своего ума, он скитался, не имея постоянного обиталища. Случайная встреча с ним побуждала людей отбросить своё цепляние к театральной игре этого мира как рваное тряпье.

Внешне эти истории похожи на рассказы о деяниях мирского человека, но внутренне показывают абсолютный уровень, соответствующий писаниям сутр и тантр [*Сутры - общедоступные наставления Будды Шакьямуни, а тантры содержат тайные поучения и наставления по тантрической практике*]. Это изложение чистой мудрости Друкпы Кюнде подобно капле нектара, извлечённой кончиком стебля травы преданности "куша" из океана жизнеописания Мастера, одного лишь прочтения которого достаточно для того, чтобы посеять в поток сознания семя Освобождения. Сам Мастер сложил "Сто тысяч изречений", наставления и малые тексты, в свободной манере описывающие происходившее. Этот автобиографический материал с дополнениями, составленными на основании традиции устной передачи, был издан преданными благодетелями Дхармы и в восьми главах с подзаголовком "Смотри и смейся!"

Сараха с подругой

Во-первых, при чтении у вас может, поначалу, возникнуть мысль о несовместимости, но - с чем? Да, конечно, и масле неуместна вода, в молоке неуместна кровь, в глазу неуместна пыль, в ступне неуместен шип, в маленькой девушке неуместен большой член, а в Святой Дхарме неуместна ложь. И точно так же безразличие, которое вы испытываете к

земле под вашими ногами, несовместимо со священными поучениями: эти истории следует читать с доверием и преданностью.

Далее, если читать эти истории, заикливаясь на упоминающихся там непристойностях, то - если их читает некто стыдливый, у него польётся ног; если это человек с глубокой верой - польются слезы; если глупец - изо рта польются слюни; если это женщина во власти желаний - из её лотоса польётся сок; если это человек со слишком большим самомнением - после смерти он "польётся" в низшие сферы.

Не следует читать этот текст тем, кто не знаком с путём Тантры и не знает, что можно и что нельзя на этом пути, а также тем, кто пренебрежителен к дисциплине. Ведь разговоры о члене и влагалище в этом тексте служат исключительно благой цели - раскрыть глубочайший смысл подлинной реальности как союза искусных методов и мудрости, и если читающий этого не понимает, то ему будет противен откровенный язык при упоминании половых органо-нов, и его вере в учение Будды может быть нанесён ущерб. Так что очень важно не сидеть при чтении развалившись в неуважительной позе, не гоготать над откровенными пассажами и не поддаваться пренебрежению или ложным взглядам.

Внимай с ясным и радостным умом!

Глава первая

О том, как Друкпа Кюнле пустился в странствия и указал девушке Сумчок способ освобождения из океана страданий.

***Мы кланяемся в ноги Кюнга Легпы,
Держащему лук и стрелы, истребляющие
душегубов десяти сфер,
Ведущему с собой охотничьего пса,
убивающего тенденции к двойственности,
И несущему щит любви, сочувствия и терпения.***

Какова же предыстория Налджорпы [Налджорпа (*gnal `byog pa*), йогин, практик - здесь: странствующий Мастер, практикующий тантрическую медитацию] Друкпы Кюнле, происходящего из знаменитого рода и благородного Дхармой? В Индии - священной для буддизма земле - было много великих Мастеров, особое место среди которых занимал Наротапа [Наротапа или Наропа (1016- 1100) известен долгими и тяжёлыми поисками своего гуру, Тилопы, а также экстремальными ситуациями и мучениями, которым его подвергал учитель, и чистотой своей практики Махамудры. Он был учителем Марпы (тибетского переводчика) и Атиши, а также составителем Шести Йог Наропы]. Наротапа решил принять рождение в Стране Снегов, чтобы на благо всех существ распространять Учение, дающее смысл жизни людям. В этой стране Бодхисаттвы, держащего в руке лотос [Падмапани - покровитель Тибета: форма Авалокитешвары, Бодхисаттвы Сочувствия, где он стоит и держит белый

лотос], около Ягьяла, на востоке провинции Цанг, над перевалом Горного Демона Совершенное Довольство, в местности под названием Ньянгтё Сарал располагалось большое стойбище кочевников. В нём вместе со своей женой Маза Даркьи жил человек рода Гья [Род Гья провинции Цанг является древним тибетским кланом.] по имени Зурпо Цапе. Наротапа вошёл в утробу Маза Даркьи и родился младшим из семи её сыновей, каждому из которых было предназначено стать гордостью страны. Этого особенно благословенного младшего сына, Несравненное Солнце Страны Снегов звали Владыка Дхармы, Защитник Живых Существ, Палден Друкпа Ринпоче [Палден Друкпа Ринпоче, Йеше Дордже (1162- 1211) основал школу Друкпа Кагью в Ралунге, на востоке Цанга. Он был учеником Пемы Дордже (Лингрепы) и Пхагмотрупы].

Палден Друкпа Ринпоче родился в женский год железной змеи третьего цикла [Каждый год в шестидесятилетнем цикле тибетского календаря, начинающегося с 1026 г. н.м., находится под влиянием одного из пяти китайских элементов и одного из двенадцати животных, кроме того, являясь мужским или женским] (1161 г. н.э.), который имел благоприятные знаки для рождения великой личности. У его старшего брата, сына Лхабум, родился Лопён Бёнтаг, а унею, в свою очередь, - Дордже Лингпа Сенге Шераб и благородный мирянин Сенге Ринчен. У Сенге Ринчена родился Великий Тринадцатый в этой Линии - Сенге Гьялпо, ставший отцом Джамьянгу Кюнга Сенге, у которого родились Мастер Дхармы Шераб Сенге и воплощение Бодхисаттвы Мудрости Йеше Ринчен. У Йеше Ринчена было три сына: Намкха Палзанг, воплощение Владыки Тайного Учения, Шераб Зангпо, воплощение Бодхисаттвы Сочувствия, и самый младший - Дордже Гьялпо. Затем у Дордже Гьялпо родился сановник Ринчен Зангпо. У Ринчена Зангпо, наследника этого величественного рода, и его жены Гёнмокьи и родился Владыка Дхармы Кюнга Легпаи Зангпо ["Владыкой Дхармы" (*chos rje*) называют того, кто обладает качествами Будды, а "Кюнга Легпа Зангпо" (*kun dga' legs pa'i bzang po*) - полное имя Кюнле, или Кюнга Легпы. "Друкпа" (*'brug pa*) указывает на его принадлежность к школе Друкпа Кагью, а не на то, что он выходец из Бутана (Друк Юл). Друкпа означает "дракон"], - в год деревянной свиньи восьмого цикла (1455).

Тилопа (988- 1069)

Уже в раннем возрасте его перестало интересовать то, что обычно интересно детям. Поскольку пробудился накопленный им в прошлом потенциал, он подражал беззаботности налджорп, а дыхательные упражнения и медитации были единственным, что его интересовало. Эти знаки вдохновляли всех, кто его окружал. На третьем году жизни он с лёгкостью мог читать и писать. Когда ему было семь лет, его отца убили в семейной расправе и, утратив иллюзии относительно мирской жизни, он решил, что кроме практики Дхармы ни в чём больше нет никакого смысла. Оставив свой дом, отцовское наследство, семью и друзей, как если бы это было пылью под его ногами, он принял обеты мирянина и послушника у ламы Ненъинга Чёдже. Позже Дже Кхьенрабпа из Жалу посвятил его в сан монаха. Монах Сенам Чокпа обучил его тантрам Тайной Мантраяны, а у лотосных стоп Гьялванга Дже он изучил полное учение традиции Друкпа, и особенно Три Тайных Наставления [*Три Тайных Наставления (gdam ngag sdong po gsum)* - это устные наставления по спонтанному очищению тела, речи и ума] Палдена Друкпы Ринпоче, основателя этой Линии Передачи. У лотосных стоп великого Токден Лхацюна и других учителей, поистине объединивших в себе постижение природы ума и высочайшую учёность, он полностью прошёл через все аспекты Слушания и Размышления над Совершенным Учением, обрёл в своём уме внутренний смысл осуществления Четырёх Посвящений [*Четыре Посвящения (dbang bzhi)*: посвящение Вазы, Тайное, Мудрости и Слова - посвящают в тот Будда-аспект, от имени которого выполняется ритуал, и перелают силу и разрешение практиковать фазы Развития и Завершения в связи с данным Буддой. Здесь проводится различие между внешними, формальными посвящениями и действительным внутренним их смыслом] и впитал своим умом всю тайную сокровищницу объяснений по практике посвящений и коренных наставлений.

Наропа (1016- 1100)

Объединив смысл всех содержащихся в них слов, он раскрыл основу любого постижения: БУДЬ НАЧЕКУ! СЛЕДИ ЗА СОБСТВЕННЫМ УМОМ!

Осознав, что к этому сводится смысл всех обетов, он поднёс свои монашеские одеяния Драгоценному (учителю). Обращая в Путь всё, что

происходило, он отказался от совершения регулярных практик. Своё видение он изложил в такой песне:

*Когда нет понимания смысла слов Будды -
Что толку в мелочах, следовать букве Учения?
Если тебя не ведёт сведущий и опытный учитель -
Что толку в самодельной мудрости?
Если не способен любить всех существ как своих детей-
Что толку в торжественных молитвах и ритуалах?
Если не осознал, в чём единая суть Трёх Обетов, - [Три обета (sdom pa gsum): обеты Хинаяны - обеты строгой нравственной и физической дисциплины, обет бодхисаттвы Махаяны - всегда поступать на благо другим, и тантрические обеты Ваджраяны - сохранять в уме постоянный духовным контакт (самаяя) с Ламой как Буддой, а также дополнительные обеты]
Чего достигнешь, неспособный соблюсти то один, то другой?
Не понимая, что Будда у нас внутри, -
Какой смысл поступать подобно громиле, ищущему драгоценности?
Если не знаешь, что метод медитации заключается в естественном пребывании в потоке ума, -
Что толку в подавлении мыслей?
Не в состоянии согласовать свою жизнь со временем дня и года -
Кто ты, если не сумасшедший неразборчивый болван?
Если нет точного понимания Взгляда -
Чего можно добиться при помощи сбивчивой концентрации?
Если, отказавшись от собственности, при этом стремишься бездельничать за счёт неимущих -
Кто будет потом выплачивать твои долги?
Одеваясь только лишь в хлопковую простыню, не дающую ни тепла, ни комфорта -
Чего достигнет аскет, познав страдания холодных адов уже в этой жизни?
Прилагая усилия, но не имея нужных наставлений -
Чего достигнешь, подобный муравью, карабкающемуся на песочный холм?
Только лишь копить услышанные поучения, пренебрегая медитацией на природу ума, -
Всё равно, что морить себя голодом, когда кладовая полна.
Мудрец, отказывающийся обучать или составлять тексты, так же бесполезен, как драгоценность на голове Царя Змей.
Глупец, который ничего не знает, но непрестанно бездумно болтает,
Лишь всем возвещает о своём неведении.
Поняв единую суть всего Учения [Учение (Дхарма, chos) здесь относится к полному собранию наставлений по методам, ведущим к освобождению из циклического существования и достижению состояния Будды] -
практикуй её!*

Марпа (1012- 1097)

К возрасту 25 лет Кюнга Лета овладел как мирскими, так и духовными науками. Обретя знаки искусности и ясновидения и совершении прочих чудес, он вернулся на родину в Ралунг [*Ралунг расположен на полпути между Лхасой и бутанской границей. Это резиденция школы Друкпа Кагью, откуда происходит род Гья; располагается недалеко от места рождения Друкпы Кюнле*], навестить свою мать. Однако та не распознала его внутренних достижений, а могла судить о нём лишь по его внешнему поведению.

- Ты должен решить, кто ты, - твердила она. - Если ты решишь посвятить себя религиозной жизни, ты должен непрестанно работать на благо других. Если ты хочешь быть мирянином и вести хозяйство, тебе нужна жена, которая будет помогать твоей старой матери по дому.

Миларепа (1052- 1136)

Отныне во все времена введомый своим обетом посвящать другим всё своё зрение, слух, ум и восприимчивость и вести их на путь к

Просветлению и зная, что пришло время проявить свою безумную, но сочувственную мудрость, наджорпа моментально ответил:

- Если ты хочешь невестку, я пойду и разыщу её.

Он направился прямо к базарной площади и натолкнулся там на уродливую, скрюченную столетнюю каргу с седыми волосами. У неё были круги под глазами и не было ни единого зуба во рту.

- Старуха, - сказал он ей, - сегодня ты должна стать моей невестой. Пойдём со мной!

Старуха не могла подняться на ноги, но Кюнле взвалил её себе на спину и понёс домой.

- О ама! Ама! - закричал он. - Ты хотела, чтобы я нашёл себе жену, - вот я её притащил!

- Если это лучшее, что ты смог найти, то оставь эту затею, - простонала мать. - Отнеси её туда, где ты её взял, иначе тебе ещё и нянчиться с ней придется. Я лучше справлюсь с её работой, чем она.

- Хорошо, - сказал Кюнле с разыгранным разочарованием, - раз уж ты можешь выполнять её работу, я отнесу её обратно.

И он вернул её назад на базарную площадь.

По соседству жил примерный настоятель Нгагванг Чёгьял [*Нгагванг Чёгьял (ngag dbang chos rgyal) (1465- 1540), отпрыск рода Гья. Возможно, двоюродный брат Друкпы Кюнле, настоятель монастыря Ралунг, совершивший несколько путешествий в Бутан. Антипод Друкпы Кюнле - олицетворение официальной государственной религии*], Воплощение Бодхисаттвы Сочувствия [*Авалокитешвара (санскр.), Ченрезиг (spryan ras gzigs) (тиб.), "тот, кто устремил на мир взор, полный сочувствия", Любящие Глаза. Изображается держащим в одной руке четки, в другой - белый лотос, а во второй паре рук - Исполняющую Желания Драгоценность*] - добродетельный и святой человек, серьёзно практиковавший медитацию с фазами Развития и Завершения [*Фазы Развития и Завершения (bskyed rim dang rdzogs rim) - технические термины, описывающие последовательность процесса медитации, который состоит из построения вселенской Мандалы и затем её растворения в ознаменовании её "Пустой" природы*]. В перерыве между своими религиозными обрядами он подумал:

- Дом Кюнга Легпы и его матери нуждается в ремонте. Каждому мирянину полагается по алтарной комнате, а раз уж дело дошло до этого, можно было бы построить и туалет. Да вот только куда бы его поставить? Восточная сторона дома явно для этого не предназначается, южная кажется мне довольно неподходящей, на западе солончак, а север кишит злыми духами.

Пока Нгагванг Чёгьял раздумывал таким образом, Кюнле вернулся с базарной площади. Мать встретила его увещаниями:

- Хороший сын должен быть таким, как Нгагванг Чёгьял. Посмотри, как он поддерживает монахов, воздаёт за доброту своих родителей, трудится на благо всех существ и содержит в чистоте свой ум. Он воистину служит людям!

- И несмотря на это твой Нгагванг Чёгьял даже не может решить, где построить сортир! - засмеялся Лама.

Этой же ночью Кюнле взял своё одеяло и направился к кровати своей матери.

- Чего тебе? - спросила она.

- Разве ты не сказана сегодня утром, что будешь выполнять обязанности своей невестки? - ответил он.

- Ах ты, бесстыжая тварь! - воскликнула мать. - Я сказала, что улажу её работу по хозяйству. Не будь таким бестолковым. Отправляйся к себе в кровать.

- Надо было объяснять сегодня утром, что ты действительно имела в виду, - ответил Лама, ложась к ней. - Теперь уже слишком поздно; мы будем спать вместе.

- Заткнись и проваливай, ты, жалкое ничтожество, - ругалась она на него.

- У меня что-то случилось с коленом, и я не могу подняться. Пожалуй, что лучше тебе будет с этим примириться, - упорствовал он.

- Если уж у тебя стыда нет, - сказала она, - то что подумают другие? Только представь себе, какие пойдут пересуды!

- Если ты боишься слухов, мы можем сохранить это в тайне, - пообещал он.

Авалокитешвара (санскр.), Ченрезиг (sryan ras gzigs) (тиб)

В конце концов, она уже не знала, что ему возразить, и только сказала:

- Раз уж ты меня не слушаешь, то хотя бы никому не рассказывай. Как бы то ни было, есть поговорка: "Чтобы продать своё тело, не обязательно нужен сводник, чтобы повесить тханку, не обязательно нужен гвоздь, чтобы потерять заслугу, не обязательно стоять на солнце". Так что давай, раз уж не можешь иначе!

И услышав эти слова Кюнле, подобно воде, попавшей в кипящее масло, вскочил с кровати и оставил мать в покое.

На следующее утро чуть свет он отправился на базарную площадь и стал громко кричать:

- Слушайте, люди! Если вы будете настойчивы, вы сможете соблазнить даже собственную мать!

Приведя всю толпу в негодование, он исчез. Однако оттого, что скрытые недостатки его матери были выставлены напоказ, её плохие качества были искоренены, проступки искуплены, заботы и страдания удалены. Она прожила до преклонного возраста 130 лет.

Вскоре после этого происшествия он сказал матери, что собирается в Лхасу и в будущем будет вести жизнь налджорпы.

И так Владыка Дхармы, Защитник Живых Существ Кюнга Легпа отправился в Лхасу как странствующий налджорпа. Базарная площадь столицы была наполнена людьми, как ночное небо усеяно звёздами. Он встретил там людей из Индии и Китая, Кашмира и Непала, Ладакха и Гималаев, Кхама и северного тибетского нагорья, центрального Тибета и Цанга, Дакпо и Конгпо. В городе собрались кочевники, крестьяне, ламы, воины, монахи, монахини, налджорпы, верующие, торговцы и паломники из разных земель.

- Слушайте меня все, люди! - закричал Лама. - Я - Друкпа Кюнле из Ралунга, не имеющий определённых занятий, и я пришёл сюда сегодня, чтобы помочь живым существам. Ответьте же, где мне найти лучший чанг [*Чанг - пиво из ячменя, пшена, риса или проса, приготовленное при помощи катализатора путем брожения залитых кипятком зерен; насыщенный водой и затем отфильтрованный раствор. Это повсеместная нища и напиток в Тибете и соседних с ним странах*] и самых красивых женщин?

Народ был крайне удивлён, ошеломлён и озадачен, и повсюду зашептались:

- Этот ненормальный утверждает, будто бы пришёл сюда для блага всех существ, а потом спрашивает, где ему найти выпивки и женщин! Что за благочестие такое? Ему бы спросить, кто тут величайший лама, где находится лучший монастырь и где Дхарма процветает больше всего, но таких вопросов он не задаёт. Скорее всего, он один из тех благочестивых буддистов, которые привязывают к Колесу Учения скорее девушек, нежели демонов!

В толпе находился человек с белой кожей, запачканным сажей лицом, головой как кузнечный молот, неподвижными выпученными глазами, губами как овечьи кишки, лбом как перевёрнутая чаша для подаяния и шеей такой тонкой, как лошадиный хвост, из которой торчал огромный зоб. Он крикнул Ламе:

- Ты, дурак, ты можешь нам рассказывать, что ты человек, но у тебя наверняка нет родного дома, ты можешь рассказывать нам, что ты птица, но у тебя нет насеста, ты можешь называть себя оленем, но у тебя нет леса, ты можешь называть себя скотиной, но у тебя нет хлева, ты можешь называть себя буддистом, но у тебя нет общины, ты можешь называть себя монахом, но у тебя нет монастыря, ты можешь называть себя ламой, но у тебя нет трона. Ты - назойливый самонадеянный нищий! Днями ты побираешься на похоронных трапезах, а по ночам напиваешься, крадёшь у мужей их жён и забавляешься с ними. Ты никакой не практик, иначе у тебя была бы линия передачи. Скажи же нам, от кого берёт начало твоя линия передачи!

- Эй ты, болван с лицом как у жертвенного пугала на перекрёстке! Сядь и замолчи! - вскричал Кюнле. - Ты хочешь знать моё происхождение и какого я рода? Ты спрашиваешь о моей линии передачи? Так слушай же, я скажу тебе [*Следующие строки передают великую силу и глубину совершенства Друкпы Кюнле, показывают четыре корня его духовной сущности: его Ламу, Палден Друкпу Ринпоче, в воплощении Лхацюна Кюнга Чёкьи Гьямцо (lha btsun kun dga' chos kyi rgya mtsho) (1432-1505); его йидама Чакрасамвару - главного йидама в Кагью; его дакиню или партнёршу Ваджраварахи - персонификацию его совершенного осознания; и его Защитника, четырёхрукого Махакалу*] :

Линия передачи этого бродяги благородна:

Она берёт начало от Держателя Ваджры!

Лама этого бродяги благороден:

Его имя - Лама Палден Друкпа!

Йидам этого нищего благороден:

Его имя - Высшая Радость!

Дакиня этого нищего благородна:

Её имя - Алмазная Свинья!

Защитник этого нищего благороден:

Его имя - Великий Четырёхрукий Защитник!

Когда он закончил свою песню, нападавший на него не нашёлся, что ответить, а затем он и вовсе исчез.

Тут из толпы поднялся старик из Лхасы, поклонился Ламе и запел такую песню:

Славный Друкпа Кюнле!

Я живу в городе Лхаса,

А Лхаса знаменита своими красивыми женщинами.

Невозможно их всех перечислить,

Но вот имена самых лучших:

Палзанг Бутри, Вангчук Цеванг Зангмо,

Калзанг Пемо, улыбчивая Санг Гьялмо,

Сенам Дрёнма, танцовщица Чёкьи Вангмо,

*И светоч Лхасы Дрен Акьи.
Таковы имена их,
Но число не названных - беспредельно.
В Лхасе ты найдёшь и добрый чанг.
Радует ли это твоё сердце, налджорпа?*

Кюнле отвечал:

- Похоже, что в Лхасе мною красивых женщин и добрый чанг. Как-нибудь надо мне погостить в вашем городе.

Тогда поднялся старик из Сакья и спел такую песню:

*Славный Кюнга Легпа!
Я из земли Сакья,
Где красота женщин легендарна.
Невозможно их всех перечислить,
Но вот имена самых красивых:
Асал Пемо, дева Гакьи,
Дева Андрук, Лхачё Вангмо,
Аса Церинг Дролма,
Дева Дасал Янгкьи, Декьи Салдрён.
Вот столько тех, чьи имена я называю,
Но число не названных безмерно,
И у нас в Сакья также превосходный чанг.
Тебе это подходит, налджорпа?*

- Ях, ях! - сказал Лама. - Как-нибудь я приду в Сакья. Тогда поднялся старик из Ладакха и сказал следующее:

*Славный Кюнга Легпа!
Я пришёл из земли Ладакх,
Где красивых женщин почитают.
Если ты спросишь у меня их имена, упомяну я
Цеванг Лхадрён, деву Чёкьи,
Деву Ацонг с высоких перевалов,
Лхачиг Бутри, Ама Акьи,
Карма Дечен Пемо и Сенам Гьялмо, -
И эти имена достойны, чтобы их запомнить.
А также чанг хорош у нас в Ладакхе.
Придётся его отпробовать, налджорпа?*

- Ях! Ях! - сказал налджорпа. - Как-нибудь я приду в Ладакх! Следующей вышла старуха из Бутана и сказала:

- Вы, тибетцы, слишком много болтаете! Ламу зовут Друкпа [Бутанка обыгрывает двойное значение "Друкпа": "последователь школы Друкпа Кагью" и "житель Бутана"] Кюнле, а не тибетский Кюнле! И она запела такую песню:

*Славный Друкпа Кюнле! Я из страны Бутан,
Что полна желанных красоток.
Я не смогу всех наших женщин поимённо перечислить,*

*Но вот некоторые, чтобы запомнить:
Гёкьи Палмо - девушка из земли Воче,
Девушка Адзом - дакини с подножья Ступы Гёньюл Сар,
Намкха Дрэнма из Пачанга - дакини из долины Шунгьюл,
Палзанг Бутри - дакини с высокогорья Шунгьюл,
Чёдзом - дакини с подножья Варна в Вангьюле,
Самтен Цемо, дочь Ламы Ньида Дракпа, - дакини из Пара,
Дева Гьялдом - дакини из- под сандалового дерева в
Шар Кхьюнгце.*

*Вот несколько имён, но число не названных несметно,
И у нас также есть отличный чанг, -
Ну как нравится тебе Бутан, налджорпа?*

- Ях! Ях! - сказал йогин. - Как-нибудь я посету Бутан, поплю вашего чанга и попробую ваших женщин! Наконец, высказалась старуха из Конгпо:

*Славный Кюнга Легпа!
Я - из земли Конгпо,
А вот имена наших красавиц:
Лхачё Пемо, дева Палзанг,
Ринчен Гьялмо, дева Цеванг Гьялмо,
Тендзин Зангмо, Цетен Лхамо
И дева Сумчок.
Вот столько их, если назвать их поимённо,
А число не названных - безмерно...
И у нас также чанг - первоклассный.
Не хочешь ли ты погостить у нас, налджорпа?*

- Ях! Ях! - сказал налджорпа. - В Конгпо много красивых женщин. Но недостаточно просто знать, что они существуют, их нужно ещё и повидать. Особенно заинтересовала меня девушка Сумчок. Сколько ей лет?

- Пятнадцать, - ответила женщина из Конгпо.

- Тогда мне нужно немедленно отправляться в путь, пока не поздно, - сказал Лама. - Будьте здоровы! Я должен теперь идти и встретиться с Сумчок!

По пути в Конгпо (провинция к юго-востоку от Лхасы), миновав Ньеронг, Лама повстречал на дороге пятерых девушек.

- Откуда ты и куда идёшь? - спросили они его.

- Я пришёл из того места, что находится позади меня и иду к тому, что расположено передо мной, - усмехнулся он.

- Всё же ответь нам, - настаивали девушки, - с какой целью ты в пути?

- Я ищу 15-летнюю девушку, - сказал Лама им в ответ. - У неё нежная кожа; мягкое, шелковистое, жаркое тело; узкое рыжее и уютное влагалище и круглое смеющееся личико. На неё приятно смотреть, она душисто благоухает и отличается острым рассудком. То есть, я ищу ту,

которая имеет признаки дакини [Дакиня - выражение совершенного осознания, ставшее реальностью совершенное познание; она может повстречаться практикующему как гневный и кажущийся злобным враг или как высший союзник, наделяющий силой полностью сознательной магической активности, в виде существа из света и энергии или как женщина во плоти. Оргъен - страна дакинъ].

- А мы что же, не дакини? - спросили девушки.

- Сомневаюсь, - отвечал Лама. - Вы выглядите иначе, но есть различные виды дакинъ.

- И какие же? - заинтересовались они.

- Есть Дакини Мудрости, Алмазные Дакини, Дакини Драгоценности, Лотосные Дакини, Дакини Активности, Будда- Дакини, Плотоядные Дакини, Мирские Дакини, Дакини Пепла и многие другие.

- И как же их распознать?

- Дакиня Мудрости лучезарна и полна жизни, - объяснял им Лама. - Кожа у неё белая с красноватым оттенком. Она любит причёски, напоминающие корону, и у неё пять белых знаков в области волос. Она полна сочувствия, чиста, правдива и преданна; кроме того, её тело красиво сложено. Союз с ней приносит счастье в этой жизни и предотвращает падение в низшие миры в следующей.

У Будда- Дакини голубоватый цвет лица и сияющая улыбка.

Дакиня Дордже Пхамо

Она не отличается сильной страстью, живёт долго и рождает много сыновей. Союз с ней обещает долголетие и перерождение в Чистой Стране Оргъен [Оргъен, географическое расположение которой ассоциируется с долиной Сват в Пакистане, - это мифическая область посвященных, дакинъ и тантрического откровения].

Алмазная Дакиня красива и обладает упругим гибким телом с хорошими пропорциями. У неё длинные брови, сладкий голос, и ей нравятся пение и танцы. Союз с ней приносит успех в этой жизни и перерождение богом.

У Дакини Драгоценности прелестное белое личико с приятным желтоватым оттенком. Она высокая и стройная, у неё белые волосы. Она не тщеславна, и у неё очень тонкая талия. Союз с ней даёт богатство в этой жизни и закрывает врата в ад.

У Лотосной Дакини светлая розоватая кожа с блестящим оттенком, плотное невысокое тело, короткие конечности и широкие бёдра. Она сладострастна и словоохотлива. Союз с ней приносит много сыновей, господство над богами, духами и людьми и закрывает врата в низшие сферы существования.

У Дакини Активности сияющая голубая кожа с коричневатым оттенком и широкий лоб; она довольно свирепа. Союз с ней защищает от врагов и закрывает врата в низшие сферы существования.

У Мирской Дакини белое улыбчивое и сияющее лицо, она почтительна к своим родителям и друзьям. Она верна и не скупа. Союз с ней обеспечивает продолжение семейного рода, даёт пищу и богатство, а также обеспечивает перерождение человеком.

У Плотоядной Дакини тёмно-пепельный цвет лица, широкий рот с выступающими клыками, на её лбу есть признаки третьего глаза, у неё когтеподобные длинные ногти, а в её влагалище - чёрная сердцевина. Она любит мясо и кровь и пожирает детей, которых рождает. Ей не хочется спать после захода солнца. Результат союза с ней - короткая и безрадостная жизнь, много болезней и перерождение в глубочайшем аду.

У Пепельной Дакини жёлтое обрюзгшее тело с пепельным оттенком, она ест золу из очага. Союз с ней служит причиной многих страданий и истощения, а также перерождения голодным духом.

- Ну а какие дакини мы? - нетерпеливо спросили девушки.

- Вы - совсем другого рода, - ответил Лама.

- Какого же? - продолжали они настойчиво расспрашивать.

- Вы жадные, но бедные, неудовлетворённые, но недружелюбные. Даже если вы найдёте какого-нибудь болвана, который свяжется с вами, никто не получит от этого никакой пользы.

Девушек до глубины души задела слова Ламы и, полностью осознав свои недостатки, они ушли.

Отныне Лама носил с собой лук и стрелы, символизирующие всепронизывающую мудрость и искусные средства [*Союз и единство этих двух аспектов (shes rab dang thabs) Будда-сущности, символически представленный образом яб-юм, создаёт нерушимое осознание, рассеивающее все виды эмоциональной лености и неведения*], дабы

истребить душегубов десяти направлений ["Забиратели жизни", "враги", "душегубы" десяти сфер (zhing bcu'i srog dbugs len pa) - это злые, мешающие силы искушения, населяющие все части духовной вселенной], и вёл с собой охотничьего пса для уничтожения привычки двойственного мышления. Его длинные волосы, свободно ниспадавшие на плечи, были украшены диадемой на макушке, а в его ушах висели большие круглые серьги. Верхнюю часть тела прикрывала дешёвая фуфайка, а нижнюю - юбка из хлопка.

Придя в Конгпо, он остановился перед дворцом наместника Бычья Голова и прислонился к шесту молитвенного флага. Убедившись в том, что поблизости никого нет, он запел песню, чтобы пробудить чувства Сумчок (Три Драгоценности).

*Я кланяюсь в ноги отцам моим, Ламам Кагью!
В этой счастливой провинции У, раю процветания и изобилия,
Заточена в жалкой темнице самсары [Самсара - круговорот рождения и смерти, сфера заблуждения и эмоциональной запутанности]
Сумчок, обворожительная дева.
Задержишься на миг и послушай меня, -
Бесцельно повсюду бродящий налджорпа
Поёт тебе песню со скрытым смыслом.
Посреди синевы огромного полночного неба
Сияет луна, устраняя мрак для всех существ.
Но не ревнует ли планета Раху ко мне - ясной полной луне?
Если ты скажешь, что нет,
То позволь мне удалить мрак с Четырёх Континентов.
В цветущих садах разных долин
Пчела наслаждается мёдом сияющего алого цветка.
Но не ревнуют ли засуха и град ко мне - пчеле?
Если ты скажешь, что нет,
То позволь мне сделать подношение Трёх Драгоценностям.
Если тела рождённой на земле Конгпо Сумчок и моё сольются в любви,
Не будет ли ревновать Бычья Голова -
Правитель округа Конгпо в провинции У?
Если ты скажешь, что нет,
То позволь приблизить Сумчок к состоянию Будды.*

Сумчок как раз несла чай наместнику, когда отчётливо услышала песню Ламы. Она выглянула из окна и, как только увидела нищего, подобного взошедшей 15- дневной луне, прислонившегося к шесту молитвенного флага, её сердце мгновенно наполнилось преданностью и, хотя она никогда не видела его прежде, но оттого, что она уже слышала его имя и знала истории о знаках его совершенства и большой искусности в чудесах, она решила, что это Кюнле.

И в ответ преподнесла ему такую песню:

*О нищий, сидящий посреди большого зелёного горного луга,
Подобный взошедшей на 15- й день луне!
Твоё обычное тело скрывает сердце Будды,
Твоя нагая плоть сияет великолепием.
Щит терпения висит на твоей спине,
И ты несёшь лук и стрелы как символ искусных средств и мудрости.*

*Ты ведёшь охотничьего пса, дабы извести тревожащие эмоции,
А сила твоей практики способна покорить три сферы [Три сферы (khamtsgsum): сфера желаний, сфера форм и бесформенная сфера, - трёхчастное деление самсары].*

*Ты или демон, принимающий разные формы,
Или Махасиддха, владеющий чудодейственной силой.
Не обманываешь ли ты меня, "выдавая медь за золото"?*

*Но если твоё золото не окажется медью,
То взгляни на несчастнейший кусок железа,
Что служит наковальней кузнеца!
Хочется ему сдвинуться - да накрепко схвачен большими и малыми клещами,*

*А остаться на месте - по нему стучат большими и малыми молотками.
Если ты и вправду сын Линии искусных кузнецов,
Не оставляй его быть наковальней,*

Но, сделав из него замок храма Джово [Храм Джово (Раса Тулнанг) в Лхасе вмещает самую старинную и святую тибетскую статую Будды Шакьямуни в форме Вайрочаны, подарок Сонгцену Гампо от короля Непала в VII пеке. Известная легенда утверждает, что в конце своей жизни Друкпа Кюнле растворился в ноздре Джово],

*Очисти карму этого железа и приведи его к совершенству!
Взгляни на несчастнейший кусок дерева, что служит порогом дома!
Хочется ему сдвинуться - да накрепко схвачен дверным косяком,
А остаться на месте - его топчут собаки и свиньи.*

*Если ты и вправду сын Линии искусных плотников,
Не оставляй его быть порогом дома,*

*Но, сделав из него двери храма Джово,
Очисти карму этого дерева и приведи его к совершенству!*

*Взгляни на несчастнейшую из женщин - Сумчок из Конгпо!
Хочется мне уйти, да не могу порвать путы привязанности к самсаре,
А остаться, так побои Бычьей Головы делают мою жизнь невыносимой.*

*Если ты, Лама, действительно живой Будда,
Не оставляй меня в трясине самсары,*

*Но, взяв меня с собой, куда бы ты ни шёл,
Очисти карму Сумчок и приведи меня к совершенству Будды!*

Бычья Голова услышал, как Кюнле и Сумчок поют друг другу песни, и крикнул:

- Что это за пение я там слышу?

Остроумная Сумчок мгновенно нашлась что ответить:

- Мой господин, нищий с приятным голосом стоит здесь перед дверью. Он пропел мне новости.

- О каких новостях он рассказал тебе? - спросил Бычья Голова.

- Очевидно, охотники били сегодня зверя в горах, - отвечала она. - Мяса ещё не делили, а поэтому, если ты отправишься туда, ты сможешь вернуться как минимум с сотней туш. Если тебе повезёт, тебе больше не придётся есть цампу [Цампа - жареная ячменная крупа, которую едят с чаем или смешивают с маслом; пампа и чай являются главными элементами тибетской кухни] без мяса.

На слух наместника это подействовало подобно живительному дождю в пустыне.

- Коли так, приготовь продовольствия для семидневного путешествия на меня и тридцать человек прислуги, - распорядился он.

Сумчок немедленно повиновалась.

Когда наместник отправился в путь, девушка пригласила Ламу в спальню и стала готовить ему чай.

- Чем ты будешь готовить чай, - сказал Лама, - лучше я приготовлю для нас тот чай, что я нёс с собой всю дорогу сюда от лхасского рынка. Давай же выпьем его прямо сейчас!

И он взял её за руку, уложил на кровать наместника, задрал чубу (тибетское платье) и посмотрел на её нижнюю мандалу, в скопление бутонов белых Лотосов между бёдер, плоть которых была мягче сметаны. Увидев, что они предназначены друг для друга, он совершил их союз. Своей любовью он доставил ей больше наслаждения и удовольствия, чем она когда-либо испытывала.

- О Сумчок! А теперь принеси мне твоего чая, - сказал Лама, когда они закончили. Она принесла ему чай, свежий чанг, мяса и цампы и всего, что желало его сердце. Наконец он поднялся, чтобы идти.

- Лучше всего, если ты останешься здесь, Сумчок, - сказал он, - Я должен теперь идти.

Сумчок с безраздельной преданностью пала перед ним ниц.

- Не оставь несчастную девушку в грязи самсары. Возьми меня с собой, - просила она.

- У меня нет времени заниматься тобой, - сказал он ей. - Я буду о тебе помнить, и ещё вернусь.

Но Сумчок продолжала горячо умолять его.

- Раз ты отказываешься оставаться, запомни следующее, - предупредил он её. - Ум налджорпы так же ненадёжен, как лепет безумного, как слухи о далёких событиях и как задница проститутки. Если я оставлю тебя одну под деревом или у скалы, ты останешься там?

- Я буду слушаться тебя во всём, - обещала Сумчок.

Увидев в атом благоприятный знак, Лама взял девушку с собой. Когда он и подошли к пещере, расположенной высоко над долиной и имеющей вход, похожий на зевающего льва, он сказал ей:

- Сумчок, ты должна теперь остаться здесь на три года.

- Я боюсь этого места, - прошептала она.

- Тогда останься здесь хотя бы на три месяца.
- Ты сказал, что будешь всюду брать меня с собой, куда бы ты ни пошёл, - хныкала она. Наконец, чтобы сдержать своё обещание повиновения, она согласилась остаться там на семь дней.
- Если ты боишься, зайди в пещеру, а я опечатаю вход, - посоветовал он ей. И, оставив её внутри, он заложил вход в пещеру камнями. Когда он уходил, Сумчок запела такую песню:

*Послушай меня, Друкпа Кюнле!
Гонимый лёгким ветерком
Пух. запутывается в кроне дерева.
Не упрекай ветер в том,
Что пух такой невесомый!
Сплавной лес, уносимый рекой,
Качается на воде вверх, и вниз.
Не упрекай реку в том,
Что так прытка древесина!
Сумчок, рождённая в Конгпо,
Пугается при виде пещеры.
Не упрекай себя, Друкпа Кюнле, в том,
Что моя решимость такая слабая!*

- Не нужны мне все эти истории о том, что тебе нравится и что тебя печалит, - ответил ей Кюнле. - Когда я уйду, днём о тебе будут заботиться божества и дакини, а масляные лампы и благовония успокоят тебя ночью. Медитируй, непрестанно обращаясь ко мне в уме за поддержкой.

И с таким советом он покинул её, уходя в направлении Самье.

Благодаря тому, что сочувствие Ламы и её собственная преданность слились воедино, Сумчок вскоре достигла Освобождения.

Днём в окружении музыки божеств и дакинь, а ночью - аромата благовоний и света масляных ламп, в первые три дня у неё и мысли не возникло о еде. На рассвете четвёртого дня она, освободившись от всякого страдания, осуществила Тело Света и достигла состояния Будды [*Материя тела растворяется в свете при достижении состояния Будды после четвертой степени медитации (четвертая дхьяна).*]

Глава вторая

О том, как для блага всех существ Друкпа Кюнле посещал Самье и Лхасу.

***Мы простираемся перед ступнями Друкпа Кюнга Легпы,
Который, будучи свободен от скверны двойственности, отбросил
всякое украшательство.***

**Своим безумным поведением укрощает он ошибочное и злое,
Ведя существ к Освобождению через любую дверь сознания.**

Владыка Дхармы Друкпа Кюнле держал путь из Конгпо и Самье [Самье, к югу от Лхасы, был первым тибетским монастырем. Он был заложен и форме мандалы великим гуру Падмасамбхавой, и строительство его финансировалось в 749 году королем Трисонг Деценом.]. Он прибыл туда как раз во время большого праздника Додечёпа [Додечёпа (*mdo sde tchod pa*) - ежегодное чтение сутр, принятое в школе Ньингма].

Ламы, учёные- ачарьи, налджорпы, геше, монахи и миряне - образованные тибетцы собрались там со всей страны, чтобы исполнить различные ритуальные обязательства. Одни делали простирания, другие - обхождения, третьи выполняли различные церемонии, такие как обновление обетов [Ритуал обновления обета (*bskyang bso*) восстанавливает связь самайя с тремя Корнями (Лама, Йидам, Защитник) и обновляет обещания, данные покорёнными Падмасамбхавой демонами, который обязал их служить тому практикующему, который их призывает], изгнание духов [В ритуале изгнания злых духов (*mdos gnyag*) - дух, которого нужно изгнать, заманивается в изображение человека, которому он досаждал. Затем изображение разрушается и пойманный в ловушку дух уничтожается (см. главу 4)] или уничтожение вредящих влияний [Ритуал, отгоняющий (*bzlog pa*) и уничтожающий демонов, злых духов и пагубные силы, состоит из двух частей. На более высоком уровне устраняются препятствия с пути развития, ведущего к состоянию Будды, а на низшем - мирские силы принуждаются обеспечить успех практикующему].

- Похоже, здесь каждый занят своей практикой, - сказал Кюнле. - Поскольку я тоже называюсь практикующим, мне следовало бы поступать, как они.

- Какой ритуал ты будешь выполнять? - спросили его.

- У меня нет принадлежностей, необходимых для ритуала подношения Буддам и Защитникам [Имеется в виду праздник Дарения, ганачakra (*tshogs 'khor*)], и я слишком ленив, чтобы делать простирания или обхождения. Значит, сейчас мне следует совершить восстановление обетов всего, что только приходит на ум, - и он продекламировал следующее:

Хунг!

Посредством абсолютного осознания, союза пустоты и блаженства
Восстанавливается связь с Ламой и божественным Йидамом.

Подношением жизни нарушителей обетов десяти направлений
Восстанавливается связь с Защитниками Дхармы и Стражниками
[Защитники и стражники уничтожают отступивших демонов десяти сфер
духовной вселенной и устраняют их самостоятельное существование,
включая их в свою свиту].

Подношением трёх белых и трёх сладких чистых субстанций [Творог,
молоко и масло; черная патока, мед и сахар]

Восстанавливается связь с Богинями - Защитницами Учения.

Подношением кусочков пищи, благовонного дыма и чанга

Восстанавливается связь с мирскими духами.

Подношением многотысячных даров
Восстанавливается связь со своекорыстными ламами.
Подношение небольших подарков монастырю
Радует простую прислугу.
Льстивая улыбка дающего пожертвования
Радует монахов без веры.
Непредоставление монахам подношений за будущего усопшего
Радует состарившегося и немощного.
Двойной и тройной подарок настоятелю и управляющему
Радует монастырских чиновников.
Нескончаемый ряд сухих слов
Радует честолюбие заурядных учёных.
Неверная медитация с ошибками в шинэ
Радует ум неучёного гомчена [Гомчены (sgom chen) - аскеты и
отшельники, посвятившие себя практике медитации на длительный
период в пещерах или опечатанных помещениях, или, как в данном
случае, живущие в изолированных общинах и поддерживаемые
монахинями].
Стук в двери и лай собак
Радуют сквернословящего нищего.
Сияющая улыбка молодого гомчена
Радует монахиню.
Щедрое угощение чаем на поминках
Радует ленивых гладкоголовых (монахов).
Поверхностная лесть
Радует политиков и важных начальников.
Взятая без разрешения пища
Радует бесстыдную прислугу.
Неплодородные поля
Радуют крепостных.
Собственная болтовня, натыкающаяся на глухие уши,
Радует болтливую главу семьи.
Распивание чанга и разговоры в безопасном месте
Радуют трусливых молодых мужчин.
Перебранка хозяина и слуги из- за имущества
Радует управляющего- интригана.
Сахар и сладости из масла
Радуют толстых мамаш.
Домашняя утварь, которую можно продать,
Радует пьяных папаш.
Игры и визги в золе и грязи
Радуют испорченных деток.
Холостяк, который спит с любой,
Радует ненасытных женщин.
Искусные оправдания в жадности
Радуют жирное брюхо.
Холодный чай и прокисший чанг
Радуют непрошенных голодных гостей.
Прохладный дующий с гор ветерок
Радует ткачих, мешая работать.
Неварёная и несолёная редька
Радует ленивых слуг и рабочих.
Горшок, покрытый слоем лака,
Радует горшечника, вращающего протекающие горшки.

*Сопли, слюни и слизь
Радуют изготовителя плевательниц.*

Услышав такое, народ был изумлён. Старик из Кхама, исполненный преданности и доверия, поклонился перед Ламой:

- Драгоценный Владыка Дхармы, твои слова - поистине великое благословение! Не прочтёшь ли ты для нас молитву, отвращающую вредные силы и удаляющую препятствия? - попросил он.

Лама ответил на его просьбу:

*Хо! Возникшие из пустотного дворца обманчивых пустотных проявлений
Самсарические Будды, с упорством принимающие
Как подарок то, что предначертано им кармой,
Пусть все эти живые существа шести видов
Устранят собственную мысленную болтовню! [Под "самсарическими
Буддами" подразумеваются все имеющие природу Будды живые
существа, которые, не зная об иллюзорности кармы, с упорством
занимаются её преодолением (интерпретация перевода этого
четверостишия принадлежит Кхенпо Цултриму Зангпо)]
Привязанность к мирским заботам -
Плохое предзнаменование для ламы.
Устраните её медитацией на чистоту всех явлений!
Живущие поблизости ученики, ищущие женщин, -
Плохое предзнаменование для богатства ламы.
Устраните это, отселив их от себя!
Воровство с общинной кухни
Предвещает перерождение в аду.
Отвратите его, довольствуясь тем, что имеете!
Во время церемоний и собраний неуместная дремота
Предзнаменует перерождение животным.
Помешайте этому, рассеивая леность ума!
Чрезмерное почитание женщин -
Опасность для соблюдающих обеты Тхеравады.
Откажитесь от этого, практикуя самообладание!
Одалживание денег для наживы -
Опасность для следующих Учению монахов.
Предупредите её, умеряя потребности и довольствуясь тем, что есть.
Изложение Учения с гордостью и тщеславием -
Слабость учёных и геше.
Отвратите её скромностью и безмятежностью.
Сладкая улыбка монахинь -
Мучение для гомчена.
Отвратите его, сохраняя самообладание!
Любовь к модным украшениям -
Искушение для женщин.
Пресекайте это, одевая их в заплатанные лохмотья.
Большой член Ламы -
Мука для монахинь.
Спасайтесь от него, криками разбудив соседей!
Рождение внебрачного ребенка -
Участь блудницы.
Отвратите это, указав ей на дверь.*

Накопительство -
Недостаток богатых.
Избегайте его, жертвуя на выполнение ритуалов.
Надменный генерал -
Верный знак того, что битва будет проиграна.
Не допустите этого, доверяясь надёжному богу войны.
Работа по дроблению камней и строительству домов
Предвещает конец семейного рода [Дробление камней и перемещение земли, происходящее при строительстве дома, тревожит живущих в них природных духов, которые в отместку насылают на семьи строителей болезни и смерть. Чтобы избежать этого, производятся умиротворяющие этих духов ритуалы].
Воспрепятствуйте этому посредством совершения сильных ритуалов.
Длинные ногти матери -
Несчастье отцовским яйцам.
Отведите его, обрезая ногти маленьким острым ножиком.
Палка из поленницы матери
Опасна в руках отца.
Предотвратите опасность, выхватив её и бросив в огонь.
Молчаливое воздевание глаз к небу
Приводит отца в ярость.
Избегайте этого, практикуясь в долготерпении!
Бесконечное занятие денег -
Несчастье голодающего бедняка.
Уклоняйтесь от этого, поступая на службу к богатым!
Отец- алкоголик -
Бич для всей семьи.
Покончить с этим он может, только усмирив самого себя!
Кашель и эрекция
Мешают спать себе и другим.
Предотвратите это, съев чеснок и перец!
Бандиты и грабители
Приносят беду богатым.
Воспрепятствуйте этому, проявляя щедрость!
Нарушители самайи и вероломные монахи, не соблюдающие свои обеты,
Сеют смуту и запутанность в монастыре.
Воспрепятствуйте этому, изгоняя их из сангхи!
Небольшие участки земли, подаренные монастырю,
Провоцируют трения между жертвователем и принимающим.
Избегайте этого, поддерживая добрую дружбу!
Кислый протухший чанг
Вреден для желудка и кишечника.
Исцеляйтесь, выпив горячее лекарство!
Болтливая сплетница -
Мучение для её соседей.
Прекратите это, не поддерживая с ней разговор!
Посреди ночи, когда отец вздыхает, а мать стонет,
Когда член отца проникает в мать,
Если просыпается смышлёный ребёнок
И начинает хихикать,
А самый младший плачет в своей кроватке,
Предотвратите это, дав детям орехов!
С каждой кружки чанга
Приходится мочиться;

*Если не помочишься - капает на дверной порог,
Если зажать пальцами - начинает течь из носа.
Из тебя выливается, и ты кашляешь и плюёшься,
Пока плевательница не наполнится.
Нечистоты оскорбляют нагов [Загрязнение воды и негигиеничное
обращение с отходами раздражает охраняющих поду и землю
змеевидных существ (klu, pada), и они распространяют болезни,
задерживают дождь или насылают наводнения.],
И семью поражает простуда, опухоли и нарывы.
Избегайте этого, содеража себя в чистоте и возжигая
благовония!
Меся тесто немытыми руками,
Мать поглощена работой.
Овощной суп перекипает.
Суп пригорает, печь воняет,
По кухне зола летает и чадом кухню наполняет.
Дети плачут от голода,
Отец перестает быть хозяином положения,
А мать в большом затруднении.
Избегайте этого, вставая раньше и начиная готовить!*

Все люди, наблюдавшие за Ламой, прониклись глубоким почтением. Но несколько праздных невежд рассуждало:

- Что за бред несёт этот сумасшедший? Где он видел такую молитву? Он мелет чепуху!

Однако другие, поняв, что перед ними Учитель, поклонились:

- Молитва Друкпы Кюнле о том, как предотвращать несчастье, хотя на первый взгляд и кажется самонадеянной болтовнёй профана, - говорили они, - но в действительности учит нецеплянию за вех-то, что возникает в потоке сознания.

Прося предоставить Прибежище, веете, кто с глубоким почтением сложили руки, преисполнились преданности.

После этого, чтобы показать свои разносторонние чудодейственные силы, Владыка Дхармы, Защитник Живых Существ Кюнга Легпа исчез и мгновенно оказался и Лхасе. Там он повстречал группу торговцев, везущих большое количество копий.

- Дайте мне копьё! - потребовал он у их предводителя.

- Я жизнью рисковал, чтобы достать эти копьё. С какой стати мне их раздавать! - сказал торговец и направил копьё на грудь Ламы.

- Что ж, давай посмотрим, сильнее ли твоё копьё неведения и иллюзий моего копьё чистого и пустотного осознания! - ответил Лама, схватил за остриё копьё, что ему угрожало, и, растянув его как резиновое, завязал узлом.

- Ты или призрак, или злой дух, или великий Мастер, - сказал испуганный предводитель. - Скажи нам, кто ты?

- Я - тот, за кого вы меня принимаете, - ответил Кюнле. - Мне это безразлично.

- Должно быть, ты великий Мастер, - сказал другой торговец. - Прости нас, если мы оскорбили тебя, приняв за духа или призрака. Вот, возьми всю эту связку копий вместо того, что ты завязал узлом!

Кюнле отдал им копьё и исчез. Говорят, что один губернатор из Кхама дал за это копьё 21 деревню.

В это время губернатор Ринпунга [*Ринпунг - город- крепость к югу от Лхасы, откуда династия правителей властвовала над центральным Тибетом в XV- XVI веках*] послал Друкпе Кюнле приглашение посетить Ринпунг, потому что ему хотелось посмотреть, какими способностями обладает Лама. Лама принял приглашение. У ворот крепости его встретил слуга и попросил подождать снаружи, пока он не посадит на цепь собак. Но, не обратив на него внимания, Кюнле проследовал во двор, где на него тотчас же набросились две огромные собаки, белая и чёрная, - это были тибетские доги. Он поднял свой длинный посох и, ударив им обоих псов по хребту, отделил передние части туловища от задних.

- К чему совсем белая и совсем чёрная собака! - прокомментировал он, соединяя чёрную часть с белой и наоборот. Затем он воскресил собак и, целые и невредимые, они стали носиться по двору, резвясь как щенки.

Много любопытных собралось и дивилось этому чуду.

- Чем стоять в праздном любопытстве, глазеть на мои проделки и слушать бред ненормального, повторяли бы лучше мантру Мани, - сказал он и спел песню, которая называлась "Танец Мани, призывающий ум помнить о непостоянстве":

АО! Слушайте меня, люди и боги!

Ко всем тем, кто, обретя человеческое тело, может сказать:

"Я всегда помню о своей грядущей смерти",

Придёт высочайшая Дхарма.

Все те, кто может сказать:

"Во мне уже возникла высочайшая Дхарма", Пусть поклонятся на прощание Самсаре.

Взгляните вверх, в обширное пространство полуденного неба.

Посмотрите на многие сотни больших птиц и тысячи малых

И знайте: как бы высоко они ни летали,

Все они - на пути в Город Смерти.

И мы, как и они, должны умереть,

Исполненные страха, в полном неведении

О времени и месте своей смерти.

Просите Прибежища у Великого Сочувствующего [Одиннадцатиголовая и тысячерукая форма Авалокитешвары (thugs rje chen po) является излучением Будды Амитабы. Он проявил её, когда увидел, какую неизмеримо огромную задачу он перед собой поставил: непрестанно освобождать существ из самсары]

И повторяйте его шестислоговую мантру:

ОМ МАНИ ПЕМЕ ХУНГ! [ОМ МАНИ ПЕМЕ ХУНГ- мантра Авалокитешвары,

покровителя Тибета; так она звучит согласно устной передаче в школе Кагью.]

Взгляните вниз, в глубину реки,

И посмотрите на сотни больших рыб и многие тысячи малых.

Знайте, что все эти златоглазые рыбы

К Городу Смерти плывут.

И мы, как и они, должны умереть,

Исполненные страха, в полном неведении

О времени и месте своей смерти.

Просите Прибежища у Великого Сочувствующего

И повторяйте его шестислоговую мантру:

ОМ МАНИ ПЕМЕ ХУНГ!

Оглянитесь кругом, в этом непостоянном мире

Посмотрите на людей и четвероногих тварей Четырёх континентов.

Поймите, что все, кто дышит,

Неизвестно, кто первым - молодой или старый,

Все торопятся к Городу Смерти.

Верно, что и мы должны умереть,

Исполненные страха, в полном неведении

О времени и месте своей смерти.

Нам следует принять Прибежище в Великом Сочувствующем

И повторять его шестислоговую мантру:

ОМ МАНИ ПЕМЕ ХУНГ!

Своим пением и танцем Лама призвал губернатора и его слуг подняться с мест и танцевать вместе с ним. В них пробудилось большое доверие, и они почувствовали глубокое отвращение к мирским привязанностям.

Губернатор дал Друкпе Кюнле ключ от своей сокровищницы, настоятельно прося Ламу взять оттуда всё, что бы ему ни захотелось.

Открыв дверь, Лама увидел на одну сторону слитки золота, на другую - слитки серебра и повсюду - груды украшений, отделанных драгоценными камнями.

Он нарядился в золото, серебро и драгоценные камни, опоясался белым шёлковым кушаком и вышел показаться народу.

Потом он снял свой пышный наряд и вернул губернатору, который, однако, продолжал настаивать, чтобы Друкпа Кюнле всё оставил себе.

Дордже Чанг (Ваджрадхара)

- Это же не возьмёшь с собой! - сказал Лама. - Достаточно возрадоваться на мгновение. Послушай мою песню!

Окати нас волнами благословения, отец Кагью- Лама! [Дордже Чанг (Ваджрадхара) - Коренной Лама традиции Кагью и Ади- Будда. Его воплощение в Линии Друкпа Кагью - Палден Друкпа Ринпоче]

*Золото, серебро и драгоценности - не настоящее счастье,
А потеря богатства - не настоящее горе.*

Примите Прибежище в свободе от богатства и обладания!

*Прекрасная спутница жизни - не настоящее счастье,
А разлука любящих - не настоящее горе.*

Примите Прибежище в свободе от друзей и семьи!

*Обладание драгоценным человеческим телом - не настоящее счастье,
Покинуть его с пустыми руками - не настоящее горе.*

Примите Прибежище в извлечении самой сути человеческого существования!

Исполнение честолюбивых желаний богатства и высокого положения - не настоящее счастье,

Видеть, как оно достаётся другим - не настоящее горе.

Примите Прибежище в раздаче всего, что у вас есть!

*Достижение того, что манит в этой жизни, - не настоящее счастье,
А разделение ума и тела в момент смерти - не настоящее горе.*

Примите Прибежище в устремлении к неизменному счастью!

К концу этой песни его слушатели воспылали доверием и преданностью.

- О Господин налджорпа! Ты явно довольствуешься исключительно внутренними дарами. Но, пожалуйста, прими как подношение хотя бы этот доброкачественный ячмень.

Лама взял зерно и покинул крепость губернатора, направившись на поиски кабака в соседнюю деревню.

Мать с дочерью, содержавшие пивную, ошибочно приняли его за пьяного монаха из Конгпо и предложили ему выпивку взамен на песню.

Так он спел им эту песню:

*Что нужно каждому - это истинная Дхарма,
Что нужно для себя - это свобода,
Что нужно мирскому человеку - это богатство,
Что нужно молодым девкам - это толстый член,
Что нужно старухам - это злорадная болтовня,
Что нужно старым - это много сыновей.
Свободно отдавать - это щедрость,
Быть свободным от скупости - это богатство.
Я - Кюнга Легпа, отстранившийся от действий,
А вы обе - мать и дочь - мои щедрые благодетели!*

Они угощали его чангом, пока он мог пить, а в конце он спел людям такую песню:

*Гора покрыта лесом -
И всё же дров в доме не хватает.
Внизу течёт широкая река -
И всё равно воды для чанга едва достанешь.
Город полон ячменя -
И всё же мало кто поставит кружку чанга задаром.
Рынок полон девушек -
И всё же едва найдёшь желанную киску.
Учение распространилось по всей стране -
И всё же мудрость и познание с трудом увидишь.*

Спев эту песню, он ушёл из деревни.

- Теперь настало время для Палзанг Бутри! - подумал Лама и отправился в Лхасу. Но пути он повстречал юных девушек, ноющих такую песню:

*В центре У, в центральном Тибете
Расположена Лхаса, центр Учения,
Где всезнающими Буддами
Поворачивается Колесо Дхармы.*

- Сейчас я буду петь и танцевать, - сказал Лама, - а вы должны будете повторять мои движения! - и он запел:

*Обнажённая грудь упруга,
Яички качаются из стороны в сторону,
Головка члена поднимается гордо,
- Теперь сожми его крепко!*

- С такими как ты мы не связываемся! - сказали девушки.

- Ях! Ях! - отвечал Лама. - Раз мы не ладим друг с другом, мне тут нет смысла задерживаться. - И он продолжил свой путь к дому Палзанг Бутри.

Он застал её стоящей у двери своего дома.

- В прошлом году старик из Лхасы рассказал мне о Палзанг Бутри. Должно быть, это ты, - сказал он.

- Да. Я Палзанг Бутри. Заходи! - У неё было чувство, будто он был её старым другом из прежней жизни, и она не стесняясь приняла его.

До того как она принесла ему чай, они занимались любовью, и потом она просила его остаться с ней навсегда. Но он обещал ей только несколько месяцев.

Однажды Друкпа Кюнле посетил монастырь Дрепунг [*Дрепунг, недалеко от Лхасы, основанный в 1414 году, был самым большим тибетским монастырем. Большинство из его 7000 монахов стремились достичь степени геше, следуя строгой дисциплине. Этот монастырь- академия школы Гелугпа был знаменит своим знанием Калачакра- Тантры*]. Пока он сидел с монахами, ему в голову пришла мысль подшутить над стражем дисциплины [*Страж дисциплины (chos khrim pa или tshul khrim pa) - охранник нравственности насаждал дисциплину в монастырях при помощи дубинок и тяжёлых сапог*].

- Я хотел бы стать послушником, - сказал он.

- Откуда ты? - спросил его страж дисциплины.

- Я - друкпа, - последовал ответ.

- У друкп хорошие голоса?

- У меня не очень хороший голос, - простодушно ответил Лама, - но у меня есть один друг, он - превосходный хорист.

- Приведи завтра с собой своего друга, - сказали ему.

На следующий день, когда все монахи были в сборе, пришёл Лама, таща за собой за ухо осла с накинутой на него красной рясой; он усадил его в заднем ряду монахов.

- Это что такое! - возмущённо воскликнул страж дисциплины.

- Это мой друг, у которого хороший голос, - отвечал Кюнле, дав ослу пинка, чтобы тот громко закричал. Страж кинулся прогонять его своей палкой, а Лама кричал через плечо:

- Вас больше заботит хоровое пение, чем медитация! На обратном пути в Лхасу его догнали два монаха с собрания и спросили, куда он направляется.

- У Друкпы Кюнле нет ни дома, где он живёт, ни места, куда он идёт, - скачал он в ответ. - Мне не место в Дрепунге и не место в аду.

- Что же за проступок ты совершил, что ад для тебя недостаточно глубок? - спросили они, смеясь.

- В этом человеческом мире, - сказал Лама, - я поступал как попало и, войдя в противоречие с желаниями других мужчин, решил укрыться на несколько дней в аду. Однако путь туда оказался загромождён монахами из монастыря Сера [*Монастырь Сера был основан в 1417 г. Кхедрупом Дже, принадлежал к традиции Гелугпа и ревностно соперничал с Дрепунгом*]. Тогда я вернулся и решил стать монахом в Дрепунге. Но этот монастырь наполнен завистью, похотью и злостью, и мне там не хватило места.

Сказав так, он вернулся в Лхасу.

В доме Палзанг Бутри с утра до полудня он вдоволь ел и пил крепкий чанг; с полудня до сумерек он пел и играл на лютне или флейте; с захода солнца до полуночи он занимался любовью с Палзанг Бутри; а с полуночи до рассвета практиковал взгляд Махамудры [*Махамудра (санскр.), Чагчен (тиб.) (phyag chen), Великая Печать - постижение изначальной сущности сознания, единства ясности и пустоты Недвойственное состояние ума, являющееся высшей целью всех, практикующих Тантру. Друкпа Кюнле является примером осуществления Махамудры*].

Однажды Лама подумал, что неправильно так долго находиться в Лхасе, не встретившись с Будда- Ламой, и решил навестить Будду Цонгкапу [*Цонгкапа (1357- 1419), родом из Амдо и известный как Большой Нос из Амдо, обладал великолепным интеллектом, и поэтому считается воплощением Манджушри, Бодхисаттвы Мудрости. После учебы у различных учителей школ Сакья и Кадампа, он основал школу Гелугпа, которая позже под руководством Далай- ламы в Лхасе взяла на себя мирскую власть в Тибете*].

- Считается, что Цонгкапа - воплощение Бодхисаттвы Мудрости [*Манджушри, Бодхисаттва Мудрости, держит в руках меч, рассекающий неведение, и голубой лотос с книгой Совершенной Мудрости*] - сказал Друкпа Кюнле своей подруге. - Я должен посмотреть, свободен ли его ум от злости и желаний.

В храме Рамодже [*В Рамодже находится статуя Шакьямуни, которую король Сонгцен Гампо получил в подарок от китайского императора в VII веке, а также храм могучего предсказателя (оракула). Цонгкапа постоянно жил за пределами Лхасы, в Гандене*] он застал увлечённых дебатами монахов и, подумав, что не стоит упускать возможности научить их смеяться, спросил:

- Чем это вы занимаетесь, монахи?

- Мы очищаем свой ум от сомнений и ложных взглядов, - ответили они.

Цонгкапа

- Я тоже немного разбираюсь в ведении дебатов, - сказал Лама. Выпустив газы и повеяв рукой под носом одного монаха, он спросил: - Что дошло первым, воздух или запах?

Монахи разозлились и хотели прогнать его:

- Мы не подходящая мишень для твоих насмешек, - ругались они.

- Не будьте так горды, - возразил Лама, - расслабьтесь немножко. Мой метод несколько отличается от вашего. Мой метод держит ум в узде, а ваш рождает гордость и злобу. Теперь отведите меня к Цонгкапе, Бодхисаттве Мудрости.

- А у тебя есть подношение? - спросили они.

Манджушри, Бодхисаттва Мудрости

- Я не знал, что нужно подношение, - протестовал Лама. - Я принесу в следующий раз, а сейчас я должен видеть Цонгкапу.

- Где это видано, чтобы подношения приносили "в следующий раз", - осмеяли его монахи.

- Ну, если это совершенно необходимо, - согласился, наконец, Лама, -то у меня есть пара чудесных яичек, подаренных мне моими родителями, - они сгодятся?

Монахи опять рассердились, преградили вход и прогнали его.

- Как только найду подношение, я вернусь и поквитаюсь с этими монахами, - думал Лама, шествуя назад в Лхасу.

На следующий день он объявил Палзанг Бугри, что пойдёт в Самье искать подношение для Цонгкапы.

Вернувшись в Самье, Друкпа Кюнле направился к дому местного правительственного служащего но имени Педбак, где был с уважением принят хозяином и его женой.

- Добро пожаловать, драгоценный Владыка Дхармы! - сказал Педбак. - С тех пор, как ты прочёл молитвы Восстановления Обетов и Отражения Пагубных Влияний, нам сопутствовала удача и богатый урожай. Побывав в том году в Джилинге в Китае, я повстречался с торговцем из Конгпо, который рассказал мне, как один Лама своей чудесной силой связал узлом его копье. С тех пор я мечтал увидеть тебя снова, это большая честь для меня, принимать тебя сегодня в своём доме.

И Педбак радушно предложил Ламе чанг и еду, окружил его всяческой заботой и вниманием. Затем он попросил Ламу о помощи.

- У меня было три жены, две умерли вскоре после свадьбы. Моя теперешняя жена родила мне шесть сыновей, но ни один из них не прожил больше трёх месяцев. В этом году у моей жены родился ещё один сын, которому сейчас почти три месяца. Я умоляю тебя благословить его, чтобы он не умер. И, пожалуйста, исполни ритуал, который уберёт его от пагубных влияний.

- Как зовут твоего сына? - спросил Лама. - Принеси его сюда!

- Его зовут Попечитель Самье, - ответил Педбак. - Он здоров и хорошо развивается.

Когда жена Педбака внесла сына, ребёнок сразу же задрожал и затрясся.

- Спокойно! Не бойся! - распорядился Лама и попросил Педбака принести висевший на столбе чёрный аркан.

Он накинул аркан на шею ребёнка, лежавшего на коленях у матери, и сказал:

- Если я сегодня не заставлю тебя лизать свой член, то я - не Друкпа Кюнле! А теперь - вниз, к реке!

Волоча за собой на аркане ребёнка, за которым, убиваясь и причитая, глотая пыль, кусая камни и рвя на себе волосы, шли родители, Лама пришёл к берегу реки.

- Если ты ещё раз осмелишься явиться сюда, с тобой произойдёт то же самое, - сказал Лама, держа вытянутой рукой за загривок ребёнка, и что есть силы бросил его в середину бурлящего потока.

Внезапно тельце ребёнка превратилось в чёрного пса с разинутой красной пастью:

- У тебя нет никакого сочувствия, Друкпа Кюнле, - прорычал он, поплыв к другому берегу.

- Это был ваш сын! - сказал Лама родителям. Обретя полное доверие к Ламе и освободившись от страха, они вернулись домой.

Дома Лама обучил их методу устранения вредных влияний, которые могли бы угрожать их детям:

*Если в полночь дитя кричит в своей люльке,
Чуя, что отцовский член в мать проникает, -
Успокойте дитячко, дав ему съесть орехи!
Если это не помогает,
Положите его в угол занавешенной кровати.
Если овладел дитём злой демон [Демон гьялгонг (rgyal 'gong) - злой дух,
нападающий на слабых, молодых и неустойчивых, вызывая нервные
заболевания и безумие],
Что бесконечные невзгоды предвещает, -
Устраните это защитой, которую Лама предоставляет!
Если это не помогает,
Отгоните демона ритуалом изгнания нечистой силы.
Ни на что не годный и импотентный сын
Возвещает окончание рода.
Я, Друкпа Кюнле, могу снять это проклятье.
А если моё благословение не помогает -
Петля вокруг шеи положит конец несчастью.*

Дав указания, Лама сообщил Педдаку и его жене, что на следующий год и это же время им следует ждать ребёнка.

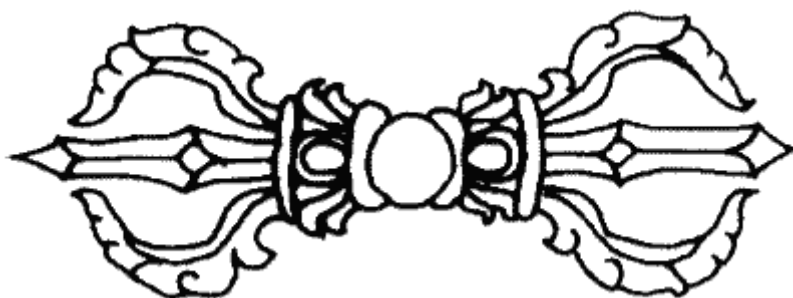
- Пожалуйста, дай ему имя сейчас, - попросил Педдак, - ведь тебя может не оказаться здесь и следующем году.

- Назовите его Богатый Урожай, потому что он даст начало роду, который будет благоденствовать и процветать, - сказал Лама.

Услышав такое предсказание, жена Педдака в знак признательности поднесла Ламе все свои украшения, а Педдак подарил ему шкатулку с 50 золотыми монетами и бирюзу. Лама приложил к себе украшения жены, и затем вернул их ей обратно, говоря, что примерить их на мгновение было вполне достаточно, а носить их всегда совершенно незачем. Он отдал также золото и бирюзу, но Педдак настойчиво просил Ламу оставить их себе, чтобы это принесло его семье удачу, а Лама мог

удалять возможные препятствия на своём пути. В конце концов, Лама принял дары, сообщив о своём намерении поднести их Цонгкапе.

Он положил бирюзу в отверстие своего ваджра [Ваджр (санскр.), Дордже (тиб.) - это название трех-, четырёх- или девятилепесткового ритуального предмета, символизирующего всепроникающее осознание и несокрушимую алмазную силу пустотности. Изначально он был символом молнии Индры. В тайном иносказательном смысле дордже - мужской половой член, так же как лотос - влагалище], взял в руки золото и направился из Самье в Лхасу.

Ваджр (санскр.), Дордже (тиб.)

На рыночной площади Лхасы все обращали изумлённые взгляды на его сокровище.

- Если хотите золото, платите бирюзой; хотите бирюзу - платите золотом! - кричал он.

- Ты не найдёшь никого, кто купит у тебя столько золота, - сказали ему.
- А бирюза воткнута в неприкосновенное место, и поэтому её никто не захочет.

Мачик Палден Лхамо

Но любопытствуя, что же Лама собирается с этим делать, толпа людей следовала за ним.

Он направился прямо к храму Победоносной Богини и застал там семерых девушек, танцем и пением восхвалявших Богиню:

*Оберегаемая золотым куполом
Защитница, единственная Мать,
Славная Богиня [Мачик Палден Лхамо, покровительница Лхасы, сидит
верхом на муле и держит объятый пламенем меч и чашу из черепа] с
оком Мудрости,
Тебя мы восхваляем и превозносим!*

- Вы очень мило поёте, - сказал им Лама, - а теперь послушайте меня!

*В чудесной Лхасе, там, где вращается колесо Учения,
Для нашей единственной Матери,
Славной Богини Благовония и масляные лампы - обычные подношения.
Но сегодня Кюнга Легпа, Свободный от Обязательств,
Подносит свой член и свою бирюзу.
Прими это, Богиня, и яви нам своё сочувствие!*

И он бросил камень Богине. Его до сих пор можно увидеть у неё на лбу.

Затем он покинул храм и отправился навестить Цонгкапу, Бодхисаттву Мудрости. Как только он пришёл в храм Рамодже, монахи спросили его, что он там забыл.

- Я пришёл нанести визит Будде Цонгкапе, - сказал он.

- Твое подношение всё ещё состоит из твоих яиц? - высмеивали его монахи.

- Нет, на этот раз я принёс золото, - отвечал Лама.

- В таком случае ты можешь пройти на аудиенцию прямо сейчас.

- Ях! Ях! - засмеялся Лама. - Когда приносишь золото, путь моментально освобождается.

И он подумал, что ему следовало бы открыть монахам глаза.

Его незамедлительно провели в приёмную, и он принялся простираться перед шкатулкой с золотом, произнося нараспев:

*Я кланяюсь перед Цонгкапой, венцом тибетских учёных,
Рассеивающим мрак невежества!
Я кланяюсь перед Держателем Белого Лотоса, предсказанным Атишей
[Атиша, Дипамкара Шри Джняна (980 - 1042) был приглашён в Тибет из
Викрамашилы в Бенгале и основал школу Кадампа, которую позже
реформировал Цонгкапа],
Содержащим в чистоте три обета!
Я кланяюсь перед тем, кто держит меч на лотосе Утпала [Синий лотос с
десятью тысячами лепестков является символом Манджушри]*

*Кто обучает, дебатирует и тексты составляет!
Я кланяюсь перед Лучезарным, окутанным сетью из золота,
И тем, кто спасает нуждающихся от бедности!
Я кланяюсь перед тем, кто рад богатству, уюту и удобству!
Пусть это небольшое подношение золота доставит радость его сердцу!
Я кланяюсь перед тем, чей взгляд отвернулся от бедного и низкого
почитателя,
Когда он навещал его в том году без подношения!*

Атиша, Дипамкара Шри Джняна (980 - 1042)

- О Защитник Живых Существ, Кюнга Легпа, ты вещаешь истину, и тебя приятно слушать, - ответил ему Цонгкапа.

Он завязал узел на защитной нитке и дал её Ламе, попросив принять её как благословение.

- Ни в чём другом ты не нуждаешься, - сказал он. - Носи её!

Лама принял подарок и удалился.

- Что мне теперь делать с этим шнурком? - спрашивал он себя. - Носить вокруг шеи - неудобно, сумки или кармана, куда бы я мог его положить, у меня нет, а в руках я его тоже не хочу таскать. Наверное, лучше всего обвязать его вокруг члена - он чист и ему нечего нести.

И так он намотал его вокруг члена и пошёл на базар.

- Смотрите! Смотрите! - кричал он. - Если у вас есть пятьдесят золотых монет, вы можете получить аудиенцию у самого Будды Цонгкапы. Может быть, он даже даст вам одну из таких штучек! - И он размахивал из стороны в сторону своим членом с обмотанной вокруг него нитью.

На лхасском базаре жила хозяйка постоянного двора по имени Лхадрён. Она была отъявленной мошенницей, обманом отбирающей у торговцев их товары и деньги. В то время у неё остановился торговец из Ямдрока, и хозяйка дома как раз вынашивала план заменить его янтарь фальшивым. Лама знал об этом и направился на постоянный двор попить чанга в пивной.

- Здесь каждый счастлив, - сказал он. - Хозяйка, судя по всему, замечательная женщина! А судя по тому, что у вас всех развязан язык, чанг должен быть первоклассным! Есть старая пословица: "Крепкий чанг хорош для тела, а интересные рассказы - для ума". Если принесёшь мне доброго чанга, я расскажу отличную историю.

- Сначала расскажи свою историю, - ответила трактирщица.

И Друкпа Кюнле начал повествование.

Некогда в верхней части долины Нангьюл жил один мошенник по имени Лживый Жадина с двумя своими сыновьями, по имени Дува и Дучунг. В соседней долине жил бедняк по имени Малодушный Трус. Их объединил и подружил совместный постоянный поиск средств к существованию. Однажды во время одного из своих блужданий из долины в долину они отдыхали под деревом, как вдруг им бросилось в глаза, что дерево искрится. Определив, что сверкание исходит из земли, они выкопали яму и нашли горшок, полный золота. Эта находка привела их в восторг. Наконец, Малодушный Трус произнёс:

*Послушай, Лживый Жадина, друг мой по многим жизням!
Связи наших прежних поступков объединили нас в дружбе.
Результат наших заслуг не был достаточен,
И мы теперь родились бедными и жадными.
Поскольку всё же временами мы были щедрыми,
Пожинаем мы сегодня плод своего бескорыстия:
Мы вместе нашли сокровище.
Нам следует отдать часть в подношение
Трёх Драгоценностям. Не так ли? Подумай хорошенько!*

- Благодаря счастливому совпадению заслуг и удачному стечению обстоятельств мы сегодня нашли это сокровище, - сказал Лживый Жадина, - и, поскольку скорее твоя заслуга, чем моя, послужила причиной такой удачи, я устрою трёхдневное пиршество с чангом и мясом и твою честь. А сейчас я поделю золото по справедливости

пополам. Но смотри, будь осторожен, мой друг! Это золото может быть обманом чувств, хитрой проделкой богов или духов.

- Маловероятно, - скептически возразил Трус, - но если это и иллюзия, мы мало что можем в этом изменить.

И Трус пошёл домой. А Жадина тем временем взял золото спрятал его в потайном месте, а горшок наполнил опилками. Когда через три дня Трус вернулся, он застал друга рыдающим под деревом.

- Что случилось, друг мой? - спросил он.

- Разве я не сказал тебе, что золото может оказаться иллюзией? Именно так и вышло, - сокрушался Жадина.

- Этого не может быть, - сказал Трус, - ничего подобногояещё не слыхивал. Но даже если это правда, тебе не о чем горевать!

Лживый Жадина пригласил своего друга выпить чанга и целен своим сыновьям для него танцевать.

- Друг, твои сыновья танцуют словно фантомы или духи, - заметил Малодушный Трус, - это воистину прекрасное зрелище.

Спустя некоторое время Трус навестил Жадину с бочонком чанга, и они ели, пили и веселились. Когда оба напились. Трус предложил своему другу отпустить его сыновей погостить к ним с женой в соседнюю долину, говоря, что его бездетной жене доставит удовольствие взглянуть на их пение и танцы. И ещё Трус попросил своего друга через три дня самому присоединиться к ним, чтобы снова они могли выпить и повеселиться. Забыв про свою вину и затаённую злобу, которую питал к нему его друг, Жадина согласился.

Между тем Трус выдрессировал двух обезьян гак, что они слушались его слов и выполняли его команды, и когда через три дня пришёл Лживый Жадина, он застал друга в слезах.

- Что случилось? - спросил он.

- Твои сыновья превратились в обезьян, - убивался Трус. - Помнишь, когда на прошлой неделе они танцевали у тебя дома, я ещё сказал, что они выглядят как фантомы? Похоже, я был нрав.

- Я никогда не слышал, чтобы молодые ребята превращались в обезьян, - насмешливо сказал Лживый Жадина. - Пожалуйста, тотчас же верни мне моих сыновей.

Трус отвечал:

Лживый Жадина, друг мой, пожалуйста, выслушай меня!

С давних пор мы связаны дружбой

И пережили вместе необычные вещи.

Мы видели, как. в опилки золото превратилось, -

Ничего подобного ещё никогда не случалось.

*Теперь стали твои сыновья обезьянами.
Эти постигшие нас бедствия -
Беспримерные и непостижимые знамения.*

Если ты сомневаешься, что эти обезьяны твои сыновья, то смотри:
"Идите к своему папе, макаки!"

И две обезьянки вскочили с места и уселись на колени Лживому Жадине.

- Что случилось с моими мальчиками? - заплакал тот. - Это, наверно, возмездие за то, что я подменил золото опилками. Но я сознаюсь в этом, и я принесу тебе золото. Верни мне, пожалуйста, теперь моих сыновей!

- Сначала принеси мне золото! - сказал ему Трус. - Тогда я, может быть, для тебя что-нибудь сделаю!

Лживый Жадина при пёс золото, разделил его на две половины, дал Трусу его долю и получил обратно своих сыновей.

Позже, когда они умерли, их привели на суд к Владыке Смерти, чтобы воздать должное за их хорошие поступки и наказать за плохие. В результате своего обмана Лживый Жадина переродился в объятном пламенем железном доме в аду, а Трус за то, что он провёл Лживого Жадину, на двенадцать лет переродился обезьяной.

После того, как Лама закончил рассказ, трактирщица отказалась от своего замысла своровать янтарь у торговца. Так торговец был спасён от кражи, а хозяйка постоянного двора - от перерождения и аду.

Глава третья

О том, как для блага всех существ Друкпа Кюнле побывал в Таклунге, Янгпачене и Сакья.

***Кланяемся в ноги Кюнга Легпе, Великому Мастеру,
Который активностью своей беспристрастной практики
Учил Дхарме, являя низшие и высшие чудеса
В соответствии с предрасположенностями и нуждами каждого.***

Затем Защитник Живых Существ, Владыка Дхармы Кюнга Легпа отправился на север, к монастырю Таклунг [Монастырь Таклунг к северо-востоку от Лхасы был основан в 1178 году Таклунгом Тхангпа, учеником Пхагмотрупы. Он стал резиденцией школы Таклунг Кагью], где он встретился с Таклунгом Ринпоче.

- Я слышал, что ты отлично разбираешься в сутрах и тантрах и обладаешь исключительным талантом разоблачать и свои собственные недостатки и пороки других, раскрывая таким образом истинную действительность, - сказал Таклунг Ринпоче. - Спой мне песню, что возрадует ум и выявит недостатки и достоинства. Вот тебе моя лютня, пусть она сопровождает твоему нению.

И так Лама спел такую песню:

*Взгляните на муки ослов,
Несущих непосильную поклажу.
И на озорство жеребцов,
Скачущих галопом дико и свободно!
Смотрите на плачевность удонов,
Важной походкой шагающих вокруг домов- развалин,
И на радость орлов,
Стрелой рассекающих воздух!
Взгляните на убогость жалких мышей
С их шлёпающими ушами
И на восторг рыб, несущихся над волнами!
Смотрите на лишения варваров,
Сидящих верхом, с копьями,
И на блаженство мудрецов [Мудрец - перевод слова "тоқден" (rtogs
Idan). Это гомчен, постигший пустотную природу ума],
Постигающих пустотность обманчивых иллюзий.
Глядите на разочарование влажных попок девушек из Дешёл
И на радость тесных "ножен" монахинь в их горных пещерах!
Смотрите, сколько сладострастного вожделения в горной келье Таклунг
И с каким трудом сдерживаются обеты стыда и срама.
Смотрите на глубину восприятия тулку [Тулку - Будда- Лама, из жизни в
жизнь принимающий перерождения, чтобы
обучать и вдохновлять своих учеников],
Видящего умы других людей,
И на радость Кюнле от полнейшей непривязанности!*

Перевоплощённый Будда был впечатлен.

- Ты - воистину знаток человеческой и божественной мудрости, - сказал он. - Песня твоя не нуждается ни в каких дальнейших объяснениях. Управляющий! Подай мне то, что у тебя в руке.

Управляющий в одежде, противоречащей предписаниям монашеской дисциплины, принёс красивой формы слона из теста, и Ринпоче воткнул туда благовоние.

- Спой нам хвалебную песню на этот подарок! - сказал он. И Друкпа Кюнле спел такую песню:

*В храме без крыши- пагоды,
Где стены без настенной живописи,
На троне восседает лама без щедрости.
Я, Друкпа Кюнле, не имею репутации продавца дерьма.
Я пою этот хвалебный гимн без рифмы
Слону без сознания
С благовониями без запаха,
Поднесённому мне управляющим без обетов!*

Публика захихикала, и тулку захотелось оказать Ламе радушное гостеприимство. Тогда же тантрической подружкой [Тантрическая подруга (gsang yum) - партнерша- дакия в ритуале Третьего Посвящения] Ламы стала дочь Таклунг Нгагванга Дракпы. Друкпа Кюнле показал там

множество чудес и огласил поток прекрасных наставлений, и затем исчез.

Первый Кармапа Дюсум Кхьенпа (1110- 1193)

Лама продолжил путь, направившись в Янгпачен. Он прибыл туда как раз в то время, когда Кармапа [Кармапы являются перевоплощениями Дюсум Кхьенпы - основателя Карма Кагью, самой большой из школ Кагью. Их главным монастырем до китайского вторжения был Цурпху], носящий чёрную корону, с покрытого балдахином трона давал посвящения и наставления толпе народа, собравшейся на базарной площади, - такой многочисленной, сколько звёзд на небе. Среди толпы была поразительной красоты девушка по имени Палзанг. Лама, положив посох на плечо, стал прогуливаться взад- вперёд по базарной площади, то и дело восклицая: "Кармапа нарушает свои обеты!"

Несколько монахов поднялись с мест и уже хотели поколотить его палками, но вмешался Кармапа:

- Не бейте его! Не бейте его! Он говорит правду! - воскликнул он. - Этот человек обладает способностью читать мысли других людей. Он - воплощение индийского мастера Шаварипы. Дело в том, что, увидев вон ту девушку, я был на миг захвачен её красотой, - хотя у меня и не было сильного влечения, а похожее чувство, что появляется у людей, когда они видят животное с красивой шкуркой. Друкпа Кюнле заметил это, и обвинение его обоснованно. (В другом, более распространённом варианте этой истории Кармапа стал в уме просматривать прошлые жизни этой девушки, любопытствуя, какие же причины привели к тому, что она так необычайно красива. Друкпа Кюнле тогда обвинил Кармапу в том, что он не по назначению - не для блага других, а ради простого любопытства использует свои магические силы, такие как умение видеть прошлые жизни. - Прим. Ред.)

Спой нам об этом песню, налджорпа!

И Кюнле запел:

*Девушка эта - как дочь Мары.
Хотя у неё нет ни крюка, ни аркана [Железный крюк и петля являются стандартными принадлежностями духовных существ, овладевающих умами неосторожных и страстных людей],
Лишь вскинув глаза, может она
Обратить на себя и пленить ум мужчины.
Даже на сердце Будды может она повлиять.
Очаровательный облик твой, о лучезарная девушка,
Твой ласковый и нежный шёпот
Заставляют мужчину довериться тебе.
Однако эта радость преходяща,
И в конечном счёте она померкнет.
Твоя изящная фигура
И ясное лицо, что быстро покрывается румянцем,
Твоя пленительная переменчивая речь
Тянут мужчину в самсару, не оставляя ему шансов.
Не желай! Не поддавайся обольщению, Кармапа!
Молодой индийский павлин, однако,
Садится на подушку из колючек, -
Для других животных это опасно.
И грациозный тибетский петух
Клюёт ядовитые семена, утоляя свой голод, -
Для других животных это смертельно.
Я, Друкпа Кюнле из Ралунга,
Могу мысленно восхищаться красивыми женщинами,
Что для тебя рискованно, Владыка Кармапа.*

- В дисциплине тренировки ума, - улыбнулся Кармапа, - я превосхожу тебя, а в постижении неизменной чистой природы всех вещей мы с тобой наравне. В будущем люди будут вспоминать твоё имя прежде моего.

Некоторые утверждают, что Кармапа пригласил налджорпу в свой монастырь Цурпху. Если так, то, вероятно, это был Кармапа Микье Дордже (1507- 1554).

Рассказывают, как Лама проверял у Кармапы степень постижения Махамудры, а ещё - о том, как он хотел учить Махамудре в Толунг Цурпху. Увидев там слабую дисциплину среди монахов и неблагоприятную среду, он спел песню Девяти Плохих Предзнаменований и удалился:

*В вашем монастыре
С чёрной горой позади,
Чёрным озером перед входом,
Чёрной крышей над главным строением.
Чёрным и сумрачным залом собраний,
Монахами, что выглядят подобно чёрным собакам,
Управляющим с чёрным лицом,
Ламой с чёрной короной,
Чёрным Защитником Учения [Главный защитник школы Карма Кагью -
Бернагчен, Чёрный Плащ]
И женщинами с чёрными волосами внизу -
В этом месте с девятью плохими предзнаменованиями
Я не хочу больше оставаться.*

Главный защитник школы Карма Кагью - Бернагчен, Чёрный Плащ

После этого Владыка Дхармы, Защитник Живых Существ Друкпа Кюнле решил проверить степень постижения Сакья Панчена [*Сакья Панчен (kup dga' rgyal mtshan)*], третий из главных учителей школы Сакья. Излучение Манджушри, он обратил в буддизм монгольского императора Хубилайхана и добился политического главенства Сакьяпы над Тибетом; его заслугой было также создание уйгурского алфавита. Резиденция школы была основана в городе Сакья Кёнчоком Гьялпо, учеником Атиши в 1071 голу. Этот монастырь быстро приобрел известность как место высокого развития учёности]. Он отправился в Сакья и подошёл к храму Майтрейи [*Джампа (byams pa)*, на санскрите Майтрейя - Будда Любящей Доброты. Изображается сидящим в западном стиле на стуле], когда монахи в память о смерти ламы Джамтрула, Любящей Доброты совершали ежегодный ритуал- просьбу о его возвращении в самсару на благо всех существ. Лама сразу же увидел, что местный тулку переродился ослом, который в тот момент с трудом преодолевал крутой подъём в гору с огромной ношей на спине. Лама попросил владельца осла одолжить ему животное и, взяв того за ухо, потащил его к храму.

- Это что такое? - спросили монахи.
- Не видно, что ли, - осёл, - ответил Лама. - А вы чем тут занимаетесь?
- Сегодня мы исполняем ритуал подношения для возвращения нашего умершего Ламы, - сказали они.
- А как его зовут?
- Тулку Любящей Доброты, - отвечали они.
- А где он сейчас? - продолжал спрашивать Лама.
- В Чистой Стране Ганден [*Бодхисаттвы пребывают в Гандене (санскр. Тушита)*] и потом возвращаются в самсару в качестве тулку, чтобы следовать своему обету бескорыстного служения], - услышал он в ответ.
- А где это?

- Трудно сказать, - уклонились от ответа монахи. - Не задавай так много вопросов.

И, сложив руки в молитве и закрыв глаза, они возобновили пение молитв, обращённых к своему Ринпоче, не обращая более внимания на Друкпу Кюнле:

*Бодхисаттва Мудрости, видящий равенность всех явлений
В Дхармакайе конечной действительности!
Великий Алмазный Ум,
Наделённый совершенством пяти видов мудрости [Пять аспектов
высшего осознания (ye shes, джняна), или пять видов мудрости:
зеркальная, равностная, ясно различающая, всесовершающая и
всепроницающая]!
Воплощение Любящей Доброты! Мы просим тебя,
Поддержи нас потоком нектара твоего благословения
И даруй нам мощь и постижение!*

А Друкпа Кюнле тем временем возносил молитву ослу:

*О осёл, несчастнейший из существ!
Нечасто находишь ты травку и воду,
И на тебя давит тяжёлая поклажа.
Я молюсь твоему избитому заду
О благословении твоей горбатой спины!*

Монахи были вне себя:

- Молись нашему Ламе, а не ослу! - вскричали они.

- Ваш лама переродился этим ослом, - сообщил им Друкпа Кюнле.

- Что за чушь! - сказали те.

- Когда ваш Лама ездил по Тибету, Китаю и Монголии, - поспешил объяснить им Лама, - он перегружал своих вьючных лошадей, и в результате этого действия он переродился ослом.

Словно в подтверждение этих слов, глаза осла наполнились слезами.

Все присутствующие заметили это, и теперь-то поверили словам Кюнле. Со сложенными в почтении руками, они поклонились перед ослом и спросили Друкпу Кюнле, когда же их Лама вернётся, чтобы вновь возглавить монастырь.

- Если вы хотите скорого возвращения вашего Ламы, - сказал он им, - вы должны пять лет кормить осла и заботиться о нём. Когда умрёт, он переродится в Литханге, в Кхаме, и затем вернётся сюда к вам.

Они выполнили то, что посоветовал им Лама, и действительно - их Дзамтрул Ринпоче, переродившись в Литханге, вернулся потом в Сакия.

Затем, миновав город Сердокчен (что недалеко от Сакья), Лама грел на солнце свой зад у пещеры на камне, когда появился Сакья Панчен в сопровождении более сотни слуг.

- Поднимайся, Друкпа Кюнле! - окликнул его Сакья Панчен. - Не веди себя так бестактно!

На что Лама ответил ему стихами:

*Тебе чуждо любое неудобство и работа,
В цветных тогах надеешься ты на Просветление,
Ведя в ад своих учеников, -
Мне грустно тебя видеть!
Иди своей дорогой, Сакья Панчен, Господин Существ,
Иди! И читай свои лекции, давай посвящения
И продолжай собирать вокруг себя нарушителей обетов.
Сей семена гибели,
Лелей саженцы ложных воззрений,
Взрачивай ростки страстей,
Содействуй созреванию своей кармы бардо.
Бери и впредь на себя проступки старых баб,
Выполняй обязательства по отношению к тем, кто от тебя зависит,
И наполняй богатствами свои сундуки!*

Сакья Панчен улыбнулся и запел и ответ:

*Здесь, у пещеры без двери и опоры,
Сидит Друкпа Кюнле - грязный трепач,
Несущий чепуху, где бы он ни был.
Я чувствую жалость при взгляде на тебя.
Давай, скитайся бесцельно по миру,
Продолжай разрушать веру людей, которых ты встретишь,
Неси своё богатство на кончике члена,
Подноси свою святую сущность потаскухам,
Вспугивай кобелей стуком в дверь
И ломай рёбра старым сукам.
Выискивай вшей и бросай их перед собой как камни,
Ломай бёдра своих женщин
И грейся на солнце, где тебе вздумается!*

Согласованность их песен доставила им обоюдное удовольствие и радость взаимопонимания, и Сакья Панчен пригласил Ламу в свой монастырь, дав ему верховую лошадь.

В пути они проезжали мимо девушек, работавших на полях, которые принялись поддразнивать монахов:

- Ни у кого нет желания? - кричали они.

- Нет, никому из нас нет сегодня до вас охоты, - крикнул Лама, скачущий во главе процессии.

- Не смей говорить такого при моих монахах, - сердито зашикал Сакья Панчен.

- А что туг такого? - невинно спросил Кюнле. - Все девушки любят, когда на них ложатся.

Сакья Панчен пришпорил своего коня и, рассерженный, ускакал вперёд.

По прибытии в Сакья, Панчен показал Друкпе Кюнле магический буквенный квадрат, 16 строк которого начинались с буквы НГА - "я". Это был хвалебный гимн, который Панчен сочинил самому себе.

- Посмотрим, можешь ли ты написать такой же, - сделал вызов Сакья Панчен.

- Не могу же я поднять на смех тебя, такого уважаемого потомка рода Кхён [*Род Кхён - древний клан западного Тибета*] ; и потом, я не силен в искусстве хвалебных гимнов. Так что я просто добавлю "У" к твоему "Нга" ("Нгу" - "плакать").

Вместо:

*Я - Сакья Панчен из Тёда,
Я - властелин китайских равнин,
Я - хозяин долин Страны Снегов,
Я - венец всех живых существ, и т.д.*

теперь это звучало так:

*Плачет Сакья Панчен из Тёда,
Плачет властелин китайских равнин.
Плачет хозяин долин Страны Снегов,
Плачет венец всех живых существ, и т. д.*

От всего сердца смеялся Панчен, радуясь едкой колкости, а затем предложил ради забавы посоревноваться в написании букв. Он записал мантру МАНИ- ПЕМЕ шрифтом Лан- цха [*Шрифт Лан- цха - декоративный шрифт, используемый северными буддистами с VII века*] и показал Ламе. Это ничуть не удивило Друкпу Кюнле, - напротив, он ответил показом своего умения:

- Если я согну руки в локтях и подниму их так, чтобы ладони оказались на уровне плеч, я образую букву А; если сложу руки в позе медитации, то буду представлять собой букву Чха; подняв левую стону к правому колену и стоя так на одной правой ноге, я выгляжу подобно букве На. - Таким образом он продемонстрировал весь тибетский алфавит.

Позже, за обедом, Сакья Панчен ещё раз проверил Ламу на ловкость. Взяв в руки комочек теста, он вылепил из него оленя и показал Кюнле:

- Если у тебя искусные руки, слепи такого же зверя, - потребовал он.

Лама, не мешкая, взял немного теста и только растянул его и длину и сплющил рукой, - и получились змея и дракон.

Зрители были поражены.

"А он ловок, знает толк в совершении чудес, - подумал Сакья Панчен, - надо бы показать его китайцам", - а вслух сказал:

- Чтобы в будущем наши линии передачи соединились в приносящем благо союзе, нам нужно предпринять небольшую совместную поездку в Китай.

И они незамедлительно отправились в путь. По дороге Лама занимал Панчена и его слуг всяческими играми и чудесами.

По прибытии во дворец китайского императора Друкпа Кюнле выдал себя за рассыльного, сев на самом плохом месте перед дверью, в конце свиты Панчена.

За трапезой каждый из них получил по туше свежезажаренного барана, а Кюнле достались лишь хрящи да кости худощавого животного на дне деревянной корзины. Возмущённый, он запел такую песню:

*Хоть я и слуга
Сакья Панчена из Тёда,
Но мяса, как другим, мне на долю нет.
Раздача мяса - несправедлива,
Одни получают хорошее мясо, другим достаётся плохое.
Хотя все бараны. - баранина, всё же
Одни жирны, другие - худощавы.
Чем занимался ты, баран,
Когда твои друзья паслись и пили?
Ты пожирнеешь только на корму, -
Давай, назад, на выгон, щипай траву,
Чтоб стал ты пожирнее!*

Лама шлёпнул по бараньей туше, от чего тот вскочил, выпрыгнул из двери и убежал обратно в горы.

- Ну, если нижайший слуга может такое, - дивились китайцы, - чего уж тогда можно ожидать от Мастера?

Сакья Панчен до этого был в Китае три раза, но никогда прежде ему не воздавали так много почестей и не делали таких богатых подношений.

Вернувшись в Сакья, Лама задержался там ещё на несколько дней, остановившись по соседству с необычайно красивой девушкой, которую звали Лолег Бутри. Лама хотел овладеть ей, но она отказала ему. Друкпа Кюнле был вне себя:

- Как это возможно! - неистовствовал он, топнув ногой так, что след от его ступни остался на плоском камне, как если бы тот был влажной землёй.

Слух об этом распространился по всей округе, и Лолег Бутри пожалела о своём поспешном решении и принесла Ламе в качестве подношения необычайно хороший чанг.

- О Великий Мастер! - обратилась она к нему. - Когда мы виделись в прошлый раз, я не знала, что ты Будда. Прости меня и прими теперь моё тело!

- Подыми подол и раздвинь ноги, - велел Лама.

- А кха кха! - воскликнул он, посмотрев промеж её бёдер и вынув свой член. - Похоже, мы не подходим друг другу. Тебе нужен трёхгранный член, а мне - круглый проём. Я думаю, мы не сможем это делать вместе!

Внезапно девушке опротивело всё мирское:

- О драгоценный Владыка Дхармы! - взмолилась она. - Если ты считаешь меня необычной женщиной, возьми меня, пожалуйста, с собой; если ты считаешь меня заурядной, то отправь меня медитировать в отшельничестве; а если - неполноценной, то состриги мои волосы и дай мне монашеское имя.

- Ты не та женщина, что может пойти со мной, - отвечал Лама, - и для отшельничества ты тоже не годишься. Значит, остаётся только последняя возможность. Какое имя тебе хочется получить?

- Назови меня обычным именем, - попросила она

- Освободительница Земли- Воды- Огня- Воздуха- Неба, - предложил он.

- Такое имя я не хочу, - сказала она, - я хочу мелодичное имя.

- Освободительница Вина- Флейта- Лютня, - именовал её Лама.

- Это звучит так, как если бы я была пугливой, - сказала она. - Назови меня так, чтобы имя внушало страх.

- Тогда ты будешь Леопардо- Медведе- Змеиная Освободительница.

- Нет! Лучше дай мне ласковое имя, - возразила она.

- Шёлко- Парчово- Лечебная Освободительница.

- Лама, пожалуйста, перестань дразнить меня, - просила она его. - Дай мне имя по моему вкусу.

- Сиропо- Сахаро- Медовая Освободительница.

- Не такое! - упёрлась она в очередной раз. - Мне опротивел мир, и я решила посвятить свою жизнь Дхарме. Дай мне подходящее имя, показывающее, что я приняла Прибежище в Будде.

- Освободительница Опротивело- Преданная- Прибежищу.

- Я все ещё не удовлетворена!

- Тогда мы назовём тебя Освободительницей Сладострастно- Бесстыдно- Божественного Учения, - предложил он.

- Отбрось первые два слова, и оставь остальные: Освободительница Божественного Учения (Лхачё Дрёлма), - попросила она, и Лама согласился.

Затем он отправил её медитировать в Джомо Лхари [*Джомо Лхари - гора на границе Тибета и Бутана*], наказав оставаться там три года. В течение этих трёх лет она не принимала никакой еды, живя исключительно пищей глубокого самадхи, постоянно держа глаза открытыми, пока, наконец, милостью Ламы, Лхачё Дрёлма не достигла в Теле Света состояния Будды.

Из пяти тысяч своих возлюбленных Лама особенно любил 13; из тех тринадцати Лхачё Дрёлма была ему милее всех.

Владыка Дхармы, Защитник Живых Существ Кюнга Легпа продолжил путешествие по провинции Цанг. В маленькой деревушке под названием Ньинг он заночевал в доме некоего Або Цетена. Этот человек был сыном губернатора Лханхуга, но утратил своё богатство и заболел проказой. Его жену по имени Самдрён, которая была очень умной и одарённой женщиной, отдали будущему мужу, когда она была ещё совсем молоденькой девушкой. Подрастая, она стала испытывать отвращение к мужу, и её заветным желанием было, чтобы пришёл другой мужчина и забрал её с собой.

- Когда-то я был влиятельным человеком, сыном губернатора, власть которого не знала границ, - жаловался хозяин. - Но мои заслуги иссякли, и теперь я живу в постоянной тревоге о том, что мы будем есть и пить завтра. Мои жена и сын ненавидят и презирают меня, а моё тело постепенно теряет силы. Найдётся ли более несчастный среди людей? - и он заплакал.

Чтобы подбодрить и мужа и жену, Лама решил рассказать им одну историю.

- Иди сюда, Самдрён, - позвал он, - и захвати с собой немного чанга! У меня есть для вас одна история!

Она принесла ему чанга, и Друкпа Кюнле начал своё повествование.

В Индии жил когда-то царь по имени Добродетельный. До преклонной) возраста он оставался бездетным, когда, наконец, жена подарила ему сына, которого они нарекли Единственным Наследником. Когда они принесли его к предсказателю, тот сообщил им, что несчастье будет угрожать жизни ребенка, если он не проведёт семь лет вдали от дома. Когда сын подрос, родители дали ему самый драгоценный самоцвет и отправили прочь, в одиночестве бродить по стране.

Однажды он пересекал большую равнину и, подойдя к роднику, напился воды и лёг передохнуть. Пока он спал, драгоценный камень, который он прятал у себя в носу, выкатился и упал в ручей, где его забрали во владение змеи- наги.

Лишённого защитного самоцвета принца сразила проказа и крайняя нищета. И ещё одно несчастье постигло его: на него напали двое,

видевшие его с самоцветом в носу и решившие, что это был тот самый камень, который они потеряли. Они грозились выколоть ему глаза, если он не отдаст им драгоценность. Он был не в состоянии ни вернуть им камень, ни убедить их в правдивости своей истории, и они его ослепили. Прокажённый и слепой нищий ощупью отыскивал дорогу, идя по прекрасной долине, и опустил, наконец, просить милостыню перед царским дворцом.

У царя той страны было три дочери. По тамошнему обычаю, в то время как раз справлялось большое ежегодное празднество с танцами и песнями. Царь, посылая на него своих дочерей, украшенных изысканными драгоценностями, наставлял их как и прежде отличиться и прослыть самыми красивыми участницами среди других. Так и случилось и на этот раз, и особенно отличилась его младшая дочь. По возвращении царь спросил девушек, были ли они самыми красивыми на празднестве.

- Мы были неотразимы, - ответили они.

- Получилось ли это благодаря моему великодушию или вашей собственной заслуге? - хотелось услышать отцу.

- Благодаря твоему великодушию, - отвечали две старшие дочери. Младшая же настаивала на том, что это является её собственной заслугой. Царь разгневался.

- Я украшаю тебя прекраснейшими драгоценностями, даю тебе лошадь для езды верхом, а ты все ещё думаешь, что ты блистала в результате своей собственной заслуги! - рассвирепел он. - Может, это тоже будет твоей заслугой, если я отдам тебя в жёны слепому нищему, что сидит у ворот?

- Если вследствие моих прежних действий я не заслуживаю ничего другого, то пусть так и будет, - ответила младшая, которая, впрочем, и была самой красивой из дочерей.

Отец разгневался ещё больше и отвёл её к нищему:

- Я - царь этой страны, а это моя дочь, которую я обещал Единственному Наследнику, сыну царя Добродетель. Но она строптива, дерзка и заносчива, а потому быть ей твоей женой.

В ответ нищий запел:

*Слепой прокажённый низкого происхождения,
Я не достоин дочери царя.
Я не хотел бы показаться
Непочтительным и непослушным,
Но всё же прошу вас быть снисходительным, о государь!*

Принцесса возразила ему:

*Не избежать собственной кармы.
Всё зависит от прежних действий,*

*И никто не знает, что его ожидает.
Не беспокойся, я понесу тебя.*

И она понесла прокажённого на спине и сама стала нищенкой. Однажды они отдыхали возле источника на большой равнине. Это был тот самый родник, в котором когда-то утонул драгоценный камень принца. Утолив жажду, он положил голову на колени своей жены и заснул. Пока он спал, та увидела, как змея выскользнула из его ноздри. Она разбудила его и спросила, что ему снилось.

- Мне приснилось, что из моего тела вытекают кровь, гной и слизь, - ответил он.

Когда она рассказала ему, что видела, как из его ноздри выползла змея, он понял, что это предвещало конец его болезни, и попросил жену поискать в ручейке его драгоценный камень.

Благодаря силе их совместных заслуг, она нашла его, а когда коснулась им глаз своего мужа, его зрение восстановилось. Его внешность преобразилась в молодого статного принца, и жена в радости запела:

*Эма! Как прекрасно это!
Связанная с жалким прокажённым нищим
Сотвратительной внешностью, не имеющим всех органов чувств,
Беспристрастно сносила я превратности кармы.
Не глядя на него свысока,
Относясь к нему с уважением,
Разделяла с ним его горе.
И сегодня он предстал передо мной сыном бога.
Откуда ты родом и кто твои родители?
Расскажи мне всё, что ты скрывал до сих пор.*

В ответ на это принц запел:

*О замечательная женщина благородного Происхождения!
Место моего рождения - Магадха [Магадха - большое древнее
королевство к югу от Ганга в Бихаре, которое было ядром империи
Ашоки и является священной землёй для буддистов].
Мой отец - благородный царь Добродетель.
Чтобы исчерпалась карма прежней жизни,
Семь лет мне было суждено претерпевать страдание.
Теперь же мы пойдём в Магадху.
Будучи единственным сыном,
Я должен править королевством.
О любезная и добрая жена, сопровождай меня!*

Так они возвратились в Магадху, и царь с царицей забыли о своей печали и радостно приветствовали принца и принцессу. Вступив во владение царством, принц возвёл в закон десять благих действий [Десять благих действия, которые буддийские короли, следуя Ашоке, делали центром законодательства: отказ от убийства, воровства, сексуального порочного поведения, лжи, брани, клеветы и праздной болтовни, а также от злых, алчных или предвзятых мыслей], и его подданные были довольны и счастливы.

Однажды принц предложил своей жене навестить её отца, чтобы привезти ему даров и так воздать за его доброту.

Принцесса надела все свои украшения, и с войском из слонов, колесниц, конницы и пехоты они двинулись к королевству её отца. Увидев приближающееся войско, тот ужасно испугался. Одни люди из его свиты вооружались, другие обращались в бегство. Принцесса поспешила вперёд, обогнав сопровождавших её, и предстала перед своим отцом, который, однако, не узнал её из-за изысканных украшений. Чтобы рассеять его страх, она запела:

*Мой отец и царь, послушай меня!
Я - твоя дочь, которую ты когда-то отверг.
Прокажённый нищий, сидевший пред нашими воротами,
Был сыном царя Добродетель из Магадхи.
Он вновь обрёл свой драгоценный самоцвет,
И зрение его восстановилось.
Его плохая карма исчерпалась,
Тяжёлая болезнь исцелилась,
И теперь, в соответствии с Дхармой,
Правит он народом своей страны.*

Затем она подробно рассказала свою историю, попросив отца подготовить принцу подобающий приём. Царь был несказанно рад и встретил принца музыкой, песнями и танцами. Радость их была безграничной.

- Является ли эта счастливая встреча результатом твоего великодушия или моих заслуг? - спросила своего отца принцесса. Помолчав немного, он ответил:

*Сначала вы оба жили богато,
Затем оба страдали от нищеты,
И наконец вы оба
Власть и богатство приобрели.*

Закончив свой рассказ, Лама обратился к Або Цетену и Самдрён:

- Самдрён! Эта притча должна показать тебе, что неверно презирать мужа или искать нового. Если ты, как принцесса из моего рассказа, обуздаешь свою обиду и неудовольствие, ты со временем станешь счастлива. И тебе, Або Цетен, не следует так удручаться. Как и сын царя Добродетель, ты тоже в конце концов найдёшь своё счастье. Доверяйте Ламе и Трём Драгоценностям и стремитесь при каждой возможности делать хорошее!

Глава четвертая

О том, как для блага всех существ Друкпа Кюнле путешествовал по восточному Цангу.

**Простираемся в ноги Кюнга Легпе,
Защитнику Существ,
Обладающего всепронизывающим Телом неизменного
блаженства Состояния Истины,
Наделённой четырьмя радостями Речью, подобной
благозвучному голосу Брахмы,
И глубоким и обширным Умом, который указывает совершенный
путь.**

Теперь Владыка Дхармы, Защитник Живых Существ Кюнга Легпа держал путь к Раве, что в восточном Цанге. Остановившись там в доме девушки из этой провинции по имени Адзомма, он пел песни под аккомпанемент своей лютни, пил чанг, наслаждался жизнью и отдавался любви.

В ту пору местной крепостью управлял жадный наместник по имени Моронг; оттуда однажды он и заметил Ламу и спросил своего слугу, кто это такой. Слуга ответил.

- Ага! - воскликнул наместник. - Это один из тех жалких людишек из Ралунга, которые в том году не уплатили налога на мясо. Хоть и говорят, что он святой человек, но на самом деле он только скитается бесцельно и создаёт проблемы. Отправь посыльного, пусть его приведут сюда.

Кюнле привели к крепости.

- Не ты ли тот сумасшедший, что зовёт себя Друкпой Кюнле? - накинулся на него наместник. - Ваши люди из Ралунга, может, забыли, что каждый должен сдать в налог Ярдрогу Нангкарце по яку и девяти баранам? И не снизил ли я вам налоги на шерсть и овец? Вы же вместо благодарности убили моих кабарог в отшельничестве Ганден и съели их. Сверх того, вы причинили жителям Ганден всяческий ущерб. Чтобы ваш налог на мясо был оплачен, завтра ты должен принести мне сто туш животных.

- Тебе будет уплачено по твоим заслугам и проступкам Ямой, беспристрастным Владыкой Смерти, который видит карму каждого живого существа шести миров [*Шесть миров - это миры богов, полубогов, людей, голодных духов, животных и обитателей ада; эта система объединяет все формы жизни*] в своём ясном зеркале, - отвечал ему Лама. - Но если тебе этого не достаточно, и ты говоришь, что завтра тебе нужно мясо, оставь поутру ворота открытыми

После того, как Друкпа Кюнле ушёл, люди стали гадать, как он намеревается выполнить такое дерзкое требование. Некоторые полагали, что он, наверняка, украдёт скотину. Наместник же на это лишь сказал:

- Как он это сделает, мне безразлично, лишь бы я получил своё мясо. Откройте завтра утром ворота.

Шесть миров. Тибетское "Колесо жизни".

Когда утром следующего дня солнце поднялось над восточными горами, послышался сильный шум и громкая ругань, приближающиеся со стороны долины Гьянце. Наконец показался Лама, гнавший перед собой сто десять кабарог из Гандена.

- Вот твой мясной налог! - крикнул Лама наместнику. - Бери, если хочешь, по - сейчас, я не смогу пригнать их тебе завтра. Сегодня же я могу услужить тебе всеми животными, какие только есть в Тибете. А не хочешь - я отошлю их в Чистые Страны. Так гласит повеление Владыки Смерти.

- Друкпа Кюнле, ты сошёл с ума! Ты воплощение Мары или излучение Будды! Гнать кабарог словно овец в одном стаде - это настоящее чудо! Но всё же я не имею право брать налог живьём. Я могу принять только мясо, - сказал наместник.

- Это не проблема, - отвечал Лама, отсекая животным головы. Убив всех, он стал сдирать с них шкуру, сваливая окровавленные туши в одну кучу.

Наместника охватил ужас.

- Апау! Апау! - закричал он. - Безумный Друкпа Кюнле, мы совершили великий грех! Тебе не нужно больше платить налог на мясо, и отныне все потомки рода Друкпа освобождаются от этой обязанности. Возьми это мясо и продай его на базаре. И освободи умы этих животных!

- Вчера ты велел мне уплатить тебе мясной налог, для чего я и пригнал сюда этих животных. Теперь ты говоришь, что он тебе больше не нужен. Если это так, то они могут вернуться в Ганден.

Он щёлкнул пальцами и крикнул:

- Возвращайтесь туда, откуда пришли!

Туши тут же вскочили и отыскивали себе каждая по шкуре и по голове (причём некоторые маленькие животные схватили большие головы, а некоторые большие - маленькие головы). Так они и убежали обратно в Ганден. Говорят, что в этой местности ещё и по сей день можно встретить эту диковинную разновидность оленей с несоразмерными головами.

Наместника, его охранников и прислугу охватила такая глубокая преданность, что у них на глазах выступили слезы. Они упали перед Ламой на колени, сложив руки, и наместник сказал:

*Единственное Прибежище существ, Кюнга Легпа!
Южные облака, плывущие летом высоко в небе,
Несведущи о восходе и закате солнца.
Ледяной ветер, что завывает зимой,
Несведущ о побитых градом цветах.
В необъятном мраке нашего извечного невежества
Мы не знали, что Кюнле - великий Мастер.
За своё невежество и несообразительность
Просим мы о прощении.
Пожалуйста, затвори ворота в низшие миры
И защити нас своим сочувствием!*

И наместник коснулся своим лбом ног налджорпы. Впоследствии он обрил голову, принял религиозное имя и стал заведовать хозяйством как бодхисаттва.

Лама вернулся в пивную Адзоммы и продолжал пить и распевать песни. Девушки были от него в восторге и обратились к нему со словами:

- Вчера ты убил животных, а потом вернул их к жизни, и поэтому мы питаем к тебе очень большое доверие. В своей прежней жизни ты, несомненно, был Буддой. Расскажи нам, пожалуйста, об этом!

Друкпа Кюнле отвечал:

- Поскольку, рассматривая своё настоящее поведение, неминуемо получаешь некоторое представление о своих прежних существованиях, я спою вам одну песню:

*В веренице моих многих жизней
Я принимал тела каждого вида существ.
Я только смутно припоминаю об этом,
Однако это должно быть приблизительно так:
Поскольку сейчас я так люблю чанг,
Должно быть, когда-то я был пчелой;
Поскольку сейчас я так похотлив,
Должно быть, когда-то я был петухом;
Поскольку сейчас я так зол,
Должно быть, когда-то я был змеей;
Поскольку сейчас я так ленив,
Должно быть, когда-то я был свиньёй;
Поскольку сейчас я так скуп,
Должно быть, когда-то я был богачом;*

*Поскольку сейчас я так бесстыж,
Должно быть, когда-то я был безумцем;
Поскольку сейчас я такой лгун,
Должно быть, когда-то я был актёром;
Поскольку сейчас я себя так неприлично веду,
Должно быть, когда-то я был обезьяной;
Поскольку сейчас я такой кровожадный,
Должно быть, когда-то я был волком;
Поскольку сейчас у меня такой узкий задний проход,
Должно быть, когда-то я был монахиней;
Поскольку сейчас я так педантичен,
Должно быть, когда-то я был бесплодным;
Поскольку сейчас я проедаю своё богатство,
Должно быть, когда-то я был ламой;
Поскольку сейчас я так увлекаюсь накопительством,
Должно быть, когда-то я был управляющим;
Поскольку сейчас я так самолюбив,
Должно быть, когда-то я был начальником;
Поскольку сейчас я так люблю обманывать других,
Должно быть, когда-то я был торговцем;
Поскольку сейчас я так болтлив,
Должно быть, когда-то я был женщиной;
Но я не могу сказать вам,
является ли это действительно правдой.
Подумайте сами. Как на ваш взгляд?*

- Ты делаешь вид, будто перечисляешь свои прежние жизни, - ответили девушки, - а на самом деле ты раскрываешь нам наши собственные недостатки. Благодарим тебя за твоё поучение.

Лама продолжил странствие, направившись к монашеской академии, находящейся у ступы [Ступа (*mchod rten*) - сооружение, венчаемое куполом, расположенным поверх ступенчатого постамента. Вместилище подношения и предметов почитания. Форма ступы символизирует различные аспекты Просветления Будды] Палкхор. Он застал там опытных в дебатах монахов, углублённых и свои прения.

Ступа (mchod rten)

Пока он наблюдал за этим зрелищем, его внимание вдруг привлекла хорошенькая девушка, сидевшая на краю ступы. Тут пожилой монах, стоявший во главе рядов монахов, обратился к нему:

- Друкпа Кюнле, знаки твоего совершенства и твои чудесные способности воистину ошеломляющи; но то, что ты не простираешься перед ступой и монашеской сангхой, говорит о том, что твоё воззрение превратно и находится в противоречии с учением Будды.

- Я - совершенный налджорпа, и уже давно завершил практики простираний и покаяния в проступках, - сказал Лама. - Но если ты считаешь это нужным, я буду простираться, - и он стал делать простираения перед девушкой и перед ступой с такой молитвой:

*Я простираюсь перед этим прекрасным корпусом из глины,
Который не причислить к восьми ступам Сугаты [Восемь ступ Сугаты - это ступа Просветления, Большая Лotosовая ступа, ступа Благоприятствования, ступа Чудес, ступа Нисхождения с Тушиты, ступа Примирения, ступа Победы и ступа Nirваны; каждая отличается внешним оформлением].*

*Я простираюсь перед этим чудесным творением,
Не созданным руками Покровителя Искусств [Бог и покровитель искусства и ремесла - Вишвакарман].*

*Я простираюсь перед этими тринадцатью колёсами [Тринадцать колёс - диски, формирующие вершину ступы; символизируют ступени пути Бодхисаттвы и Три Тела (Три Состояния) Будды],
Которым нет подобных в тринадцати мирах.*

*Я простираюсь перед попкой этой девушки из Гьянце,
Которую вы оставляете без внимания
В теле Освободительницы [Освободительница, Арья Тара - олицетворение активного сочувствия в женской форме].*

Освободительница, Арья Тара

- А кха кха! - воскликнули монахи. - Что за бесстыдство! Этот Друкпа Кюнле и впрямь ненормальный!

- Поскольку женщина - это путь, которым появляется на свет всё хорошее и всё плохое, по природе своей она является матерью Мудрости, - объяснил им Лама. - Кроме того, приняв монашеское посвящение и обеты дисциплины у ног своего духовного наставника и, не тревожась о будущем, поднеся золото и серебро, вы вступили в мандалу между бедрами женщины [*Принятие Прибежища в Будде подразумевает символическое обращение к чистому потенциалу чрева; поскольку женский половой орган представляет проникающее видение (санскр. праджня, тиб. шераб), "вхождение в мандалу между бедрами женщины" является метафорой осуществления союза Дордже и Лотоса, Гуру и Дакини, искусных средств и проникающего видения*]. Вот почему эта девушка является таким же объектом моего почитания, как и ступа.

Стоявшие поблизости миряне засмеялись, но монахи, бросив на него сердитые взгляды, отвернулись.

- Мы стараемся блюсти несравненные правила дисциплины, а ты приходишь сюда, чтобы насмеяться над нами, - отругал Ламу страж дисциплины, берясь за палку, чтобы поколотить Друкпу Кюнле. Но тот запел:

Вы - как гордый жеребец из восточного Конгпо, непревзойдённый в выезде;

Я - как чёрный тибетский конь с белыми бабками, который только и может, что высоко поднимать свои ноги.

Когда по широким открытым равнинам они вместе скачут вдаль, - Конюх Аку, будь свидетелем, смотри, кто первым достигнет цели!

Вы - как бенгальский павлин, несравненный по красоте своего радужного оперенья хвоста;

Я - как гриф, царь тибетских птиц, который только и может, что высоко топорщить крылья.

Когда они кружат высоко в необъятном пространстве небес,

Высоты снежных гор, будьте свидетелями, следите, кто выше других летит!

Вы - как сизая кукушка, сидящая в ветвях ивы, непревзойдённая в своём пении;

Я - как дворовый петух красногрудый, который только и может, что кукарекать высоким голосом.

Когда вновь и вновь раздаётся их клич, определяемый временем года, Долгожители, будьте свидетелями, следите, кто время верно сообщает! Вы - как белый лев на снежных вершинах, непревзойдённый в гордости и силе;

Я - как полосатый индийский тигр в джунглях Сенгденг [Сенгденг - акация; но здесь имеется в виду глухой субтропический лес Ассама в северной Бенгалии], который только и может, что раздувать свою ярость.

Когда в джунглях Сенгденг разрешают они свои распри и пламя гнева пылает,

Гомчены и монахини, будьте свидетелями, - смотрите, кто поистине джунглями правит!

Вы - монахи и геше ступы в Палкхоре, несравненные учёные пандиты, облачённые в религиозные одежды.

А я - Друкпа Кюнле из Ралунга, который только и смог, что войти во Врата Дхармы.

Если скрупулёзно пересчитать, от каких пороков удалось вам и мне избавиться и какую добродетель приобрести,

Неоспоримая Истина Кармы, будь свидетелем,

Проследи, кто в конце концов достигнет состояния Будды!

Когда он закончил свою песню, его слушателей охватили доверие и преданность, и они просили Ламу принять их под спую защиту, в этой и в последующей жизни.

В монастыре Цечен, что под Гьянце, монахи исполняли ритуал очищения обетов. Лама поднёс горстку чая в цимбалах размером с глаз яка и громко сказал:

- Чаю всем монахам!

- Здесь не хватит чая для трёхсот монахов, - сказали ему. - Оставь нас в покое и уходи!

Ламе пришла в голову мысль необычным образом поучить монахов, и он стал дико носиться вокруг торы, перепрыгивая через большие валуны и описывая круги вокруг небольших камушков.

- Вы только посмотрите, как разбежался этот ненормальный, - смеялись над ним монахи.

- Моя беготня схожа с вашей практикой, - отвечал Лама.

- Тут нет ничего общего с нашей практикой! - воскликнули монахи. - Это только твоё сумасшедшее кривляние!

- Я скажу вам, в чём моё кривляние похоже на ваши методы, - пояснил Лама. - Будда учит в Винае [Виная Вив- правила моральной

дисциплины; четыре коренных обета - духовные обеты самайя тела, речи и ума Будды и абсолютная самайя, а дополнительные обеты - это практические ответвления от коренных], что из четырёх основных обетов и четырёх дополнительных четыре основных обета являются самыми важными, тогда как нарушения побочных обетов легко исправляются ритуалами. Вы, не уделяя внимания основным обетам, придаёте большое значение очищению малых проступков посредством всяких ритуалов. Задумайтесь над этим! - воскликнул Лама и удалился.

В монастыре Ганчен Чёнепел в Цанге Лама сообщил монахам, что его чай оказался недостаточно хорош для их собратьев из Цечена и что он теперь здесь для того, чтобы поднести этот чай им.

- Для нас, твой чай тоже не пригоден, - ответили ему монахи, - уходи восвояси!

Тогда он пошёл в Таши Лхюнпо [*Таши Лхюнпо, близ Шигацзе, было резиденцией Панчен- лам, излучении Будды Амидабы, - соперников Далай- лам в политическом влиянии*], где сказал стражу дисциплины о своём желании сделать подношение чая. Тот сначала справился у своего настоятеля, и, поскольку последний знал, что Кюнле является Мастером, он дал своё разрешение. Лишь тогда страж позволил Ламе войти. Вместе с куском масла, величиной с яйцо, Лама бросил свой чай в огромный медный котёл, закрыв его с указанием не снимать крышку до тех пор, пока он не вернётся. Затем он спустился к базару и отыскал пивную, где стал пить чанг и развлекаться с девицами.

Тем временем страж дисциплины задул в раковину, созывая монахов, и когда все собрались, повар извинился перед ними:

- Сегодня нам придётся пить кипячёную воду. Какой-то друкпа сделал нам скудное подношение и даже не вернулся, как обещал.

Однако, подняв крышку, он с удивлением обнаружил, что котёл был полон чудеснейшего чая. В этот момент вошёл Лама.

- Теперь чай уже не поднимется выше, - сказал он, - и в будущем котёл никогда не будет полон до краев.

Пока монахам разливали чай, Лама говорил:

- Хочу вам сказать, что, поскольку у меня была лишь пригоршня чая да кусок масла с яйцо, а вас здесь собралось более шести тысяч, чай будет не таким крепким. Но - угощайтесь, и приятного аппетита!

То, что чай был первоклассным как по вкусу, так и по крепости, было принято как благоприятный знак, и говорят, что чай из Таши Лхюнпо сохранил эти качества и по сей день.

Затем Лама предложил угостить монахов ещё и чангом; чего, однако не допустил страж дисциплины, ссылаясь на то, что монахам запрещено пить алкоголь. Но Друкпа Кюнле настаивал:

- Даже если монахам это и не разрешено, я должен поднести вам чанг, потому что это является моей особенностью.

Для этого он вышел на середину зала собраний и выпустил газы, словно дракон.

- Вот ваш чанг, пожалуйста, - сказал он монахам, и весь зал наполнился приятным ароматом. Молодые послушники захихикали, а пожилые монахи заткнули нос и нахмурились. С тех пор последним рядам, где сидели послушники, был присущ аромат истинного постижения, в то время как передних рядов старших монахов он никогда не достигал.

Затем Друкпа Кюнле решил вернуться к себе на родину, в Ралунг. Поднявшись на возвышенность Палнашол, он повстречал восьмидесятилетнего старика по имени Сумдар. Тот нёс свиток с изображением Линии Передачи Кагью, очень красивую тханку, на которой, однако, не хватало окончательной золотой росписи.

- Куда ты идёшь? - спросил его Лама.

- Я иду в Ралунг попросить Нгагванга Чёгьяла освятить нарисованную мной тханку, - дружелюбно ответил старик.

- Покажи-ка свою картину, - сказал Лама.

Старик подал её Кюнле и спросил, какого он о ней мнения.

- Неплохо, - отозвался Лама, - но кое-чего здесь ещё не хватает.

- И он вытащил свой член и помочился на картину.

Старик потерял дар речи, а потом сумел только вымолвить:

- Апапау! Зачем ты это сделал, безумец? - И он заплакал. Лама свернул мокрую тханку и невозмутимо вернул старику со словами:

- Теперь отнеси её благословить.

Когда старик пришёл в Ралунг, его привели к Нгагвангу Чёгьялу.

- Чтобы обрести заслугу, я нарисовал эту тханку Линии Кагью, - сказал он настоятелю, - и принес её сюда, чтобы ты освятил её. Но и дороге я повстречал сумасшедшего, который помочился на неё и испортил. Вот, посмотри, пожалуйста!

Нгагванг Чёгьял раскатал тханку и увидел, что забрызганные мочой места сверкают теперь золотым блеском.

- Моего благословения тут больше не требуется, - сказал он старику. - Она уже освящена совершенным образом.

Старик проникся глубочайшим доверием и рассыпался в шумных благодарностях.

- Моя тханка получила благословение, нераздельное с самим Друкпой Кюнле! - воскликнул он и, счастливый, пошёл домой.

Говорят, что эту тханку и по сей день можно увидеть в храме Дорден Таго в Тхимпху.

Вслед за этим на своём пути в Ралунг Владыка Дхармы Кюнга Легпа повстречал шестнадцатилетнюю монахиню (ани), которую звали Цеванг Палдзом. Она имела все признаки дакини.

- Куда ты идёшь, ани? - спросил он её.

- Я иду в город просить подаяние, - ответила она. Лама увидел, что она подарит ему сына, который продолжит его традицию.

- Ани, ты должна мне отдаться, - воскликнул он.

- Я была монахиней с самого детства, - отвечала она, - и не знаю, как это делается.

- Это ничего, - сказал Лама, - я научу тебя.

И он взял её за руку, уложил тут же на обочине дороги и три раза подряд позанимался с ней любовью.

Через 38 недель она родила сына, отличавшегося особыми знаками. Настоятель Нгагванг Чёгьял, в монастыре которого жила Цеванг Палдзом, захотел установить отцовство ребенка. Услышав, что отец - Друкпа Кюнле, он успокоился и сказал:

- Кюнле - блаженный Святой, и, значит, тебе не нужно стыдиться - твоя добродетель не утрачена.

Однако другие монахини в монастыре рассудили так: "Все женщины наслаждаются любовью. Отныне нам тоже не нужно лишать себя этого удовольствия".

- Но настоятель отругает нас, если мы забеременеем, - возразила одна менее сообразительная монахиня.

- Теперь это не проблема: мы просто скажем, что отец - Друкпа Кюнле, и останемся безупречны, - отвечали ей другие.

Так одна монахиня за другой поступили как им хотелось, и, поскольку им это понравилось, за год почти все нарушили свои обеты, и родилось восемь детей.

- Кто отец? - сокрушался Нгагванг Чёгьял.

Но от каждой монахини получал один и тот же ответ.

- А кха кха! - застонал настоятель. - Этот безумец виновен в том, что все мои монахини нарушили обеты!

Когда слух об этом дошёл до самого Ламы, он пришёл в монастырь и велел сознать всех монахинь с детьми, чтобы определить, какие из детей - его.

Когда все собрались, одни мамы стали утверждать, что у их ребёнка его лицо, другие - что у ребёнка его руки, его ноги, глаза, нос и так далее.

- Если все эти дети - мои, я позабочусь о них, буду кормить и одевать их, и возьму на себя за них полную ответственность, - сказал Кюнле. - Если же - не мои, то я брошу их на пожирание Победоносной Богине [*Сиятельная Богиня, Мачик Палден Лхамо - знаменитая форма грозной Защитницы Махакали*]!

И с этими словами он схватил своего ребенка, обладавшего необычайными дарованиями, за ноги и попросил Победоносную Богиню о заступничестве:

*Победоносная Богиня с оком Мудрости!
Я, сумасброд Друкпа Кюнле, скитающийся по всему свету,
Дарил свою любовь многим девушкам.
Но эти двуличные монашки - лгут.
Если это мой сын - защити его,
А если сын другого - поглоти его!*

И он раскрутил своего сына над головой и бросил в воздух. Когда ребёнок ударился о землю, упав посреди близлежащего поля, с небес разразился раскат грома, а потому сына нарекли Шингкьонг Друкдра (Громогласный Защитник Полей [*Защитник Полей - название защитников местности*]). При этом грохоте монахини схватили своих детей и пустились наутёк.

В то время Нгагвангу Чёгьялу приснился сон, что его пытается убить недруг, натравливая на него духов. Он попросил Друкпу Кюнле провести ритуал очищения его ума. Лама смастерил куклу, точь- в-точь походящую на Нгагванга Чёгьяла, нарядил её в монашеские одежды, затем изготовил ловушку для духов из натянутых веревок и состряпал жертвенный пирог (торму), - такой, что едва поднять одному человеку. Он также выстроил мандалу и провёл три дня в подготовке церемонии очищения. Тем временем, прослышав о том, что он собирается исполнить "крутой" ритуал, перед его домом собралась толпа, - всем хотелось присутствовать при таком зрелище. Лама призвал людей помочь ему: одним нужно было нести куклу, другим - западню для злых духов, третьим - пирог, ещё один нёс чёрный платок, а другой - жертвенные подношения и предметы, необходимые для ритуала. Одних он отправил вперёд с песнопениями, а другие должны были размахивать знамёнами в конце шествия. Сам Друкпа Кюнле нарядился как тантрический чародей: в чёрном головном уборе, с лицом, вымазанным чёрной мазью из трав, в руках он держал ритуальный кинжал (пхурбу) для уничтожения злых духов и чашу из человеческого черепа, предназначенную для их крови. Сопровождаемая звоном цимбал и звуками труб из бедренных костей, эта впечатляющая процессия двинулась к дому Нгагванга Чёгьяла.

Увидев, что всё происходит в соответствии с традицией, Нгагванг Чёгьял почувствовал облегчение.

- Эта кукла - твоё отображение, - для того, чтобы вместо тебя выкупить её у демонов, - сказал ему Лама. - Потом она исчезнет. - И с должным уважением он посадил её на трон Нгагванга Чёгьяла.

Тот улыбнулся. Затем Лама вышел и, к восхищению толпы, исполнил перед домом медленный танец призывания демонов.

Услышав шумные возгласы зевак, Нгагванг Чёгьял затрепетал. Закончив свой танец, Лама вернулся в дом, поднял торму и изо всех сил ударил ей по голове куклы и стал ритмично повторять:

Срази! Срази! Срази!

Голову привязанностей Нгагванга Чёгьяла!

Срази голову его гнева!

Срази голову его глупости!

Срази голову его застывших идей!

При этих словах Нгагванга Чёгьяла охватил такой ужас, словно наступил конец света, тогда как людей происходящее здорово забавляло.

Лама снова вышел на улицу и перед перевёрнутым горшком стал исполнять танец подавления злых духов: яростно топая ногами, он произносил нараспев:

"Пусть погребены будут желания Нгагванга Чёгьяла!" Когда Нгагванг Чёгьял, наблюдавший за ним изнутри, обернулся, он увидел, что кукла исчезла.

- Сегодня этот сумасброд показал мне мастерство своих чудесных способностей, - подумал настоятель.

Так, продемонстрировав действенность своего Ритуала Изгнания, Лама возобновил свои бесцельные скитания.

Вернувшись в Палнашол, Лама пел и пил, наслаждаясь гостеприимством пивной. По соседству там жила одна старая женщина. Ей было уже за восемьдесят, и была у неё лишь одна- единственная корова. Благодаря своему всеведению Лама знал, что плосколобый вор намеревается украсть её буренку. Он отправился к дому старухи и застал её погружённой в молитвы:

ОМ МАНИ ПЕМЕ ХУНГ!

Всезнающий Лама, Друкпа Кюнле,

Защити меня от несчастий и боли

В этой жизни, в следующей и в Бардо!

- Что это ты там бормочешь, старуха? - спросил он.

- Молюсь своему Ламе, - ответила та.

- Какому Ламе?

- Владыке Дхармы Кюнга Легпе, - сказала она.
- Видела ли ты его когда-нибудь?
- Нет, я его никогда не встречала, только слышала его имя.
- Я - Друкпа Кюнле, - открылся он.
- Ты говоришь правду?
- Ну конечно!
- Если ты действительно Друкпа Кюнле, тогда пусть наши тела сольются,
- бросила она ему вызов.

Но, так как она была уже слишком стара, Лама не мог возбудиться.

- Наверное, будет лучше, если мы объединимся духовно; обучи меня в немногих словах, да чтобы они имели глубокое значение, - сказала она наконец.
- Если ты желаешь духовного союза со мной, выучи эти строки наизусть и повторяй их, - предложил ей Лама.

ОМ МАНИ ПЕМЕ ХУНГ!

Вот пришедший с плоским лбом.

ОМ МАНИ ПЕМЕ ХУНГ!

Он высовывает свой язык [На самом деле, открыть рот и покатать язык у тибетцев - знак приветствия и скромности].

ОМ МАНИ ПЕМЕ ХУНГ!

Затаился он, затаих.

ОМ МАНИ ПЕМЕ ХУНГ!

Крадучись, ускользает прочь.

После того как она выучила этот куплет наизусть, Лама покинул её.

Ночью, когда старуха вышла из дома справить нужду, плосколобый вор проскользнул к ней во двор. Услышав повторяемый ею стишок, которому научил её Лама, вор решил, что она его заметила. Он подумал, что она увидела, как он высунул язык, как он затаился, - и, крадучись, ускользнул.

По милости Ламы через некоторое время бурёнка отелилась и подобно сыну кормила старуху до конца её дней. Говорят, что благодаря сочувствию Ламы старуха потом переродилась дакиней.

Оставив это место, Лама вскоре подошёл к дому богатого и порядочного человека. Войдя внутрь, он обратился к хозяйке:

- Если у вас в доме найдутся чанг и девочки, я охотно здесь задержусь.
- Девушек у нас нет, зато много чанга, - ответила она.
- Пойдёт, - сказал он, - сегодня на ночь я остаюсь здесь.

Отец семейства был человеком, поистине преданным учению, его жена была естественно добра, а их невестка добродетельна. Но сын семьи недавно умер от оспы, и все трое оплакивали своё горе и отказывались от пищи. Напрасно соседи пытались их утешить - они продолжали плакать и причитать без конца. В присутствии скорбящей семьи Лама пропел ритуал для ума покойного, а затем попытался смягчить их горе.

- В этом мире никто не может избежать болезни, старости и смерти, - утешал он их. - Когда я был ребёнком, моего отца убили и семейной распре, а моя мать попала в руки своих родственников, причинявших ей ужасные страдания [*После смерти отца Миларепы его овдовевшая мать также терпела притеснения от своих родственников*]. Не печальтесь! Лучше послушайте - ка мою историю.

Давным- давно, когда Будда ещё жил на земле, в Индии был человек по имени Добросердечный Даритель. У него была жена, и у них был чудесный сын, который, когда вырос, женился на добродетельной девушке. Чтобы испытать доверие семьи, Будда подослал змею, которая укусила сына, и тот умер. Спустя некоторое время сам Будда пришёл их проведать под видом простого монаха.

Отца он застал беззаботно играющим в кости.

- Люди уже стали осуждать тебя, потому что ты не показываешь ни малейшего признака печали из- за потери сына, - сказал монах.

- Ты не слышал Дхармы? - спросил он. - Послушай меня!

*В деревьях на пике горы с тремя вершинами
По вечерам собираются птицы,
Чтобы вновь разлететься на рассвете [Будда учил, что личность
составляют 5 скандх, или скоплений (rhiung ro): формы, ощущений,
концепций, умственных импульсов и сознания].
Так же непостоянно и всё живое.*

Мать покойника монах повстречал поющей на рыночной площади.

- Народ порицает тебя, ведь ты нисколько не печалишься по своему сыну, - обратился он к ней.

- Ты не слышал Дхармы? - спросила она. - Послушай меня!

*Блуждающее сознание, лежащее в основе всего,
Гонимо ветром кармы.
Поначалу я его сюда не призывала
И под конец не отсылала прочь.
Так же непостоянно и всё живое.*

Наконец, монах пришёл ко вдове, весело напевающей что-то за работой.

- Тебе не стыдно петь, когда только недавно скончался твой супруг? - спросил он.

- Ты не слышал Дхармы, монах? - ответила она. - Послушай этот стих!

*Мастер, делающий лодки, скрепляет вместе
Прутья с пиков трёхвершинной горы
И шкуры из трёх долин.
Однако же он бессилён скрепить их навечно,
И в конце концов шкуры и прутья распадутся.
Так же непостоянно и всё живое.*

- Если они не горюют по покойному, то они уж наверняка обрадуются его возвращению, - подумал монах, и в тот же миг явил им украшенного драгоценностями сына.

Однако родителей и жену это не тронуло.

Убедившись в том, что их доверие к учению непоколебимо, он дал им дальнейшие указания по медитации, и в конце концов все трое достигли состояния Будды.

Окончив рассказ, Кюнле продолжил:

- Вы встретились втроём в этой жизни в силу связи, возникшей из ваших прошлых пожеланий. И подобно покупателям, что сошлись перед лавкой на базаре, вам приходится расстаться. Нет повода для печали!

Неожиданно ум всех троих наполнился ясностью, и они увидели, что всё страдание подобно сну или иллюзии. Они завещали своё имущество монахам близлежащего монастыря и, взяв с собой только то, что им требовалось для практики, пошли каждый своей дорогой. Отец пошёл к горе Белой Каналы (Гангри Тхёкар в Тингри), его жена - в отшельничество Чимпху в Самье, а вдова отправилась к месту отшельничества в Чушьюл. Говорят, что все трое затем достигли конца пути, состояния Будды.

Глава пятая

О том, как Владыка Дхармы Друкпа Кюнле посещал Дагпо и Цари и затем прибыл в Бутан.

*Простираемся в ноги Владыке Дхармы
Друкпа Кюнга Легпе,
Слава о ком звучит как раскаты грома
Посреди облаков великого достижения,
Степенно плывущих над Белой Линией Преестественности*
Подобной цепи высоких снежных гор.*

*"Белая Линия Передачи" (dkar brgyud)- синоним и омоним "Устной" Линии, Кагью bka' brgyud).

По пути в Цари, недалеко от Шар Даклха Гампо Защитник Живых Существ, Владыка Дхармы Друкпа Кюнга Лета заметил небольшую избушку на обочине дороги, и которой обнаружил дурака но имени Хоргьял и его жену Гаякмо, проявлявшую все признаки дакини. Они как

раз ели цампу с чаем. Увидев, что у Гаякмо превосходные духовные истоки, он захотел взять её своей спутницей и направить по Великому Пути; поэтому он запел ей такую песнь:

*Светло- синяя обезьяна,
Раскачиваясь на сухом персиковом дереве,
Не желай персиков ни сладких, ни кислых.
Иди сюда и полакомься из дядиного кармана!*

Девушка прекрасно поняла его намерения и отослала своего придурковатого муженька собирать дрова. Лама запел ей ещё одну песню.

*Судя по размеру твоих ягодич,
Натура твоя крайне сладострастна.
Судя по маленькому рту,
Влагалище твоё сильно и упруго.
Судя по маленьким ножкам,
Толчки твоего таза особенно умелы.
Давай попробуем, как ты это делаешь!*

- Я не знаю, как это делают, - отвесила Гаякмо, - но влагалище у меня наверняка упруго, так как на него ещё никто ни разу не притязал.

- Как же это делает тогда этот урод? - спросил Кюнле.

- Он не знает разницы между "внутри" и "снаружи", - сказала она ему.

- Я знаю разницу между "внутри" и "снаружи": оставаться снаружи не имеет ровно никакого смысла, я должен проникнуть внутрь, - сказал Кюнле и немедленно приступил к делу.

Гампопа (1079- 1153)

Таким образом, её потенциал дакини пробудился и, чувствуя влечение к религиозной жизни, она попросила Ламу взять её с собой.

Видя, что она является подходящим сосудом для учения, он согласился. Когда возвратился её придурковатый муж Хоргьял, она обманула его, сказав, что пойдёт в горы за мясом и вернётся назад до наступления ночи. Затем, прихватив самое необходимое, она преданно последовала за Ламой.

Тремя днями позже Лама сказал, что её муж всё ещё зовет её и что вина, которая возникнет, если оставить его несчастным, будет серьёзным препятствием и её духовном развитии. И всё же он в течение семи дней обучал её медитации и затем отослал в Цари Дзачил [*Цари Дзачил (tsa ri rdza spyil)*] располагается к югу от Конгпо в провинции Дакпо], где она должна была начать свою практику, сказав, что вскоре последует за ней.

По прибытии в Даклха Гампо [*Шар Даклха Гампо - восточный монастырь Гампопы (dwags po lha rje, sgam po pa) (1079- 1153), главного ученика Миларепы*] Лама застал гомченгов, монахов, мирян и женщин, преданно выполняющих постирания в период поста, связанного с практикой Нюнгне. Лама подошёл к свободному месту и тоже начал постираться, повторяя молитву:

Я постираюсь перед нерождённым, неумирающим Будда- телом Абсолютной Реальности.

Я постираюсь перед видимым не всеми Будда- телом Совершенной Радости.

Я постираюсь перед проявляющимся повсюду Будда- телом Форм - Проявлений.

Я постираюсь перед Ламой, обладающим знаками Будды.

Я постираюсь перед божественным Йидамом, дарующим постижение.

Я постираюсь перед хороводом Дакинй, выполняющих свои обязательства.

Я постираюсь перед Защитниками Дхармы, удаляющими с пути препятствия.

Я постираюсь перед Совершенным Учением, которое так глубоко.

Я постираюсь перед Сангхой, которая держит обеты.

Я постираюсь перед Взглядом, не имеющим ни центра, ни края.

Я постираюсь перед гомченами, которые не нуждаются в объекте медитации.

Я постираюсь перед практикующими, свободными от лицемерия.

Я постираюсь перед плодом практики, который уже существует изначально.

Я постираюсь перед монахами, не нуждающимися в оправданиях.

Я постираюсь перед обетами самайи, которые не нуждаются в специальном поддержании.

Так я постираюсь, дабы опираясь на тех, кто выше, обрести Просветление.

А так постираюсь для того, чтобы, опираясь на тех, кто ниже, проявлять Просветлённую Активность:

Я постираюсь перед блаженством, обретённым вследствие накопление заслуги и мудрости.

Я постираюсь перед страданием, переживаемым вследствие накопления плохих поступков.

Я постираюсь перед налджорпой, остающимся довольным, что бы ни происходило.

Я постираюсь перед ухом повелителя, которое ни о каких прошениях не

желает слышать.

Я простираюсь перед убеждениями слуг, отказывающихся выполнять приказы.

Я простираюсь перед глотками богачей, которые объедают сами себя, опустошая свои кладовки.

Я простираюсь перед милостыней нищих, из которой не накопишь богатства.

Я простираюсь перед неверными супругами, недовольными своими жёнами.

Я простираюсь перед непрямой речью и лживой болтовнёй.

Я простираюсь перед ухом, внимающим молодым и пренебрегающим мудростью старых,

Я простираюсь перед задом старухи, не думающей о смерти,

Я простираюсь перед неблагодарными детьми,

Я простираюсь перед носящими одежды Дхармы, но нарушающими свои обеты,

Я простираюсь перед профессорами, придирающимися к словам.

Я простираюсь перед гомченами, старающимися ради еды.

Я простираюсь перед благотворителями с корыстными мотивами,

Я простираюсь перед теми, кто променял мудрость на богатство,

Я простираюсь перед теми, кто говорят, что отреклись от мира, а сами втайне занимаются накопительством,

Я простираюсь перед болтунами, которые никогда других не слушают,

Я простираюсь перед нищими, которые не имеют пристанища,

Я простираюсь перед не имеющими досуга задницами проституток.

Когда он закончил, некоторые люди смеялись, некоторые ругались и называли его сумасшедшим, тогда как другие утверждали, что он просто получал удовольствие, слушая свой собственный голос.

- Он не сумасшедший и не болтун, - сказал Гампо Тридзин Чэнга Ринпоче [Чэнга Тулку, иерархи Дрикунг Кагью, являются реинкарнациями ученика Пхагмотругпы (1110- 1170). Их резиденция - Тхел (близ Дакла Гампо) и Дрикунг]. - Вы все пропустили главное. Он - налджорпа, обладающий необычными способностями, и вам всем следует попросить у него прощения.

Тогда они поклонились Ламе и попросили благословения. Затем Чэнга Ринпоче оказал ему щедрое гостеприимство: он приготовил для него гостевую комнату и обеспечил его всем, чего только тот ни желал для своего удобства и удовольствия.

- Сегодня хороший день, и - самое время спеть песню, призывающую издалека моего Ламу, - сказал Кюнле.

Мой Лама, Лхадже Сенам Ринчен [Лхадже Сенам Ринчен - другое имя Гампопы],

Обрати на меня свой сочувственный взгляд!

Я обрёл это драгоценное человеческое тело в результате накопления заслуг в прошлых жизнях.

Лама, помни обо мне!

Поскольку всё, что я делаю, становится Дхармой, мне не нужно подавлять свои стремления.

Лама, помни обо мне!

*Поскольку мне и так приходит столько благ, сколько я пожелаю,
Мне не нужно поработать себя землепашеством.
Лама, помни обо мне! Поскольку я и так живу в удобных жилищах,
Мне не нужно ровнять землю и дробить камни для постройки дома.
Лама, помни обо мне!
Поскольку везде, где мне хорошо, - там моя родина,
То мне нет необходимости любить одни и не любить другие земли.
Лама, помни обо мне!
Поскольку я вижу свой собственный ум как Ламу,
Мне не нужно больше возносить молитв.
Лама, помни обо мне!
Поскольку я предоставляю все дела самим себе,
Кроме надеяния мне не к чему стремиться.
Лама, помни обо мне!
Поскольку в своём Взгляде я не впадаю в крайности,
Мне не надо придерживаться какого-то определённого философского
воззрения.
Лама, помни обо мне!
Поскольку моя медитация не предполагает сосредоточения на каком-то
объекте,
Мне нет необходимости бороться с сонливостью и отвлечением.
Лама, помни обо мне!
Поскольку мои действия спонтанны,
Я свободен от возможности совершить ошибку.
Лама, помни обо мне!
Поскольку Плод моих стремлений существует изначально,
Я свободен от страхов и ожиданий.
Лама, помни обо мне!
Поскольку я понял совершенные слова самайи,
Я свободен от соблюдения сложных предписаний Винайи.
Лама, помни обо мне!
Поскольку то, что со мной происходит, является результатом ранее
сделанных мной пожеланий,
Мне не нужно изощряться в чтении молитв благоприятствования по
каждому поводу.
Лама, помни обо мне!
Поскольку юные девушки всегда внимают моим наставлениям,
Мне не нужно препираться со старухами.
Лама, помни обо мне!
Поскольку я оставляю своих девушек прежде, чем они состарятся и
умрут,
Мне не нужно оплакивать их смерть.
Лама, помни обо мне!
Поскольку я сам себе казначей,
Мне не нужно отдавать свою свободу в руки других.
Лама, помни обо мне!
Лама, помни обо мне, занимающем более низкое положение, чем ламы,
полностью захваченные Восемью Мирскими Заботами [Восемь мирских
дхарм - удовольствие и боль, похвала и порицание, приобретение и
потеря, слава и позор].
Лама, взгляни на мой счастливый ум, который занят тем, что происходит,
и оставляет то, что не случается.*

Когда закончилась эта прекрасная песня, монахи и монахини поднесли ему чай и чанг, а некоторые даже лишились чувств от глубокой преданности. Чэнга Ринпоче тоже был очень доволен:

*- Налджорпа, ты признаёшь обманчивую сущность всех явлений,
Где бы ты ни остановился - это твой монастырь,
Где бы ни находился - это твоё отшельничество.
В своих странствиях по всей стране
Кого же ты нашёл заслуживающим большей похвалы?*

Лама отвечал:

*Я, вечно странствующий налджорпа, побывал в монастыре Кагью.
В этом монастыре Кагью у каждого монаха было в руке по кружке с чангом.*

Опасаясь стать пьяным кутилой, я остался сам по себе.

*Я, вечно странствующий налджорпа, заглянул в монастырь Сакья.
В том монастыре Сакья монахи были только заняты расщеплением различных философских доктрин.*

Опасаясь сбиться с истинного пути Дхармы, я остался сам по себе.

*Я, вечно странствующий налджорпа, заглянул в монастырь Ганден
[Ганден был первым и главным монастырём, основанным Цонгкапой. Он был известен суровой учебной и нравственной дисциплиной, что и дало название школе Гелугпа. Цонгкапа назвал монастырь Ганден, увидев его как отражение небес Тушита].*

В монастыре Ганден каждый монах искал себе друга.

Опасаясь потерять своё семя, я остался сам по себе.

Я, вечно странствующий налджорпа, заглянул в школу гомченгов.

В тех местах отшельничества все гомченгы в качестве йидамов выбирали любовниц.

Опасаясь стать отцом и главой семьи, я остался сам по себе.

Я, вечно странствующий налджорпа, посетил монастырь Ньингма.

В том монастыре Ньингма каждый монах хотел исполнять танец масок.

Опасаясь стать профессиональным танцором, я остался сам по себе.

Я, вечно странствующий налджорпа, посетил горные места отшельничества.

В тех горных уединённых местах монахи копили своё мирское имущество.

Опасаясь нарушить предписания своего Ламы, я остался сам по себе.

Я, вечно странствующий налджорпа, побывал на кладбищах и в глухих окрестностях.

В тех покинутых местах, помышляли практикующие Чёд [Практикующие ритуал Чёд (gsod yul pa) - тантрические Буддисты, выполняющие практику, в которой призываются легионы дакинь и духов, и им символически подносится собственное тело и тем самым ошибочная вера в "я". Чёд - коренное отсечение отождествления с "я"] только о собственной славе.

Опасаясь поклониться богам или демонам, я остался сам по себе.

Я, вечно странствующий налджорпа, навел группу паломников.

Те паломники хотели купить всё, на что бы ни пал их взгляд.

Опасаясь стать торговцем, жадным до наживы, я остался сам по себе.

Я, вечно странствующий налджорпа, побывал в месте медитационного уединения,

Где практикующие грелись на солнце.

Опасаясь изнежиться в безопасности маленькой хижины, я остался сам по себе.

Я, вечно странствующий налджорпа, сидел у ног Ламы- Воплощенца.

Его постоянной заботой были подносимые ему сокровища.

Опасаясь стать коллекционером или скрягой, я остался сам по себе.

Я, вечно странствующий налджорпа, остановился при свите ламы.

Они сделали ламу своим сборщиком налогов.

Опасаясь стать слугой учеников, я остался сам по себе.

Я, вечно странствующий налджорпа, заглянул в дом богача

Где рабы богатства плакались так,

Будто они были жителями ада.

Опасаясь переродиться госпожой голодных духов [Нёджин Апсара (gnod sruin ar sa ra), повелительница голодных духов и владычица богатства.

К такому перерождению приводит самадхи, в котором мотивирующей силой и предметом медитации является алчность], я остался сам по себе.

Я, вечно странствующий налджорпа, заглянул в дом бедных, простых людей,

Заложивших своё имущество и наследство.

Испугавшись стать позором своей семьи, я остался сам по себе.

Я, вечно странствующий налджорпа, посетил религиозный центр - Лхасу,

Где хозяйки постоялого двора надеялись на подарки и милость гостей.

Опасаясь стать льстецом, я остался сам по себе.

Я, вечно странствующий налджорпа, кочующий по всей стране,

Куда ни смотрел - находил лишь терзаемых корыстью.

Опасаясь думать лишь о себе самом,

Я остался сам по себе.

- То, что ты говоришь, - абсолютная правда, - согласился Чэнга Ринпоче.

Собравшиеся разошлись, каждый вернулся к своим обязанностям. А Лама продолжил свой путь в Джаюл.

В Джаюле Лама жил в доме правителя, дверь которого была всегда открыта для паломников и монахов; там он наслаждался щедрым гостеприимством в обществе нескольких учёных, гомченгов и монахов. Все сидели вместе, пили чанг и беседовали.

- Ты не носишь ни одеяний ламы, ни монаха, ни мудреца, - осуждал его пожилой учёный. - Ты ведёшь себя так, как тебе хочется в данный момент, а поэтому являешься плохим примером для обычных людей. Тебе надо найти себе постоянное пристанище и угомониться вместо того, чтобы беззаботно и бесцельно скитаться, как собака. Когда люди видят это, они перестают следовать религии. Зачем ты это делаешь?

- Если бы я был ламой, я стал бы рабом своих прислуживающих учеников и потерял бы свою независимость. Был бы я посвящённым монахом, я был бы обязан следовать правилам дисциплины, а кто может постоянно соблюдать все свои обеты. Если бы я был мудрецом, я должен был бы искать истинную природу ума, как если бы она не была явной! Подаю ли я хороший или плохой пример для обычных людей, это зависит в каждом случае целиком от степени их способностей. Кроме того, те, кто предназначен для ада, в любом случае туда попадут, пусть даже они станут подражать поведению Будды. Если же человеку всё-таки определено достичь состояния Будды, то одежда, которую носишь,

дела не меняет и, как бы себя ни вёл, это происходит без какого-либо твёрдого намерения, и его активность естественна и спонтанно чиста. А если стремиться к постоянному пристанищу или тяготеть к какой-то определённой материальной цели, то отклоняешься от Пути, потому что имущество и положение усиливают иллюзию "я" и "моё". Что же касается монахов, то опасность эмоциональной привязанности у них больше, чем у мирян, а именно тем больше, чем больше почестей им воздают и чем больше перед ними благоговейт. Хотя обычно при основании монастыря поначалу присутствует похвальное намерение предоставить начинающим спокойное место для медитации, тем не менее защищённость общины ведёт под конец к лености внутри и трениям снаружи, и священное общество становится воровским притоном, где каждый одержим эгоистическими целями.

Поражённые обличительной речью учёные согласились с ним, одобрили и поблагодарили, а затем спросили о том, кто является его йидамом и какие он принял на себя обязательства. Он ответил им песней:

*Если я и не могу обращаться искренне
К Трём Драгоценностям, защите обычных людей,
Я не нарушаю обязательство повторять трёхстрочную молитву
Прибежища [Трёхстрочная молитва Прибежища помогает открыться
Будде, Пути и Сообществу Практикующих].
Храните это обязательство в своём сердце, друзья!
Если я и не способен любить, меняя местами себя и других
С просветлённым настроением, породившим Будд Трёх Времен,
Я не нарушаю обязательство поступать не только для своей собственной
выгоды.
Храните это обязательство в своём сердце, друзья!
Если я и не выполняю должным образом практики Йидама, наделяющего
обычными и высшими совершенствами.
Я не нарушаю обязательство не произносить злобных заклинаний!
Храните это обязательство в своём сердце, друзья!
Если я и не радую подношениями ритуальных пирожных и цог-пуджами
Защитников, устраняющих врагов,
Я не нарушаю обязательство не обходиться со своим врагом, как с
собакой.
Храните это обязательство в своём сердце, друзья!
Если я и не овладел беспристрастной медитацией, лишённой объекта,
Основанной на совершенно чистом Взгляде,
Я не нарушаю обязательство не воспринимать вещи как реальные и
наделённые неизменными признаками.
Храните это обязательство в своём сердце, друзья!
Если у меня и не получается добиться возникновения ручья постижения
В чистой, подобной ясному свету пространства практике,
Я не нарушаю обязательство не сокращать свою практику.
Храните это обязательство в своём сердце, друзья!
Если я и не могу упорядочить свои действия,
Которые подобает или не подобает делать в соответствии со временем
суток,
Я не нарушаю обязательство никем не притворяться ни наедине с самим
собой, ни перед другими.
Храните это обязательство в своём сердце, друзья!
Если я и не могу понять, что Плод полного очищения и постижения*

*Уже сейчас находится во мне самом,
Я не нарушаю обязательство не ожидать, что обрету его в будущем.
Храните это обязательство в своём сердце, друзья!
Пусть я не могу удержать ум в непринуждённом состоянии надеяния,
Переживающим святую истину, которую невозможно выразить ни
словами, ни мыслями,
Я не нарушаю обязательство не цепляться за придуманные самим же
умом характеристики.
Храните это обязательство в своём сердце, друзья!*

Все собравшиеся были глубоко тронуты его словами и с глубоким почтением сложили руки у сердца. Затем, исходя из различных способностей и потребностей своих слушателей, Друкпа Кюнле излагал дальнейшие поучения, давая разъяснения там, где это было необходимо.

Владыка Дхармы, Защитник Живых Существ Кюнга Легпа продолжал своё странствие в Цари; но дороге он встретил Святого Безумца из Цанга, Сангье Ценчена, и Святого Безумца из У, Кюngu Зангпо [*Сангье Ценчен (1452- 1507), составитель "Жизнеописания Миларепы", и Кюнга Зангпо (1458- 1532) наравне с Друкпой Кюнле почитаются как высшие воплощения, пришедшие в этот мир, чтобы учить посредством сумасшедшей мудрости*]. Они сразу же поняли друг друга и вместе продолжили путь к вратам Цари. Там они решили оставить после себя несколько благоприятных знаков для вдохновения будущих поколений. Святой Безумец из Цанга оставил в скале ясный след своей ступни, а Снятой Безумец из У сделал то же, вдавив свою ладонь в камень, как если бы тот был глиной.

- Если вы считаете, что таким образом нужно демонстрировать знаки своего совершенства, то такие знаки есть и у моего пса, - поддразнил их Кюнле, схватив лапу своей собаки и впечатав её в скалу.

Говорят, что эти три отпечатка сохранились там и по сей день. Трое Херук [*Херуки - те, кто, совершенствовав фазы развития и завершения в медитации на определенный Будда- аспект, приобрели идентичную с ним мощь и осознание*] выразили друг другу глубокое почтение и восхище

ние показами различных чудесных сил. Перед расставанием они за одно мгновение обошли место поклонения у его основания, средней и верхней части.

Затем Лама осведомился у местных жителей о девушке из Дагпо по имени Гаякмо. Ему сказали, что путь к пещере, в которой она уединилась год тому назад, перегородил снежный обвал, и, поскольку она взяла с собой только три кружки цампы, она, должно быть, уже давно умерла. Лама исполнил ритуал подношения богам и защитникам, и когда после этого дорога освободилась, он отправился на поиски девушки. В конце концов он нашел её - в глубочайшем погружении, с пристально направленным вперёд взглядом.

- О Гаякмо! - воскликнул он. - Как жизнь?

Она сразу же ему ответила:

*Я принимаю Прибежище в тебе, добрый Лама,
Чьё учение так глубоко!
Я, монахиня, непрерывно сижу в медитации,
Чтобы достичь состояния Будды в этой жизни, -
Возможно это или нет?*

Лама остался с ней на три дня, дав ей дальнейшие указания по практике. Говорят, что вскоре после его ухода она осуществила Тело Ясного Света.

Вернувшись в Джаул, Друкпа Кюнле застал там компанию кочевников из Бутана, живущих в небольших палатках. Они пили чанг и пели песни на крыше крепости Джаул во время ритуала подношения. С ними веселился также и наместник Чёгьял Лингпа. Кюнле присоединился к ним, и его потчевали чангом, сколько ему хотелось. Позже в ответ на просьбу исполнить песнь о счастье налджорпы, он спел следующее:

*Я счастлив, что я не обычный, занятый ритуалами Лама,
Который, накапливая подношения за посвящения.
Не имеет времени практиковать Совершенную Дхарму.
Я счастлив, что я не монах в монастыре,
Который, страстно желая юных послушников,
Не имеет времени на изучение сутр и тантр. Я счастлив, что я не
отшельник в горном отшельничестве,
Который, будучи очарованным улыбками монахинь,
Не имеет времени на размышление о трёх обетах.
Я счастлив, что я не чёрный маг,
Который, отнимая у других жизни,
Не имеет времени развивать Просветлённый Настрой.
Я счастлив, что я не известен как практикующий Чёд,
Который, отдавая богам и духам своё тело,
Не имеет времени пресечь корень запутанности.
Я счастлив, что я не обременён семьёй
И не озабочен только тем, чтобы вкладывать пищу в голодные рты,
Не имея времени бродить по разным приятным местам.*

После, попивая чанг, он провёл несколько дней у монахини Йеше Цомо. А затем пошёл дальше, в Лходрак.

Придя и Лходрак, он встретился с мастером Тагрпой.

- Я бы с удовольствием спел в твою честь хвалебный гимн, - сказал ему Мастер, - но не знаю, как начать; будь добр, спой песню в свою честь сам, вместо меня.

- У меня нет качеств, достойных восхваления, - отвечал Лама, - но я всё равно спою тебе песню.

*Нерушимый Танцор в хороводе иллюзий
Проявляющий несовместимое многообразие всего, что можно
представить,
Могущественный владыка, вращающий колесо блаженства и пустоты,
Мужественный герой, понявший, что Самсара и Нирвана являются
обманом,*

*Сотрясаемый рвотой от отвращения к привязанностям,
Маленький дордже, пронзающий иллюзии других.
Плут и мошенник, сокращающий время самсары,
С лёгкостью считающий своей родиной любое место, где хорошо,
Счастливый путник, понявший, что его ум является Ламой,
И с неистовством осознающий все проявления как принадлежащие этому
уму.*

*Видящий, как в силу Взаимозависимого Происхождения единое
проявляется в многообразии явлений,
Налджорпа, понявший, что всё многообразие имеет единый вкус.
Вот некоторые из масок, которые я ношу.*

Вслед за этим Друкпа Кюнле посетил долину Дроволунг, родину Марпы Лоцавы, откуда берёт начало традиция Кагью; Сэканг Чутхогма, десятиэтажную башню, построенную Миларепой; пещеру в Таньялунгпа и другие места. Затем, спустившись с горного перевала Карчу в Бумтханг [Бумтханг - древнее поселение вокруг крепости в центральном Бутане, расположенное на равнине (*thang*), по форме напоминающей пазу (*bum*)], он пришёл в Бутан [Бутан возник как отдельная политическая единица только в XIX веке. Мён (лишенный Дхармы) - тибетское название земель к югу от Гималаев, от страны шерпов до Нагалэнда. Лхо Мён (южный Мён, переводимый здесь как Бутан), Лхо Ронг (южные долины) - различные названия той области, по которой странствовал Друкпа Кюнле; сами бутанцы называли ее Друк Юл, Земля Драконьего Народа]. В Бумтханге Второй Будда, Падмасамбхава из Оргьена, оставил отпечаток на скале, где он сидел в медитации, и когда Друкпа был там, он строил глазки девушкам.

- Налджорпа из Тибета пришёл к нам, - шептались девушки. - Давайте принесём ему чанг и сольёмся с ним умом и телом.

Пока Лама был занят тем, что пел и пил в кругу девушек, о нём прослышал царь рода Мен Джагкар Гьялпо царской династии железной крепости Мен и попытался отравить, однако безуспешно. Тогда он приказал обстрелять Ламу ядовитыми стрелами, но они в него не попадали. Лишь после этой второй попытки царю стало ясно, что Друкпа Кюнле - Мастер, и он оказал ему должное глубочайшее почтение. Посчитан это событие благоприятным, Лама велел построить небольшой храм, Мёнсиб Лхаканг, назначил одного ламу распространять Учение и посвятил в сан тридцать монахов. Это было началом распространения традиции Друкпа Кагью и восточных пограничных областях.

Друкпа Кюнле лишал девственности бутанских девушек [До недавнего времени в некоторых областях Индии существовал обычай, по которому молодые девушки проводили несколько "небесных брачных ночей" в храме, чтобы к ним "снизошли боги"; в Тибете и окрестных областях странствующие налджорпы учили девушек основам сексуальности], и говорят, что с тех пор никто не сравнится с бутанками по нежности кожи и способности таскать тяжёлую поклажу. В соответствии с различными способностями понимания и силой доверия, он учил женщин и мужчин карме и наставлял повторять мантры МАНИ и ГУРУ СИДДХИ.

В объяснение своего поведения он говорил им: - Я не пришёл сюда соблазнять бутанских девушек, из-за того что мне некуда деть свою

сексуальную энергию. Вовсе нет. Дело в том, что, хотя у меня и нет знаков постижения, мне нужно было показать вам то небольшое, что я умею. Поэтому, даже если это и не пошло на пользу живым существам, то создало знаменательную связь. И также я странствую повсюду не для того, чтобы выпрашивать одежду и пропитание, - ведь, как вы видели, я отказывался от всех подношений. Даже если бы вы принесли мне столько перца [Стручковый перец (*gyer ta*) ценился на вес золота в областях, где приправы являлись большой роскошью], сколько может унести человек, у меня не нашлось бы ему применения.

Люди были его объяснениями довольны.

Отправившись к тертону [Тертон (*gter ston*) - досл. "Указующий Сокровища": особый лама, способный находить и расшифровывать поучения, скрытые мастерами прошлого до подходящих времен. Большинство из этих поучений принадлежит к традиции Ньингма и связано с практиками Великого Совершенства] - Владыке Дхармы из Бумтханга [Тертон Оргьен Пема Лингпа (1445- 1521) был излучением Великого Гуру Падмасамбхавы; в предыдущей жизни он был Лонгченом Рабджампой, четвёртым из пяти "нашедших сокровища". Он получил 108 тайных откровений от самого Великого Гуру, написанных на языке дакинъ], Лама нашёл его наконец-то на рыночной площади, где тот с высокого трона давал наставления. Собрав невдалеке вокруг себя нескольких ребяташек, Друкпа Кюнле взобрался на большой валун и стал передразнивать поэта.

- Я здесь для того, чтобы толковать верное видение, медитацию и естественную активность Великого Совершенства, - провозгласил поэт, заметив Кюнле. - Что ты тут делаешь, нищий?

Лама запел песнь о верном видении и медитации человека, практикующего Дзогчен, Великое Совершенство [Великое Совершенство (*rdzogs chen*) - один из наибо́льших путей к состоянию Будды; практикующий непосредственно вводится в центр мандалы, где с поддержкой связи сама́я постигает свой собственный ум как универсальную мандалу Пустотности Эта практика - высшая из шести тантрических "колесниц" Ньингмапы (Крийя, Чарья, Йога, Маха- Йога, Ану и Ати), - Ати- Йога. По глубине опыта и важной роли Гуру соответствует практике Махамудры, Великой Печати, в традиции Кагью].

Хотя снежная гора Тизе [Гора Тизе - Кайлаш; гора в западном Тибете, которую считают осью земли, горой Меру как буддистская, так и индуистская Азия; для индуистов это обитель Шивы и Парвати, а для буддистов - Чистая Страна Чакрасамвары] высока,
Ей всё же приходится хвалиться снежными львами с бирюзовой гривой.
Хотя взгляд Дзогчена высок,
Практикующий должен сам увидеть истинную природу ума.
Хотя дно океана глубоко,
Даже рыбам приходится учиться плавать.
Хотя смысл сутр глубок,
Только медитируя можно понять медитацию.
Хотя есть много тантрических спутниц, способных открыть тайные поучения,
Многие благородные питают страсть к обычным жёнам.

*Хотя правила дисциплины Винайи поддерживают верное поведение, -
Наставления тантр, объемлющие всю суть, имеют большее значение.*

В ответ поэт спел:

*Отсутствие видения чего-то конкретного, называемое Взглядом,
Направлено за пределы крайностей существования и несуществования,
Поэтому что же там можно увидеть?*

*Но если всё-таки что-то видно, то это уже не Взгляд.
То необычайно глубокое, что называется Медитацией,
Свободно как от наличия объекта, так и от его отсутствия.*

*Ведь если объекта нет, то не на что медитировать,
А если объект есть, то уже нет никакой медитации.
Принятие хорошего и отвержение плохого, называемое Поведением,
Не сводится ни к реалистической избирательности, ни к полному
бездействию.*

*Ведь если есть принятие и отвержение, то это уже не Поведение,
А если нет принятия и отвержения, то как же различать хорошее и
плохое?*

Лама ответил таким стихом:

*Этим Взглядом великой Равности
Можно узреть Великое Сострадание.
Эта Медитация, не содержащая ни заблуждений, ни насилия над собой,
Позволяет покоиться, погрузившись в своё изначальное состояние.
Этим Поведением, согласующимся со всеми периодами суток,
Не делается предпочтения хорошим условиям перед плохими.*

*Держатель Дордже, Дордже Чанг или Дордже Дзинпа (тиб.),
Ваджрадхара (санскр.)*

Поэт был восхищён и снял свой головной убор: - Ты действительно необычный малый, - сказал он, - не скажешь ли ты мне, кто твой Лама, какие учения ты изучал и какие практики ты выполняешь?

Лама ответил так:

Ахо Нга Его!

Я встретил благородного монаха, ставшего моим Ламой,

И попросил его о поучениях дисциплины Хинаяны.

Практикуясь в совершении добра и отказе от плохого,

Я накопил хорошую карму чистого поведения.

Я встретил благородного бодхисаттву, ставшего моим Ламой

И попросил его о поучениях Махаяны - развитии Бодхичитты.

Практикуясь в том, что я менее важен, чем другие,

Я заслужил хорошую карму Просветлённого Настроя.

Я встретил Держателя Дордже [Держатель Дордже, Дордже Чанг или

Дордже Дзинпа (тиб.), Ваджрадхара (санскр.) - олицетворение

неразрушимого состояния просветленного ума Ламы], который стал моим Ламой,

И попросил его дать мне Четыре Посвящения.

Практикуясь в медитации, в которой фазы Развития и Завершения [Две

фазы, всегда присутствующие в медитациях Ваджраяны - Алмазного Пути] неразрывны,

Я заслужил хорошую карму, и мир с его обитателями преобразился, в Чистую Страну.

Я встретил всеобъемлющее Великое Блаженство, которое стало моим Ламой,

И попросил его показать мне изначальную сущность ума.

Практикуясь в удерживании состояния, в котором не вмешиваешься во всё, что бы ни происходило,

Я заслужил хорошую карму опыта безграничного свободного пространства.

Я встретил различные писания, которые стали моим Ламой,

И попросил их научить меня всему, чему они могли научить.

Практикуясь в соединении всего этого в одно,

Я заслужил хорошую карму воспринимать чистоту всех явлений.

- Ты - налджорпа, постигший сущность пустоты, - превознёс его поэт. -

Из какой семьи ты родом, как твоё имя и к какой линии преемственности ты принадлежишь?

Лама отвечал:

Моя линия передачи и линия посвящений идёт от Цангпы Гьяре [Цангпа Гьяре - основатель Линии Средняя Друкпа Кагью, к которой принадлежал Друкпа Кюнле].

Эта линия передаётся теми, кто достиг постижения Махамудры.

Зовут меня - безумный Друкпа Кюнга Легпа.

Я не нищий, выпрашивающий пропитание и одежду,

Но - отрёкшийся от своего дома и семьи,

Чтобы отправиться в паломничество,

Которое никогда не закончится.

Тертон предложил ему свое гостеприимство, угостив его наилучшим образом; Лама остановился у него на несколько дней, и они провели время и разговорах о Дхарме.

Затем Друкпа Кюнле покинул Бумтханг и через Лходрак вернулся в Тибет. Придя в провинцию Ямдрок, он сделал остановку в

Гадре, где пил чанг и беседовал с гадравами, когда несколько сильных и искусных и стрельбе из лука мужчин вызвали его на состязание.

- На что ставим? - спросил налджорпа.

- Твоя лошадь и одежда против нашей добычи, - предложили гадравы, предвкушая лёгкую победу над слабым нищим.

Лама принял их предложение. Гадравы выпустили стрелы, но трижды промахнулись и проиграли состязание. Тогда они принесли Ламе мясо и пиво, говоря, что это его выигрыш.

- Давайте придерживаться нашего первоначального уговора, - сказал им в ответ Лама. - Вы не можете просто так взять и поменять ставку после состязания.

- Ну хорошо, тогда рыба в реке - твоя, - сказали они ему. - Это и есть наша добыча.

- Ях! Ях! - отвечал Лама с довольным видом, тотчас же принявшись писать послание.

*Ом! По повелению Владыки Смерти!
А! С позволения нерождённого пространства!
Хунг! Силой самой Истинной Реальности
От Друкпы Кюнле королеве змей Цомо Гьялмо*

Победив гадрав в состязании по стрельбе из лука, я выиграл рыб в реке. Посему не позволяй с сегодняшнего дня ни одной рыбе всплывать к поверхности, начиная с тех, что велики как овца, и кончая теми, что малы как игла. Вплоть до отмены сего, прошу тебя выполнять это поручение.

Отослано из Дворца Неизмеримого Ясного Света, седьмого дня пятого месяца года собаки.

Он бросил это послание в реку, и вскоре после этого в реке нельзя было увидеть ни одной рыбёшки.

Спустя месяц к нему с подарками пришли страдающие с тех пор от голода гадравы:

- Ты бодхисаттва, думающий о благе всех живых существ, драгоценный Владыка Дхармы, - зывали они к нему. - Пожалуйста, не дай нам умереть от голода.

- Теперь я попал в переплёт, - ответил Лама. - Я напишу Яме, Владыке Смерти, чтобы он разрешил это дело.

И он составил такое письмо:

С глубоким почтением кланяюсь в ноги Владыке, Правителю Кармы, которому всеприсутствующим Буддой дано право взвешивать плохие и хорошие поступки. С великой радостью слышал о том, с какой большой

точностью ты судишь о проступках и добрых делах. Я был бы благодарен услышать твоё мнение о следующей проблеме: месяц тому назад в состязании по стрельбе из лука я выиграл рыбу гадравов; теперь им грозит опасность умереть от голода, и они умоляют меня выпустить их рыб на свободу. Будет ли лучше спасти жизнь рыб или накормить гадравов? Пожалуйста, дай мне знать, как ты оцениваешь положение.

Отослано Друкпой Кюнле из Дрампаганга, человеческого мира.

Письмо было отправлено, и тут же пришёл ответ:

Я получил письмо Друкпы Кюнле и, тщательно взвесив это дело, пришёл к следующему выводу. Все существа должны сами претерпевать последствия своих поступков. Рыбы эти пожинают сейчас плоды своей прошлой кармы, и мало что можно сделать, чтобы их спасти. К несчастью, они не родились в озере Ямдрокцо, но до тех пор, пока их карма не исчерпается, им придётся сохранить свои рыбы тела. Кроме того, гадравы наверняка станут убивать птиц и иных животных, если не смогут ловить рыб. Итак, лучше, если они будут есть рыбу. Однако им не следует бросать живых рыб на песок, чтобы они там умирали: им следует сокращать их страдания, перерезая рыбам нервы за жабрами.

Отослано со двора Ямы, из города Железный Череп.

Получив такое извещение, Лама написал Цомо Гьялмо, Повелительнице Змей:

Ссылаясь на моё последнее послание, в котором говорилось о свободе рыб в реке, хочу теперь сообщить тебе, что я спросил Яму о совете по этому вопросу. Его ответом было распоряжение освободить рыб. Посему настоящим объявляю моё прежнее поручение недействительным и прошу тебя предоставить рыбам свободный доступ к поверхности.

Лама отослал письмо, и вскоре после этого рыба вновь появилась в реке.

Глава шестая

О том, как Друкпа Кюнле подчинил злых духов Бутана и направил на Путь Освобождения стариков этой страны.

***С преданностью простираемся перед величием Кюнга Легпы, Налджорпы, одним махом лишаящего жизни все без исключения заблуждения
Относительно разделения на субъект и объект,
Пронзая стрелой недвойственности самое сердце двойственного восприятия.***

Придя в Нангкаце, что в провинции Ямдрок, Владыка Дхармы, Защитник Живых Существ Друкпа Кюнга Легпа остановился в доме трактирщицы Семзангмо, где ему приснился сон. Ему снилось, что женщина в жёлтых одеждах, держа объятый пламенем меч, говорила ему: "Друкпа Кюнле,

настало время отправиться в Бутан, чтобы исполнилось предсказание о связи жителей Бутана с твоей активностью и о чудесном очищении этой страны. В Бутане ты зачнёшь род, который в будущем принесет большую пользу традиции Друкпа. Завтра утром в предвестие твоего прихода ты должен пустить стрелу на юг". Сказав так, она исчезла, и Кюнле проснулся. Лама увидел и этом откровение Богини Дыма [Дюсел Лхамо (тиб.), Дхумапати Дэви (санскр.) является формой Защитницы Палден Лхамо], и на рассвете следующего дня он натянул лук и выпустил гудящую стрелу в южное небо со словами: "Лети на юг, движимая моей силой! Будь Учению и всем существам живым на благо и опустишь на дом счастливой девушки, избранной небом".

От звука стрелы Друкпы Кюнле вся земля Ямдрок содрогнулась.

- Отчего это зимой вдруг гремит гром? - дивились люди [Зима в Бутане - сухое время года].

- Это звук от стрелы Друкпы Кюнле! - кричали дети.

Приземлилась стрела в Драмокма, округе Тёпа Лунг в Бутане, на крышу дома зажиточного и благочестивого Тёпы Цеванга. Семья выбежала из дома, подумав, что произошло землетрясение, и только обнаружив ещё дрожащую стрелу на фронте крыши, они поняли, что сотрясало весь дом. Предчувствие охватило молодую жену Цеванга.

- Не беспокойся напрасно, - сказал Цеванг, - этот знак предвещает нам рождение сына. Вымой руки и отнеси стрелу в дом. - Девушка обернула стрелу в шёлк, принесла в алтарную комнату и положила на алтарь.

Тем временем Друкпа Кюнле в поисках своей стрелы спустился с Нангкаце, пересёк горный перевал Пхагри Тремо Ла [Пхагри Тремо Ла (*phag ri spral mo la*) - перевал, соединяющий. Лходраг (*lho brag*) в Тибете с долиной Паро (*spra gro*) в Бутане] и сошёл в южные долины, воистину являющиеся обетованным местом для людей. Невдалеке от горы Воде, что между Пхагри и Паро, ему повстречались несколько путешественников, расположившихся лагерем у горы. На вопрос, можно ли ему присоединиться к ним, они указали на место у входа в пещеру. Перед тем как лечь спать, он услышал их бормотание: "Будь благосклонен к нам, владыка демон Водё!"

Перед тем как отойти ко сну, Лама произнёс: "Да будет благосклонно моё "это"!"

Посреди ночи его сон прервал свирепый демон с развевающимися по ветру волосами.

- Что же за "это" такое, к чьей благосклонности ты взывал?! - набросился он на Кюнле. - Покажи же мне его!

- А вот оно! - ответил Лама, показывая демону свой твёрдый как сталь член.

- О! Голова как яйцо, сам как рыба, а низ - как свиное рыло, - воскликнул демон, - что же это за диковинный зверь?

- Это я тебе сейчас покажу, - крикнул Кюнле, направил свой Пламенный Алмаз Мудрости на демона и с такой силой ткнул им тому в морду, что выбил ему все зубы.

Демон обратился было в бегство, однако затем вернулся в миролюбивом состоянии духа. Лама изложил ему Учение и, взяв с него связывающие обещания, обязал демона служить Буддам. С тех пор демон Воде больше никогда не причинял вреда путешественникам [*Демоны, мужские (bdud ro) и женские (bdud mo), в народном сознании также, как и в средневековой Европе, считаются внешними, самостоятельными сущностями; но в высших поучениях лам они рассматриваются как проекции гневных или страстных аспектов коллективного сознания, отчуждённые силы, которые требуется интегрировать в мандалу; или общественные психозы, которые можно вылечить или трансформировать. Как Великий Гуру Падмасамбхава подчинил демонов Тибета и интегрировал их в мандалу в роли гневных защитников, действующих на благо Учения, так и Друкпа Кюнле своим бесстрашным и совершенным осознанием обратил демонов Бутана*].

Ниже Шингкхараба (в направлении Паро) Лама отыскал то место, где, как он знал, обитала демоница, пожирающая человеческое мясо. Он подождал под деревом, и наконец она приблизилась к нему под видом прекрасной женщины.

- Откуда ты? - спросила она.

- Из Тибета, - ответил ей Лама. - А ты? Где твой дом, и что ты тут делаешь?

- Я живу на перевале и спускаюсь в долину в поисках пищи и одежды.

- Чем ты питаешься и какие платья ты носишь? - продолжал спрашивать Лама.

- Я ем человеческое мясо и одеваюсь в человеческую кожу, - ответила она угрожающе.

- Тогда накинь это! - сказал Лама, растянул в длину свою крайнюю плоть и обернул в неё девушку.

- Пусть в будущем ты не сможешь пошевелиться, не промокнув до костей от дождя летом и не заочнев от холода зимой.

Так демоница, вследствие благословения Ламы, наложившего на неё такой заговор, не могла больше причинить никакого вреда людям.

Пока Лама спускался с Чхуюл в восточный округ Паро, слава о нём обогнала его как блеск предрассветных сумерек возвещает о восходе солнца. По пути он встретил старуху, которой было как минимум лет сто. Она обходила ступу, бормотала мантру Мани и молила о благословении Ламы.

- Какому Ламе ты молишься? - спросил её Кюнле.

- Друкпе Кюнле, - ответила она.

- Видела ли ты его хоть раз?

- Нет, я его никогда не видела, но с тех пор, как я услышала о нём несколько историй, я очень ему доверяю, - ответила старуха.

- Что бы ты сделала, если б он сейчас стоял перед тобой?

- Я старая женщина, и тело моё немощно, так что его я не могла бы поднести ему. Но у меня дома есть чанг и нища, их бы я ему и поднесла, - сказала она. - Но вряд ли мне выпадет на долю большее счастье, чем услышать его имя.

Лама открылся ей, и она расплакалась от радости и коснулась лбом его стоп.

- В этой жизни и в последующих я принимаю в тебе Прибежище! - повторяла она снова и снова.

Затем она провела его к себе в дом и дала семь мер чанга, которые у неё были готовы.

Пока он пил, она спросила, нельзя ли ей позвать своих соседок, таких же старых вдов, как и она, чтобы они могли выразить ему своё почтение. Лама согласился, и чуть позже пришли старухи, каждая с кружкой чанга в качестве подношения Ламе.

Спустя некоторое время, изрядно опьянев, он подозвал хозяйку дома:

- Насколько сильно ты в действительности мне доверяешь? - спросил он её.

- Доверие моё безгранично, - услышал он в ответ, - если хочешь мою жизнь, - возьми её!

- Ты действительно отдала бы мне свою жизнь? - спросил Лама с особым упором.

- Я всё сделаю для тебя! - утверждала старуха. Зная, что её срок пришёл и что посланники Владыки Смерти заберут её не позднее как этой ночью, Друкпа Кюнле распорядился:

- Если ты готова к смерти, подними руки и покажи мне свои рёбра.

Она сделала, что ей было велено, а Лама выхватил стрелу и лук и выстрелил. Увидев, как стрела пронзила её насквозь, старухи заорали:

- Убийца! Убийца! Бежим! Бежим! - и разбежались во все стороны.

Позже собралась толпа соседей, и они стояли, растерянные и безмолвные. Один из них принялся ругать Ламу:

- Ты - подлый дикарь из Тибета! Убийца! Зачем ты убил эту безобидную старуху?

Остальные плакали и причитали.

- Он мой Лама, которому я безгранично доверяю, - прошептала лежащая на полу старуха. - Он - мой лучший друг. Не считайте его врагом!

И сказав так, она умерла.

Лама отнёс её тело в кладовку и положил на лавку; затем он опечатал дверь, наказав людям присматривать за тем, чтобы она оставалась запёрта в течении семи дней, до тех пор, пока он не вернётся.

Однако через шесть дней домой вернулся сын старухи, и ему рассказали, как его мать приняла какого-то нищего из Тибета за Друкпу Кюнле и как тот, напившись, убил её и запёр её тело в кладовке.

- Ах эти подлые тибетцы! - негодовал сын. - Они приходят сюда, требуя нашего гостеприимства, убивают своих благодетелей, и к тому же ещё запирают трупы их жертв, чтобы те гнили!

Однако стоило ему изломать дверь, как оттуда, к его удивлению, распространился приятный аромат, а мёртвое тело вплоть до большого пальца правой ноги превратилось в радужный свет. В этот момент вернулся Лама:

- А кха кха! Открыли дверь прежде срока, и из- за этого остался палец! - сказал он.

Несчастный сын онемел от неожиданности, а когда снова пришёл в себя, преисполнившись доверия, принялся благодарить Ламу.

- Благодарен ты или нет - это не важно, - сказал ему Лама. - Гораздо важнее то, что твоя мать находится теперь в Чистой Стране Будд.

Спустившись с долины Паро и шествуя в направлении индийской равнины, Лама проходил мимо дома, где справлялись поминки по старой женщине по имени Акьи. Родственники умершей заметили его, когда он проходил мимо, и пригласили выпить с ними.

- Приятно попить чанг в это жаркое время года, - сказал он и, не сходя с места, принялся запрокидывать кружку за кружкой. Когда он был совершенно пьян, ему сказали:

- Ты всё- таки святой человек, верно? После того, как ты теперь выпил так много чанга, ты определённо мог бы отнести труп на кладбище.

- Вы негодяи! - выругался он. - Я же всё- таки не какой-то нищий, что берётся за самую низкую работу. Разве вы не знаете пословицы: "Хоть и наелся досыта, я не потащу трупа, хоть и счастлив, не стану мять глину [*Глину утаптывают или бьют молотильным цепом до состояния, пригодного для строительных целей*] ".

- Прости, - ответили они, - ты совершенно нрав. Но для старухи было бы большим счастьем, если бы ты помог ей в бардо [*Бардо - промежуточное временное пространство между смертью и Перерождением, между одной мыслью и последующей; в течение этого времени возможно достичь освобождения из круговорота перерождений*].

- Ях! Ях! - сказал Лама. - Коли так, я позабочусь об этом. Ну, где кладбище?

Они показали в сторону верхнего края долины.

- Дайте мне палку, - велел он.

Взяв палку, он стал ритмично ударять по трупу, приговаривая:

*Не спи, старуха! Очнись! Очнись!
Поднимись из грязи самсары.
Ты бесцельно пришла в этот мир
И оставляешь его так же бессмысленно.
Не зная, куда тянет ум,
Пало твоё тело перед сыновьями.
И всё же, несмотря на них,
Утебя не нашлось того, кто бы отнёс твоё мёртвое тело.
Ты лишилась любимых платьев,
Прикрывавших когда-то твой срам.
Из твоего тела вытекают тошнотворные жидкости.
Не лежи тут, старуха! Иди дальше!
Вступи на путь Освобождения!*

И труп поднялся и, скрючившись и сгорбившись, пошёл перед Ламой, следовавшим за ним со своей палкой. Доковыляв до кладбища, труп сложил руки у сердца и поблагодарил Ламу за то, что тот указал ему путь к Освобождению. А затем лёг на землю, ожидая сожжения.

- Это правда, - сказал Лама родственником покойной старухи, - я выгнал её из самсары. Теперь сожгите труп!

Присутствующие на похоронах попросили его задержаться у них ещё ненадолго, чтобы они смогли выразить ему своё почтение.

Они принесли свиную голову, которую считали изысканным кушаньем, и спросили, не сварить ли её для него. Друкпа Кюнле велел поставить голову свиньи перед ним и, показывая на неё пальцем, запел:

*Ты, мёртвая свинья в подвале
Без хвоста и головы, покрытая щетиной,
И эта голова с рылом как пенис осла,
Вставай и иди,
Последовать за старухой время настало!*

Говорят, что все видели, как свиная голова растворилась в свете и но спирали исчезла в западном направлении. Не съев ничего из приготовленных блюд, Лама пошёл дальше.

В Гангтакха, неподалеку от храма Кыху в Паро, лама из Гангтакха, которого звали Цеванг, попросил Друкпу Кюнле освятить его новый дом и благословить его благо сулящим предсказанием. Лама выразил своё пророчество таким стихом:

*Поскольку дверь массивна, как гора,
Дом будет благословлён прочностью.
Поскольку сводом соединены опоры,
Дом будет благословлён богатством.
Поскольку на потолке прямые балки,
Дом будет благословлён справедливостью.
Поскольку крыша крыта сланцем,
Дом будет благословлён надёжностью.*

И добавил: - Этот дом будет благословлён многими жителями и многими трупами.

- А кха кха! - застонали они. - Не говори так!

- Хорошо, тогда пусть он будет благословлён немногими жителями и немногими трупами, - поправился Лама.

По этому последнему предсказанию, тот род угас, и сегодня этот дом стоит пустой и разрушенный.

Вслед за этим Лама Кюнга Легпа решил покорить демона из Ванг Гомсаркха, округа Тхимпху, который угрожал искоренить население всей округи. Из недостижимого укрытия высоко в долине, это змееподобное отродье приводило в ужас людей, живших на уступе у реки; каждую ночь он утаскивал одного из них и пожирал его, пока там не осталась в живых одна- единственная старуха.

Придя в то место, где поселился змей, Кюнле лёг на землю, подложил под голову вместо подушки стрелу и лук и свой длинный меч, поставил рядом с собой полный горшок цампы, улёгся на спину, втянул живот, вымазал задницу цампой и выправил свой член. В такой позе он стал дожидаться змея, который не заставил себя долго ждать:

- Адзи! Адзи! - удивился змей. - Это что такое? Ничего подобного я ещё не видывал! Но, может, это съедобно?

Он кликнул спую свиту природных духов, которые тотчас же столпились вокруг немислимым числом, - как мухи, слетевшиеся на кусок загнивающего мяса. Одни посчитали тело безжизненным, другие думали, что оно ещё живо.

- Лучше бы нам его не жрать, пока мы не узнаем, что это такое, - рассудил демон верхней части долины. - Тело тёплое - значит, мёртвым быть не может; не дышит - значит, не живое; в горшке цампа - значит, умерло не от голода; живот пустой - значит, не от обжорства; под головой у него оружие - значит, умерло не от страха; член его ещё тверд - значит, ещё недавно было в живых; в заднице у него черви - значит, умерло не сегодня. Что бы это ни было, оно не пойдёт нам на пользу. Лучше оставим его в покое.

- Как бы мы ни решили, - сказал змей, - мы в любом случае сожрём сегодня старуху. Значит, встречаемся при наступлении ночи перед её дверью.

Договорившись, они разошлись.

Лама поднялся и направился напрямиком к дому старухи,

- Как дела, старая? - приветствовал он её.

- Хорошо, что ты пришёл, я, знаешь ли, в полнейшем отчаянии.

- Что случилось? Расскажи мне, - участливо спросил Лама.

- Когда-то я была очень богата, - начала она, - но поскольку ни Будда, ни Мастер ни разу не ступали по этой бедной глухой земле, здесь расплодилось духи и пережрали всё население вместе со скотиной. Я и не надеюсь, что доживу до утра. Ты святой человек, и тебе незачем здесь оставаться. Уходи, пока ещё можешь, иначе тебя сожрут заживо. Завтра, когда меня здесь больше не будет,, ты можешь забрать себе всё, что в доме есть ценного, или раздать бедным. - Таковым было её последнее желание.

- Не бойся, - успокоил её Лама, - я останусь ночевать здесь. У тебя есть в доме чанг?

- Было малость, да низшие боги и духи украли жидкость, - отвечала она.

- Не знаю, остался ли какой вкус в зернах.

- Принеси, мне этого хватит, - сказал он.

Он пил, пока не стемнело и перед дверью собрались демоны. Когда они начали колотить в дверь, старуха вскрикнула от ужаса.

- Ты останешься здесь, наверху, - велел ей Лама. - Я позабочусь обо всём.

Лама посмотрел в дверную скважину, величиной с кулак, и натолкнулся взглядом прямо на красную пасть змея.

- Если тебе хочется что-то сожрать, получай это, - крикнул он, схватив рукой свой твёрдый член и ткнув Пламенным Алмазом Мудрости в змеиное рыло. Словно ударом молота, тому вышибло четыре верхних и четыре нижних зуба.

- Что-то ударило меня в рот, - дико завопил демон, сбегая с террасы речной долины.

Он нёсся, пока не оказался у пещеры, называемой Победоносное Знамя Льва. Там в глубокой медитации сидела монахиня по имени Ани Самтен Пемо.

- Налджорма! Что-то жуткое ударило меня в пасть! - прохрипел он, совсем запыхавшись.

- Что же это было и откуда взялось? - поинтересовалась она.

- В Гомсаркха, у дома старухи. Станный человек, ни мирянин, ни монах, нанёс мне удар пылающим железным молотом, - с трудом переводя дыхание, произнёс демон.

- То, что ударило тебя в пасть, наносит раны, которые больше не заживают. Если не верить - смотри сюда! - Она задрала юбку и расставила ноги - Эта рана была нанесена тем же орудием. Нет никакого средства, чтобы залечить её.

Демон ткнул пальцем и поднёс его к своему носу:

- А кха кха! Эта рана уже источает запах, и, наверное, с моей будет то же самое, - застонал он. - Что же мне делать?

- Слушай меня! - посоветовала ему монахиня. - Вернись назад, к тому, кто нанёс тебе этот удар, - он все ещё будет там. Его зовут Друкпа Кюнле. Поднеси ему свою жизнь и дай обет не причинять больше вреда ни одному живому существу. Тогда, может, ты и излечишься.

Демон последовал её совету и вернулся к дому, где его уже ожидал Друкпа Кюнле. Он пал ниц перед Ламой и со словами: "Отныне я буду слушаться твоих приказаний", поднёс ему свою жизнь.

Положив свой Алмаз на голову демона, Лама привёл его под власть Учения и возложил на него обеты буддиста- мирянина [*Обеты буддиста- мирянина (dge bsnyen): несовершенно убийства и воровства, нанесение сексуального вреда, неиспользование опьяняющих средств и лжи*]. Он дал ему имя Демон- Бык и назначил защитником Учения. Вплоть до сегодняшнего дня он - страж Гомсаркха, и ему всё ещё делают подношения.

Когда Лама, выйдя из долины Лхадзонг, поднимался вверх, к нему приблизилась демоница Лхадзонга, явившись в своём устрашающем обличье, закутанная в необычные одежды. Он тотчас же возвёл свой Пламенный Алмаз Мудрости к небу и, не в состоянии выносить его вид, демоница превратилась в ядовитую змею. Лама поставил ей на голову ногу, и тварь окаменела. И по сей день её можно увидеть посреди главной дороги.

Наконец-то Владыка Дхармы Друкпа Кюнле подошёл к дому Тёпы Цеванга, на который упала его стрела. Первым делом он остановился и помочился на стену.

- Гляньте, какие у него большие яйца! - закричали ребяташки, наблюдавшие за ним.

Лама спел им такую песню:

*Летом., в пору синей кукушки,
Удлиняются свисающие книзу яйца.
Зимой, в пору коричневых оленей,
Удлиняется свисающая вниз головка члена.*

*Но безразлично, летом ли, зимой,
Весь он удлинняется, когда голодный.
Но в этом - различие между тёплым и холодным временем года.*

Затем Лама вошёл в дом и спросил о своей стреле. Тёпа Цеванг заверил его, что стрела здесь, и попросил остаться. Неожиданно взор Кюнле упал на хозяйку дома, Палзанг Бутри (которую также звали Ригден Норбу Дзомма).

Один лишь вид её лица, подобного расцветшему цветку и излучающего божественное сияние, тотчас же очаровал его, и он запел эту песнь:

*Верно, что стрела с пути не сбилась,
Так как привела меня к тебе, о милая богиня.
Цеванг, хозяин дома, оставь нас наедине.
Я сегодня же должен овладеть этой девушкой!*

И Лама уже намеревался овладеть ею. Её супруг вышел из себя, обнажив меч и, готовый к нападению, сказал:

*Я предлагаю тебе ночлег,
А ты крадёшь мою жену,
Не сказав и трёх слов в приветствие.
Ты ещё не успел присесть,
А уже соблазняешь её!
Такого я ещё не видывал
И никогда не слыхивал о таком поведении!
Может, в Тибете себя так ведут,
Но у нас на юге такого обычая не знают.*

С этими словами он замахнулся на Ламу мечом, но тот левой рукой обхватил Палзанг Бутри за шею, а правой отобрал у него меч. Охваченный доверием Цеванг произнёс:

- Я не знал, что ты Будда, - и при этом коснулся лбом стоп Ламы. - Ты можешь взять мою жену и до конца моих дней оставаться в моём доме.

Друкпа Кюнле обещал погостить какое-то время. За этот срок силой его молитв Пхаджойсе Сангдак Гартён вошёл в утробу Палзанг Бутри, переродившись Нгагвангом Тендзином, который, подрастая, стал монахом в Ралунге и у лотосных стоп своего учителя Нгаги Вангчука достиг совершенств. В исполнение предсказаний дакинй, тот основал место отшельничества Тамго, затем исполнил Ритуал Основания Рода, и в результате этого Пхаджой ещё раз переродился, став его сыном Цеванг Тендзином. У Ябдже Цеванг Тендзина было два сына, старший - Мастер Джингьял и младший - Гьялсе Тендзин Рабгье. Но на этом семейная линия прервалась [Пхаджойсе Сангдак Гартён (*pha jo'i sras gsang gdag gar ston*) (1183- 1251) был главным учеником Палден Друкпы Ринпоче; он возглавил передвижение Друкпы Кагью в Бутан. Он переродился сыном Друкпы Кюнле, Нгагвангом Тендзином (*ngag dbang bstan 'dzin*) (1520- 1590), и его Гуру был Нгаги Вангчук (*ngag gi dbang phyug*) (1517- 1554); он основал место отшельничества Тамго (*rta mgo*) в Тхимпу. Титул Пхаджо (*pha jo*) перешёл к сыну Нгагванга Тендзина - Мипхаму Цеванг Тендзину (*mi pham tshe dbang bstan 'dzin*, 1574- 1643). У его

старшего сына Друбтхоб Джинпа Гьялцена (sgrub thob sbyin pa rgyal mtshan) не было потомства, а у младшего Гьялсе Тендзина Рабгье (rgyal sras bstan 'dzin rab rgyas) родилась только одна дочь, известная под именем Чам Кюнле (lcam kun legs), которая стала первой в цепи инкарнаций лам Тамго].

Пока Друкпа Кюнле жил в доме Цеванга, из уст в уста переходил стишок:

*Тёпа Цеванг находит радость в Учении,
Свободный от забот Кюнле - в супруге Цеванга.
Да здравствуют любители Учения и любовники супруг!*

Однажды Лама решил подчинить злых духов с конца долины. Взобравшись на откосу, он натолкнулся там на старика Апа Ситхар Другья, который резал торф.

- Если сюда придёт торговец цимбалами, то надо будет купить у него одну пару, - думал в это время старик.

- Что ты делаешь? - спросил Лама, уловив его мысли.

- Я режу торф, - ответил Апа. - А откуда ты, налджорпа?

- Я торговец из Тибета, продаю цимбалы, - сказал Кюнле.

- Хороши ли твои цимбалы, - спросил Апа, - и как они называются?

- Цимбалы хорошие, называются они "Отрывистый звук" [Буквально означает "поднять вверх и, уронить оборвать" (gnam 'phyar 'bebs chad). Монахи поднимают одну из цимбал в воздух и с размаху роняют об так, чтобы звук оборвался мгновенно], - уверил его Лама.

- Пожалуй, я их куплю, - отвечал Апа, - покажи-ка их мне!

- Про торговлю цимбалами есть одна пословица, - сказал Кюнле. - "Не прочтя молитвы - не сделаешь подношение, а с пустыми руками не ударишь в барабан". Так и нам для нашей сделки нужен чанг. У тебя он с собой?

- Дома у меня семь мер, - сказал ему Апа. - Я схожу за ними, если ты пока порежешь торф.

Кюнле взял заступ и стал резать торф. Вскоре появился дух долины, один вид которого наводил ужас, и набросился было на Ламу, да с налёта наткнулся на его Пламенный Алмаз Мудрости. Гоня духа перед собой, Лама загнал его внутрь огромной скалы в Тёпа Силу.

- Ты не выйдешь отсюда до скончания времён! - приказал Кюнле, опечатав скалу кровью из своего носа.

Затем он вернулся к дому Апы на краю долины и спросил о чанге. Они выпили, и в конце концов Апа захотел увидеть цимбалы.

- Ты пей пока, я покажу их тебе позже, - пообещал Лама.

- Но я хочу увидеть их сейчас, - не отступал Апа.

- Ты просто не понял, что значит "цимбалы" (РОЛ- МО), - сказал Лама. - Это значит, что насладившись (РОЛ) твоим чангом, я радуюсь (га- МО), да и разве мои надутые щёки не похожи на цимбалы?

Апа рассердился:

- Раз уж у тебя нет цимбал для продажи, то заплати хотя бы за чанг, ты, попрошайка!

- Это же твой чанг, вот сам за него и плати!

- Как же, стану я платить за свой собственный чанг, - горячился Апа.

- Если бы не я, - ответил Лама спокойно, - злой дух из этой долины сегодня лишил бы тебя жизни. Я же защитил тебя от этого и позаботился о твоей дальнейшей безопасности, загнав духа долины в скалу Силу.

- Не рассказывай мне сказок про злых духов, которых ты запер в скале, - презрительно сказал Апа. - Давай- ка лучше, плати за чанг.

- Тогда пошли посмотрим, правду ли я говорю, - предложил Лама, и они вместе пошли к Силу.

Подойдя к скале, Кюнле попросил Апу приложить к ней ухо.

- Выпусти меня пожалуйста вниз в долину, Друкпа Кюнле, - услышал Апа из глубины камня.

- Я не знал, что ты Будда, - произнёс Апа с большим изумлением. - Прости меня, тебе, конечно, не нужно ничего платить за чанг, - и его охватило благоговение. - Драгоценный Лама, если бы ты мог ещё обуздать демоницу с перевала Докьёнг, народ бы навсегда остался тебе благодарен. Она уже погубила многих путников, и никто больше не решается пересекать перевал после наступления ночи.

Лама тотчас же поднялся к перевалу Докьёнг и там наткнулся на восемнадцатилетнего юношу из Ванга, который вёл с собой старую бурёнку.

- Ты откуда? - спросил Лама.

- Я из Ванг Барма, но уже слишком поздно, а эта корова не может быстро идти. Помоги мне, пожалуйста, - взмолился юноша.

- А что случилось? - спросил Кюнле.

- Как только наступит ночь, демоница утащит нас, - сказал испуганный юноша.

- Тогда ты иди домой, а я позабочусь о корове, - предложил Лама.

- Мне уже не успеть домой до темноты, - сказал юноша.

- Тогда положи голову мне на колени и подумай о своём доме, - велел ему Лама.

Тот сделал, как ему было сказано, и благодаря чудодейственной силе Ламы в следующий миг оказался в своём родном селе.

Лама привязал корову к дереву и залез на его верхушку, поджидая демоницу. При наступлении ночи та явилась, и при виде коровы её пасть разинулась и потекла слюна. Она кликнула с верхней горы демоницу перевала Синг Ла и с нижней горы демоницу перевала Хинг Ла и пригласила обеих разделить с ней праздничное пиршество. Они уже собрались было приняться за еду, когда заметили на дереве Ламу.

- Слезай и поиграй с нами, - крикнули они ему.

- Не буду я с вами играть, вы, тошнотворные твари! - отвечал он.

Тут они взбесились и, лишь один раз клацнув зубами, повалили дерево. Лама тотчас же схватил в руки свой Алмаз Недвойственной Мудрости и выпустил пламя в двух низших демониц, которые в мгновение ока растворились в демонице Докьёнг. Лама схватил её за волосы и потащил в место, называемое Дрюлёпа, что по пути в Вангдю. Там она поднялась на ноги и превратилась в красного пса. Лама схватил собаку за ухо и засыпал её землей. На образовавшемся бугре он поставил чёрную ступу и предсказал, что в будущем на этом месте будет построен храм.

Вслед за тем Владыка Дхармы, Защитник Живых Существ Друкпа Кюнга Легпа захотел расправиться со страшной демоницей из Лонгронга, - укротить её и обязать служить Учению. Он спустился к реке, что по дороге в Пунакха. Заметив его, демоница приняла свой самый устрашающий облик. Она парила в воздухе над клокочущей пучиной воды в бурлящем облаке пены и пела:

Иди сюда и слушай меня, налджорпа!

*Знаменитая белая снежная вершина Тизе
И обитель ветров, пустынная равнина Чангтанг [Чангтанг - огромное
ненаселенное плато на северо- западе Тибета] -
Лишь земля и камни, покрытые снегом;
Что же в них, такого удивительного?
Знаменитый снежный лев,
Царь зверей с белой шкурой и гривой багрового цвета
Напрасно рычит в долинах,
Что же в нём такого удивительного?
Знаменитый "Свободный от Обязательств Друкпа Кюнле",
Нищий бродячий попрошайка,
Несёт чепуху и рассказывает грязные истории;
С бессмысленным поведением безумца,
Что же в нём такого удивительного?
Почитания или подношений не ожидай от меня!
Кто тебя сюда послал
И ради кого ты сюда пришёл?*

*К кому восходит твоя Линия Преемственности?
Если ты Будда, так отвечай!*

Лама ответил такой песней:

*Слушай, водная демонесса, озёрная ведьма!
Не пристало тебе обходиться со мной так презрительно.
Я пришёл сюда сегодня с важной задачей,
И потому не распыляй свой ум,
А выслушай внимательно меня.
Знаменитая белоснежная гора Тизе
Служит местом для медитации пятистам святым..
На спине белого снежного льва
Скачут дакини и Великие Матери.
А знаменитому Свободному от Обязательств Друкпе Кюнле
Вся вселенная благоволит!
Этот нищий бродячий попрошайка
Отвернулся от всех привязанностей.
Он, говорящий всё, что взбредёт в голову,
Разоблачает этим порок, прикидывающийся добродетелью.
А своим бессмысленным поведением безумца
Он всё, что бы ни произошло,
делает шагом на пути к Освобождению.
Держатель Ваджра послал меня сюда
Ради того, чтобы освободить живых существ из самсары.
Моя традиция - Махамудра.
Как благородный Миларепа,
Любую ситуацию я вплетаю в орнамент своего ума.
Демонесса из Лонгронга,
Будь же счастлива стать Защитницей Учения!
Дочь богов, змей, духов и демонов!
Достойная спутница, очаровательная и пленительная,
Волшебное проявление, следуй за мной!
Вступи на счастливый путь Освобождения,
И если действия твоих тела, речи и ума будут достойными,
То ты сможешь достичь состояния Будды уже в этой жизни.
Теперь ответь мне искренне на это!*

Демоница обернулась прекрасной обольстительной женщиной, подала Ламе чанг в большой хрустальной вазе и спела такую песню:

*Слушай меня, Друкпа Кюнле, Свободный от Обязательств!
Ты - благородное Дхармой дитя великого рода,
Сердце Будды бьётся в твоём кажущемся обыденном теле.
Ты несёшь стрелы и лук Метода и Мудрости,
На твоей спине - щит Терпения,
И ты ведёшь с собой охотничьего пса,
Уничтожающего негативные чувства.
Тебя, обладающего мощью Владыки Вселенной,
Молю: веди меня прямо к Освобождению в
Великом Блаженстве!
Я ли не дочь богов, украшение небес?
Поверх талии обворожительны и пленительны мои
А ниже талии - в мандале Блаженства*

*Сильны мои мышцы и движения искусны.
Для тебя, налджорпы, наслаждающимся любовью,
И для меня, змеевидного существу со жгучей страстью,
Наша встреча сегодня хорошую связь означает.
Останься этой ночью здесь со мной,
И я с преданностью поднесу тебе своё тело!
Будь так добр, одари меня своим божественным Учением!*

Она пропела Ламу к своему дому и сделала ему подношения. Затем она пообещала отныне служить Учению и поклялась не причинять вреда ни одному существу. Наконец он, сделав её своей подругой в несравненной любовной игре, превратил её таким образом в подходящий сосуд для Учения.

На обратном пути из долины Лонгронг Лама шёл по пустынной бесплодной местности, названной Логтханг Кьямо. Пройдя её и снова поднимаясь в гору, он повстречал старика Апа Гэно Тендзина. Кроме младшей дочери, все его дети покинули родной дом, и теперь он с усердием мог предаться сосредоточенной практике. Он поклонился Ламе в ноги.

- Что за великое счастье повстречать тебя, Друкпа Кюнле! Все мои старшие сыновья завели собственные семьи, младший сын пошёл и монастырь, а дочери повыходили замуж. Нет у меня больше радостей в этом мире, и единственное, в чём я ещё нуждаюсь, - это наставление, которое подготовило бы меня к смерти. Прошу тебя, дай мне это наставление!

- Ях! Ях! - задумчиво произнёс Кюнле. - Я научу тебя молитве Прибежища, которую ты должен будешь повторять всякий раз, когда бы ты обо мне ни подумал. И не надо при этом смущаться ничьим присутствием.

И он научил старика молитве Прибежища "Освобождение из Самсары":

*Я простираюсь перед бессильным членом старика,
Иссохшим у основания, упавшим как мёртвое дерево,
Но всё же так и не избавившимся от цепляния за Я.
Я простираюсь перед увядшим влагалищем старухи,
Чья бездонная глубина подобна каменистой пропасти?
Но всё же так и не избавившимся от страстей.
Я простираюсь перед крепким членом юноши в расцвете сил,
Когда он, выпрямившись,
Не смущается дыхания Смерти.
Я простираюсь перед влагалищем молодой девушки,
Когда оно, наполняемое раскатистыми волнами блаженства,
Не смущается ни перед собой, ни перед другими.*

- Не забывай повторять эту четырёхстрочную формулу Принятия Прибежища каждый раз, как только ты подумаешь обо мне, - повторил Лама.

- Благодарю тебя от всего сердца, - сказал Апа Гэпо. - Научи меня теперь ещё одной молитве, которая умещалась бы в трёх строках.

Лама обучил его следующим строкам:

Крона растущего дерева

Может стать большой или маленькой.

Но будет она велика или мала - зависит от ствола.

Маленькое влагище, в которое входит член Друкпы Кюнле,

Может стать упругим или не упругим.

Но будет ли оно упругим или нет - зависит только от размеров члена.

Пробуждённость преданного Апы Гэпо

Может стать обширной или не обширной.

Но будет ли она обширна или нет - зависит только от силы преданности.

- Не забудь и этой молитвы! - велел Кюнле. Старик вернулся домой.

- Ты встретил Ламу? - спросила его дочь. - И получил от него наставления?

- Я встретил Ламу, и он научил меня молитве Прибежища. Теперь я знаю её наизусть, - ответил он.

- Ты не умён, да и не образован, - сказала дочь. - Молитва-то короткая, легко запоминается? Прочти- ка нам её разок! Апа сложил для молитвы ладони у сердца и начал:

- "Я простираюсь перед бессильным членом старика...", -точь- в-точь как научил его Лама. Дочь в замешательстве и смущении убежала прочь.

- Да ты что, с ума, что ль, сошёл? - прикрикнула на него жена. - Слова Будды- Ламы всегда безупречны. Ты либо его не так понял, либо позабыл, что он сказал на самом деле. Да если ты и верно запомнил его слова, тебе не подобает подражать Ламе, не ровня ты ему. Не смей никогда говорить таких слов в присутствии детей!

- Лама наказал мне повторять эти строки всякий раз, когда бы я о нём ни подумал, - настаивал Апа на своём. - Именно это я и стану делать!

Позже, когда семья собралась за ужином, Апа сложил руки, закрыл глаза и снова начал читать молитву.

- Рехнулся старый, - шептались другие, с мисками в руках поднимаясь из- за стола.

Повторив молитву один раз, Апа открыл глаза и увидел, что теперь он сидел за столом в одиночестве. Наконец вернулась жена, пригрозив ему, что, если он и впредь собирается настаивать на этом сумасшествии, то ему придётся жить отдельно. Но Апа не сдавался, возразив, что будет продолжать, даже если ему это будет стоить жизни. Тогда они отвели ему маленькую комнатку на сеновале, и, перебравшись туда, он стал непрерывно молиться, день и ночь.

Где-то через месяц вечером полнолуния по всему дому разносилась прелестная музыка, звуки лютни или флейты. Не слыша более молений мужа, жена Апы забеспокоилась о нём, решив, что ему, должно быть, нездоровится, и он горюет и плачет.

- Отнеси отцу немного чан га, - сказала она дочери.

Девушка пошла с пивом на сеновал, но нашла там лишь вздувшееся одеяло на его ложе. Откинув покрывало, она увидела шар радужного света, в центре которого сиял белый слог А [*Семенной слог А - .звук пустоты, всеохватывающей нерождённой сути*]

- Апа! Апа! Апа исчез! Сюда, быстрее! - закричала она, немного придя в себя. Сбежались семья и соседи, и все стали свидетелями того, как шар света поднялся в небо в западном направлении и как оттуда прозвучал голос старика: "Друкпа Кюнле отправил меня к горе Потала, в Чистую Страну Бодхисаттвы Сочувствия. А вам со своим чопорным поведением придётся *Семенной слог А* оставаться здесь! Устройте место для подношений Ламе в местности Логтханг Кьямо!"

Лама, придя туда, над местом, где была постель Апы, поставил Ступу Нирваны, куда положил чётки старика как реликвию. Впоследствии настоятель Нгагванг Чёгьял построил вокруг ступы монастырь, который сегодня известен под названием храм Кьиме [*Храм Кьиме, "не имеющий собак", - главная резиденция Друкпы Кюнле в Бутане*].

Глава седьмая

О том, как Друкпа Кюнле обучал своих подруг в южных долинах.

***Мысклоняемся к стопам опьянённого радостным ликом Мудрости
Святого безумца Друкпа Кюнга Легпы,
Который, высказывая всё, что бы ни взбрело ему на ум,
Смеясь показывает обман этого мира условностей.***

Когда Владыка Дхармы, Защитник Живых Существ Кюнга Легка пришёл в Самтен Ганг, что в округе Вангду, его радушно встречали благочестивая монахиня Анандхара, госпожа Гьялдзом из Кхьюнг Се, девица Гёкьи Палмо из Вачена, госпожа Адзом из Гёнтё, Намкха Дрёнма из Пача, Зангмо Чёдзом из Ванга, девица Кюнзангмо и другие девушки из Мена, имевшие счастливую карму стать подругами Ламы. Присутствовали также и преданные благодетели, такие как Лама Палджор из Чанг Ганг Кха, и безнравственные правители, такие как Гьялдзом из Друнг Друнг. Эти последователи Друкпы Кюнле созвали людей со всех уголков Бутана, и на рыночной площади собралась огромная семитысячная толпа народа, чтобы удостовериться в чудесных способностях Ламы.

- О Кюнга Легпа, нам хотя и рассказывали, что ты можешь совершать различные чудеса и являть знаки своих совершенств, но собственными глазами мы этого ещё не видели. Покажи нам теперь, пожалуйста, эти чудеса и знаки твоего постижения, - просили они Ламу.

Они сделали ему подношение из головы козла и бычьей туши, и Лама с аппетитом отведал мясо. Закончив, он взял обглоданную голову козла и насадил её на безголовый бычий скелет.

- У тебя совсем нет мяса на костях, - заговорил он с животным. - Отправляйся пастись в горы!

Он щёлкнул пальцами, и скотина ожила и к великому удивлению всех присутствующих побежала вверх по откосу долины [*Достоинно упоминания, что Кюнле никогда не ел мясо, не вернув жизнь убитому животному*]. Такая порода животных с головой козла и телом коровы ещё и сегодня в большом количестве встречается в той долине. Их называют Дронг Гимце [*Разновидность дикого яка ('brong gim tshe)*].

Тогда подруги и благодетели из Бутана обратились к Ламе с дальнейшей просьбой:

- Лама Ринпоче, благослови нас, народ южных ущелий, изложением Учения Будды. Дай ему, пожалуйста, название на санскрите, так, чтобы оно было серьёзным по содержанию, но и с долей юмора. Изложи его на языке простого народа, так, чтобы мог понять каждый, но и придай ему глубокий смысл непревзойдённого Учения. Пусть одно лишь слушание этого поучения даст нам возможность достичь освобождения от страдания круговорота перерождений.

Лама дал им следующее наставление [*Лама учит мирской мудрости, а также основным вопросам сексуальности. Подобные истории и "грязные" шутки, пересказываемые и народе, даже в нашем обществе являются для молодежи первым источником информации о сексуальной жизни*] :

На санскрите: Мой член ша- ра- ра!

На тибетском: В девичье лоно шу- ру- ру!

Это - трактат о мирских радостях.

Молодая девушка испытывает наслаждение от разгорания своей страсти,

Молодой юноша испытывает наслаждение от её удовлетворения,

Старики испытывают наслаждение от воспоминаний.

Это - учение о трёх наслаждениях.

Постель - мастерская любви, и достаточно, чтобы она была удобной.

Колено - предвестник любви, и достаточно, чтобы оно было выставлено заранее.

Рука - инструмент любви, и достаточно, чтобы она крепко сжимала.

Позвоночник - заводной механизм любви, и достаточно возбуждать его снова и снова.

Это - трактат о том, что является достаточным.

Нельзя скрытно заниматься любовью с замужней женщиной.

Нельзя заниматься любовью с девочкой моложе десяти лет.

Нельзя заниматься любовью с женщиной, у которой месячные, или которая беременна, или же с давшей обет целомудрия.

Это - трактат о трёх запретах.

Мерой пустоты желудка является величина голода,
Мерой идиотизма является величина члена,
Мерой женственности является величина сладострастия.

Это - трактат о трёх величинах.

Мерой старости является скудность фантазии,
Мерой внебрачности ребёнка является скудность его заслуг,
Мерой богатства является скудность щедрости.

Это - трактат о трёх скудностях.

Ламы любят дисциплину.

Правители любят восхваление,
Женщины любят своих возлюбленных.

Это - трактат о трёх любимых вещах.

Грешники не любят тех, у кого есть вера,
Богатые не любят расточительных,
Жёны не любят любовниц мужей.

Это - трактат о трёх нелюбимых вещах.

Подносите дары ламам, обладающим благословением,
Подносите дары йидамам, наделяющим совершенствами,
Подносите дары защитникам Дхармы, осуществляющим просветлённую
активность.

Это - трактат о трёх достойных подношений.

Не подносите дары ламам, не имеющим сочувствия,
Не подносите дары монахам, не блюдушим обеты,
Не подносите дары собакам, воронам или женщинам.

Это - учение о трёх не достойных подношений.

Умиротворяющий и укрощающий свой ум обретёт

Путь Индивидуального Освобождения,

Свободный от собственных желаний обретёт

Путь Бодхисаттв,

Познающий недвойственное единство обретёт Путь Тантр [Три
колесницы: Хинаяна, Махаяна и Ваджраяна. Первая учит тех, кому легче
подавить эмоции, вторая - тех, кто может их трансформировать в
положительные энергии, а третья "колесница" - это учение для тех, кто
может использовать эмоции для принесения пользы другим]

Это - трактат о трёх обретениях,

Тот, кто хочет есть, не обретёт чувства насыщения,

Тот, кто не связан с Дхармой, не обретёт духовности,

Тот, кто скитается по селениям и долинам, не обретёт образования и
обетов.

Это - трактат о трёх необретениях.

У того, кто не говорит правды, рот не выделяет слюну,

Тот, кто чужд духовной жизни, не делает подношений,

Того, кто не имеет отваги, не произведут в полководцы.

Это - трактат о трёх вещах, которые не происходят.

Признак богатства - сжатость кулака,

Признак старости - сжатость ума,

Признак праведности монахини - сжатость влагилица.

Это - трактат о трёх сжатостях.

Кто красноречиво говорит - проникает в центр толпы,

Монастырское богатство проникает в монашеские животы,

Толстый член проникает в девушек.

Это - трактат о трёх проникновениях.

Ум бодхисаттвы нежнее, чем шерсть,

Речь эгоиста тоже нежна,

*А бёдра девушки нежнее шелка.
Это - трактат о трёх нежных вещах.
У безнравственных монахов - худая юбка,
У женщин, живущих без мужчин, - худые платья и животы,
На полях без удобрений - худая жатва.
Это - трактат о трёх худых.
Друкпе Кюнле никогда не прискучат девушки,
Девушкам никогда не прискучит член,
Монахам никогда не прискучит богатство.
Это - трактат о трёх вещах, которые не прискучат.
Хотя ум ясный - всё равно нужен Лама,
Хотя лампа горит ясно - ей всё равно нужно масло,
Хотя природа реальности ясна - всё равно нужно, чтобы кто-то тебя с
ней познакомил.
Это - трактат о трёх нуждах.*

Потом Лама продолжил:

*Как смехотворен лама, не имеющий верящих в него учеников,
Как смехотворен ученик, не имеющий упорства,
Как смехотворен доказывающий что-то учёный, не имеющий
слушателей,
Как смехотворна женщина, не имеющая возлюбленного,
Как смехотворен правитель, не имеющий подчинённых,
Как смехотворен богач, который не в состоянии есть,
Как смехотворен крестьянин, не возделывающий землю,
Как смехотворен кочевник, не имеющий скота,
Как смехотворен монах, не придерживающийся дисциплины,
Как смехотворен гомчен, не имеющий указаний,
Как смехотворна монахиня, терзаемая похотливыми мыслями,
Как смехотворен мужчина, не способный к эрекции,
Как смехотворны богатства, нажитые с помощью собственной задницы,
Как смехотворны робкие девственницы, томящиеся по любви!*

И дальше пел Лама:

*Хотя клитор и треугольной формы,
Он не подходит в качестве тормы для подношения местным божествам.
Хотя солнце и не иссушает нектар любви,
Он не подходит в качестве воды для приготовления чая, который
устранит иссушающую рот жажду.
Хотя яйца в мошонке велики,
Она не годится в качестве мешка с провиантом для отшельника.
Хотя у члена мощный стержень и большая головка,
Он не подходит в качестве молота для забивания гвоздей.
Хотя обретая человеческое рождение, можно получить хорошо
сложенное тело,
Оно не подходит в качестве невесты для Владыки Смерти.
Хотя ум и может быть чист,
Оставаясь дома, не достигнешь цели совершенного Учения Будды.
Хотя священные учения тантр и глубоки,
Без практики достичь Освобождения не удастся.
Хотя Друкпа Кюнле и указывает Путь Освобождения,
Пройти по нему должны вы сами.*

Когда он закончил свои наставления, его многочисленные слушатели смеялись и плакали; и так, всхлипывая и смеясь, они покинули базарную площадь. И не было среди них ни одного, кто бы ни исполнился большой преданности и уважения. Как следствие жизненной радости Ламы и его забот о благе других, и по сей день веет повсеместно в Бутане знамя его славы. Мужчина или женщина, монах или мирянин, - все они знают его деяния и почитают его. Такое доверие и преданность делает их сосудами для учения Будды.

Когда Лама пришёл в Шар Кюнзанг Линг [*Шар Кюнзанг Линг в районе Вангду был резиденцией Лонгчена Рабджампы во время его добровольной эмиграции из Тибета XIV веке*], народ зашушукался:

- Надо бы нам сравить Друкпу Кюнле с нашим демоном. Давайте пусть никто из нас не пустит его на ночлег, и тогда ему придется ночевать в руинах. Но всё же мы отнесём ему туда поесть.

Итак, Лама не смог найти никакого пристанища в деревне, и ему пришлось ночевать в руинах. В полночь на него набросился демон, из шеи которого одна над другой торчали девять голов. Кюнле вонзил свой Пламенный Алмаз Мудрости ему в зад, и, с подпалённым задом, демон скрылся в горах.

И по сей день под скалой Оргьен чувствуется запах палёного мяса и слышны крики от боли.

Прежде в Шар Кюнзанг Линге насчитывалось восемьдесят налогоплательщиков, но из-за того, что люди отказали Друкпе Кюнле в гостеприимстве, теперь их там только четверо.

На рассвете следующего дня, устремив взгляд с Кюнзанг Линга на Кхьюнг Секха, Лама обратил внимание на девушку Гьялдзом, танцующую и покачивающую бёдрами под сандаловым деревом.

С такой песней он обратился к ней:

*Глядя с Шар Кюнзанг Линга,
Вижу я в Кхьюнг Секха
Под сандаловым деревом
Плавно раскачивающуюся фигуру богини.
Должно быть, это девушка Гьялдзом!
Сегодня, когда солнце будет в зените,
Свободный от забот Кюнле навестит тебя.
Наполни рог буйвола нектаром перегона трёх мер чанга
[Дистиллированный экстракт чанга - чистый и очень крепкий спирт. Он называется арак или ракши]
И мы станем рассказывать друг другу истории
Да делать всё, что вздумается!
И мой Ом войдёт в твою МАНИ ПЕМЕ, ХУНГ!*

К полудню он вошёл в деревню и был у дома девушки Гьялдзом как раз в то время, когда она собиралась сходить за водой. Она попросила Ламу подождать в доме.

- Тебе не нужно идти за водой, - сказал Лама, - сейчас мы отведаем водицы из твоего тайного источника, - и он уложил её на пороге и занялся с ней любовью. Потом она принесла ему чай и обслуживала его самым любезным образом, пока он снова не засобирился в дорогу.

- Останься со мной навсегда, - взмолилась она.

- Я не могу навсегда остаться здесь, - отвечал он, - но, поскольку твоё сокровенное место без волос, я приду к тебе ещё раз на девять дней; ещё раз на девять дней я вернусь к тебе, потому что оно сухое; и ещё раз на девять дней, потому что у твоего тела нет запаха. Но сейчас я должен уйти от тебя.

И всё же Гьялдзом поспешно схватила кувшин с водкой и вышла его проводить. На вершине холма Лама остановился и спросил девушку, как называется окрестная местность. Она сказала, что это Пханг Юл, а там дальше находится область Лог Тханг Кьямо.

- Что ж, это знак того, что ты погрустишь (ПХАНГ), погрустишь, да перестанешь (ЛОГ). Дай- ка мне водки! И он стал пить.

- Вы, девушки с востока, должны быть славными певицами. Спой мне песню!

Гьялдзом спела такую песню:

*О Друкпа Кюнле!
Странствующий налджорпа!
Послушай песню девушки Гьялдзом!
Горные луга белеют зимой,
Но безумный Кюнле ещё белее.
Склоны долин белеют, потом зеленеют и снова белеют.
Но Друкпа Кюнле остаётся белым всегда.
Я как гриф, который мечтал отправиться в полёт,
Но, не имея силы в крыльях,
Становится игрушкой ветра кармы
И летит, уже не имея выбора, где остановиться.
Я, девушка Гьялдзом из Кхьюнг Секха,
Мечтала найти спутника, который останется со мной навсегда,
Но, будучи бессильна определить свою судьбу,
Следуя своей горестной карме,
Я встретила его, уже не имея выбора, что делать дальше.
И возможность уже снова потерять его печалит меня.*

В ответ Лама запел:

*Слушай, Гьялдзом из Кхьюнг Секха!
Послушай песню Кюнле!
Из-под ледника пенится бурлящая вода,
Но ещё больше взбудоражен ум Гьялдзом.
Клокочет вода в узком горлышке кувшина,
Но ещё больше взбудоражен ум Гьялдзом.
От возбуждения бьёт ключом нектар секретного источника,
Но ещё больше взбудоражен ум Гьялдзом.*

*Ты кипяتيشся, бурлишь и упрашиваешь меня,
А я просто брожу с места на место и всё равно в конце концов уйду!*

Сказав это друг другу, они разошлись; но вплоть до сегодняшнего дня это место носит имя Взбужденный Ум, Локхол Лунгпа.

Далее Владыка Дхармы двинулся и Ньишар Гьенглинг, что и округе Вангду. Остановившись там в доме монахини Анандхара, он пил чанг, развлекался, целуясь с разными девушками, и пел песни, иногда давая наставления в Учении.

Однажды Шармо Кюнзангмо принесла ему лучший чанг и спела такую песню:

*Эма! Налджорпа из Тибета, Друкпа Кюнга Легпа!
Одолжи свой слух песне опечаленной девушки!
Если участь дерева может быть печальной,
То хуже всего приходится тому, что стало дверным порогом.
Хочется ему сдвинуться - да накрепко схвачен дверным косяком,
А остаться на месте - его топчут собаки и свиньи.
Не оставляй его здесь!
Возьми с собой в Ралунг в верхний Цанг
И, сделав там колонной храма,
Приведи меня - это дерево - к чистоте!
Если участь железа может быть печальной,
То хуже всего приходится тому, что стало наковальней у кузнеца.
Хочется ему сдвинуться - да накрепко схвачено большими и малыми
клещами,
А остаться на месте - по нему стучат большими и малыми молотками.
Не оставляй его здесь!
Возьми с собой в Ралунг в верхний Цанг
И, сделав там железной дверью храма,
Приведи меня - это железо - к чистоте!
Если участь женщины может быть печальной,
То хуже всего приходится мне, Шармо Кюнзанг.
Хочется уйти - да не бросишь любящих меня родителей,
А остаться - жестокий супруг делает мою жизнь невыносимой.
Не оставляй меня здесь!
Возьми с собой в Ралунг в верхний Цанг
И за одну жизнь, уже в этом теле.
Приведи меня к состоянию Будды!*

Лама ответил ей такой песней:

*Эма! Слушай же теперь меня, Кюнзанг из Шармо!
Когда солнце шествует по небу.
Оно по очереди освещает все Четыре Континента,
И вечно странствующему Кюнле
Не нужна одна женщина, чтобы водить её за собой.
Счастливейшее дерево - это то, что растёт в джунглях юга,
Топор бесчувственного лесоруба достать его там не может.
Но чем быть колонной храма,
Будет лучше, если оно останется там со своей раскидистой листвой.
А дверным порогом может служить и булыжник.*

*Счастливейшее железо - это то, что попало в руки к кузнецу.
Но чем быть дверью храма.
Будет лучше, если оно станет монашеским посохом или чашей для
подавания.
Незачем ему оставаться страдающей от жара и холода наковальной
кузнеца,
Когда её можно заменить на деревянную или каменную.
Счастливейшая женщина - это та, что рождена в Гьенглинг Ньишар.
Незачем тебе сносить побои твоего супруга, старого болвана.
Но чем быть моей спутницей,*

*Будет лучше, если ты предашься медитации в уединении.
А обеспечение твоих родителей может взять на себя и твоя невестка.*

Услышав слова Ламы, Кюнзанг почувствовала глубокое доверие, и она обещала последовать его советам. Во время поучений, которые он ей дал, они слились телом и умом, и после Лама предсказал, что Паро Чумопху станет местом её отшельничества. Три года она оставалась там в медитации, и говорят, что в конце концов, благодаря её преданности и сочувствию Ламы, она осуществила Тело Света.

Лама пришёл в Бенанг Вадчен с закатом солнца и как раз подыскивал себе место для ночлега, когда у родника ему встретилась девушка Гокье Палмо.

- Пусти меня, пожалуйста, переночевать, - попросил он её.

- О Друкпа Кюнле! Ты не найдёшь никого, кто пустит тебя на ночлег. И знаешь почему? Во- первых, ты требуешь гостеприимств а, во- вторых, тебе надо соблазнить хозяйку дома, и в- третьих, ты рассказываешь грязные истории. У меня не найдётся для тебя ни места, ни чанга, который я могла бы тебе предложить, - сказала девушка.

- Чанг не так уж и важен, - возразил Лама, - но любовью мы всё- таки можем заняться.

Он прошёл в дом, и она подала ему чай. Кюнле поднял чашу и прочёл благословляющую трапезу молитву:

*Ом А Хунг!
У этого питья ни малейшего чайного аромата.
Не говоря уже о запахе масла!
Кто будет пить такую бурду?
Пусть же она будет подношением стене!*

И он выплеснул чай на стену. Девушка улыбнулась, взяла его за руку и запела:

*Уэтого создания нет мирского запаха,
Не говоря уже о запахе духовном!
Кто пустит такого на ночлег?
Пусть же он выйдет за дверь!*

И она собралась было выставить его за дверь, но, имея к нему определённый интерес, всё же этого не сделала.

Когда девушка той ночью легла спать, Друкпа Кюнле улёгся к ней и проник в её влагилице своим членом. Но она притворилась спящей и делала вид, будто ничего не чувствует. Тогда он вывел член обратно и хотел от неё уйти, но девушка обвила его руками и притянула к себе, так что ему пришлось ею овладеть.

Утром следующего дня он спустился к базарной площади, где собрались все деревенские жители, и громко крикнул во всеуслышание:

- Когда Гокье Палмо хочет любви, это проявляется двумя способами: она притворяется, будто ей этого не надо, и не отпускает, когда хочешь уйти!

Потом он пошёл дальше.

Лама из Горпхока пригласил налджорпу к себе домой.

- В прошлом году умерла моя мать, - сказал он Ламе. - Не мог бы ты помолиться за неё?

- Твоя бедная мать находится внизу, внутри тогобольшого валуна, - ответил он ламе и, показывая на него пальцем, велел камню сдвинуться, и камень стал катиться вверх по холму. Он расколол его своим мечом, и оттуда выпрыгнула лягушка величиной с большой палец руки.

- Отправляйся в Чистую Страну Радости [*Чистая Страна Радости, Девачен (тиб.), Сукхавати (санскр.) - расположенная на Западе Чистая Страна Будды Амидабы; связывающее с ней благозвучие - слог ХРИ*], старуха, - сказал он, и из макушки лягушки выплыл красный слог ХРИ и поднялся в небо в западном направлении.

Это чудо произошло на глазах у многих людей, и тот камень и по сей день сохранился в стене монастыря, построенного на этом месте.

Лама следовал дальше и дошёл до вершины перевала Пал Ла, что между Ванг Дзонг и Тонгзаг; он как раз раздумывал, не спуститься ли ему через Манг Тепа в Кьен Юл, как увидел старика с очень тяжёлой ношей.

- Что это у тебя там? - спросил он.

- Ячмень несущий, - услышал он в ответ. Лама про себя подумал:

- Никаких благоприятных знаков для моего прибытия в эту область нет, - а старика вслух спросил: - Что там за деревни ниже в долине?

Сначала Рукхупи, затем Ценденпи, а в конце Тонсепи.

- Что мне делать в долине с тремя "пи", - сказал Лама и пошёл обратной дорогой, - туда, откуда пришёл.

Будда Амиитаба

В Кхьюнг Секха он опять остановился в доме девушки Гьялдзом. Девушка подала ему водки и чанга и спела песню:

Друкпа Кюнле из Тибета!

Ты не только статен и красив, но и сила твоего благословения изумительна.

Разве есть у подвижного свежего весеннего бриза какая-нибудь вещественность?

Разве есть у течения воды в реке Цангпо какая-нибудь помеха?

Разве есть, Кюнле, в твоём уме какие-нибудь иллюзорные проявления?

Лама отвечал:

О Гьялдзом из Кхьюнг Секха!

Ты не только хороша собой и очаровательна.

Но и весьма искусна движениями бёдер.

Если в подвижном свежем весеннем бризе нет никакой вещественности, Что же тогда держит в воздухе парящего грифа?

Если для низвергающейся реки Цангпо нет никаких препятствий, Что же тогда рассекаемые ею скалы и горы?

Если в уме Друкпы Кюнле нет никаких иллюзорных проявлений, Что же тогда ты, о девушка Гьялдзом?

Кюнле собирался вновь отправиться в путь, но Гьялдзом удержала его.

- Тебе нужно поесть перед уходом, - сказала она, - правда, я не варила сегодня мяса, но у меня ещё остались яйца.

- Я бы предпочёл съесть курицу, чем её яйца, - сказал Лама. - Принеси мне курицу!

Он отсёк своим мечом куриную голову, и девушка приготовила ему курятину и подала к столу. Поев, он щёлкнул пальцами над кучей куриных косточек.

- Вставай! - приказал он.

Из кучки костей вновь появилась курица, однако одной ноги ей не доставало. Гьялдом нашла её в горшке. Лама сказал, что нужно отнести одноногую курицу к реке.

Говорят, что в прилегающем к реке лесу и по сей день можно увидеть одноногих куриц.

В монастыре Пханг ЮлЛаму встретили несколько местных жителей.

- Мы всегда делаем подношения сакьяпинцам [*Сакьяпинский лама Тхимбе Рабджанг пришёл в Бутан в 1152 голу и основал там несколько монастырей Сакья*], - представились они. - Прошла весна, поля наши сухи, а дождя для зерна всё нет и нет. Будь добр, исполни для нас ритуал, вызывающий дождь.

- Завтра поутру, с первым криком петуха поднимитесь вверх по склону долины и издайте звук, подражающий шуму падающих дождевых капель, - сказал им Лама.

Утром следующего дня деревенский староста, последовав указанию Ламы, поднялся туда и издал звук: "Чо ро ро! Чо чо ро!"

- А кха кха! - воскликнул Кюнле, когда они вернулись.

- Надо было делать так: "Ша ра ша ра дунг дунг!" - А теперь у вас выпадет не так много дождя.

- Если выпадет сразу (ШАР ШАР) много дождя, этого не выдержит земля, да к тому же звук раковины (ДУНГ) режет ухо, - сказал деревенский староста. - Немного дождя достаточно.

- Пусть тогда и зимой и летом у вас будет выпадать столько же дождя, сколько сейчас, - сказал Лама.

В результате этого дождевого ритуала в Пханг Юле по сию пору летом выпадает не слишком много дождя, а зимой в нём нет недостатка.

С перевала Домна Ла Лама окинул взором всю область Тхе и предсказал, что на одном из холмов, своей формой подобному кончику слоновьего хобота, будет основана крепость школы Друкпа [*Монастырская крепость Пунакха была построена на этом месте как главная резиденция Нгагванга Намгьяла, принадлежащего к школе Друкпа (1594- 1651), после его большой поенной победы в Кабанге в 1636 голу над объединёнными силами пятого Далай- ламы и монгольского императора Гушри- хана. Захваченное в этой битве оружие хранится в крепости Пунакха по сей день*]. Потом подумав, что настало время навестить тайную партнёршу Адзом из Гёнтё, Лама отправился к ней. По пути он сделал остановку в Даг Вангкха, что ниже Пунакха, где отослал в сферу Чистого Ума сознание одного старика. Затем, подняв взор, он увидел у подножия новой ступы Гёньюл девушку Адзом, покачивающую бёдрами и притопывающую ногами. Такую песню он ей запел:

*Подняв свой взгляд из Даг Вангкха,
Вижу я у ступы Гёньюл
Фигуру богини, покачивающую бедрами.
Должно быть, она - девушка Адзом!
На восьмой день луны, после полуночи
Свободный от Обязательств Кюнле навестит тебя.
Держи для меня наготове
Немного холодного рисового чанга,
И пусть зазвонит музыка слов, слетающих с твоих нежных губок,
И я услышу твои сладкие песни, -
А то, что обычно следует за этим,
Пусть произойдёт естественно.
И мой ОМ войдёт в твою МАНИ ПЕМЕ, ХУНГ!*

К назначенному сроку Друкпа Кюнле подошёл к дому Адзом и постучал в дверь. Девушка вышла открыть ему дверь в не подпоясанном платье.

- Ах! Значит, ты уже ждёшь меня! - сказал он. - Однако нам незачем церемониться.

И, уложив её прямо у дверного порога, он занялся с ней любовью.

Потом она принесла ему чанг и ублажала его, чем только могла. Он провёл с ней несколько дней, а когда, наконец, снова хотел отправиться в путь, она стала умолять его остаться с ней навсегда.

- Потому что твоё влагище упруго, я возвращусь к тебе на девять дней, - пообещал он, - ещё на девять дней я приду к тебе, потому что ты владеешь всеми позами, и ещё раз на девять дней, потому что у тебя благие помыслы.

С этим обещанием он ушёл.

Спускаясь с Дримтханга, Лама встретил мужа и жену из рода Тхеб. Они пригласили его к себе домой, восхваляя силу его благословения.

- Есть ли у вас дома чанг? - спросил он.

- Мер пять будет, - ответили они.

И так он пошёл с ними, и они пожаловались ему на своё горе.

- У нас родилось пять сыновей, но ни один из них не выжил. Сейчас у нас снопа родился сынишка, но мы боимся, что он последует за своими братьями. Не проведёшь ли ты ритуал, который дал бы ему защиту от злых духов?

Он попросил показать ему сына и сразу же увидел, что мальчик был природным духом, принявшим человеческий облик. Как и прежде в Самье, он бросил мальчика в реку; родители сначала плакали и причитали по своему ребёнку, а затем снова обрели доверие к Ламе и попросили его благословить их ещё одним сыном.

- Вы должны регулярно заниматься друг с другом любовью, и в следующем году у вас родится ещё один сын. И он даст начало многим родам. Назовите его Счастливое Преумножение.

Говорят, что сейчас в Дримтханге люди из рода Тхеб ведут свою родословную именно от того сына.

Зная, что настало время навестить Намкха Дрэнму из Пачанга, Лама оседлал коня и поехал верхом. По пути он снова проезжал долину, над которой властвовала демоница Лонгронга. Из-за ревности она нарушила обеты, которыми её связал лама, и стояла теперь над долиной, широко расставив ноги; её обвисшие груди развевались на ветру, волосы волочились по земле, и широко зияло влагалище.

Как только Друкпа Кюнле подъехал ближе, она запела:

*Ты, с пускающийся сюда нищий,
Знающий толк в практиках.
Или ты духовный сын ясновидящего Ламы,
Или же демон, способный творить чудеса,
Или же болтающий чушь сумасшедший,
Или бродяга, который закончит свой путь там, где прервётся его жизнь.
По всему похоже, что это Друкпа Кюнле.
Откуда ты взялся этим утром?
На этом пути тебе нет прохода!
Святой Лама, медитировать время настало!
Настало тебе время молиться своему коню!*

Она явила ему свою самую страшную форму и повернула течение в реке вспять. Лама взялся правой рукой за свой Алмаз и поставил его, а левой рукой схватил грудь демоницы.

*Я снежный лев, царь когтистых зверей,
С наделённым Тремя Силами телом, украшенным бирюзового цвета гривой.
Ничего не боится он в высоких снежных горах.
Я - тигрица, бродящая на юге в джунглях Сенгденг,
Храбра и сильна, с телом, устланным полосами.
Не страшны ей другие звери.
Я - царица рыб в озере Мапхамью [Мапхамью, Нерушимая Бирюза - тибетское название озера Манасаровар близ горы Кайлаш; это исток Брахмапутры. Рыба в этом озере, как большая часть рыбы в Тибете, была неприкосновенной.] на западе,
С чешуйчатым телом, переливающимся всеми цветами.
Не боится она покрытого волнами простора.
Я - безумный Друкпа Кюнле из Тибета,
С телом, наполненным блаженством Четырёх Радостей [Четыре радости или степени блаженства связаны с Третьим Посвящением: это радость, высшая радость, запредельная радость (радость свободы) и высшая спонтанная радость. Каждая соответствует определенному энергетическому центру (низ живота, уровень сердца, горло и макушка)].
Нет у меня страха перед твоим влагалищем, баба- демон.
Демонесса Лонгронга, счастливая защитница Дхармы!*

*Год назад в первой половине ночи ты поднесла мне свою жизнь,
И я назначил тебя стражницей храма.
А теперь ты, бесстыдная тварь, обманула меня!
Этим утром я приехал из Равнин Неконцептуальности,
Этим вечером я хочу быть в Пустоши Единого Вкуса,
А сейчас я вторгнусь в Источник Всех Явлений [Источник Явлений (chos
'byung) - пустотная природа видоизменяющихся иллюзорных проявлений
в Махаяне олицетворяется богиней Махапраджня- парамитой. В тантрах
недвойственное окончательное осознание пустоты всех иллюзорных
проявлений - союз Дакини и Гуру в высшем блаженство. В сексуальной
аналогии Источник Явлений - влагалище]!
Не причиняй вред другим,
Если не хочешь, чтобы его причинили тебе!*

Незамедлительно Лама пришпорил коня, но демоница скрылась и
большой скале. Лама направил на скалу свой Алмаз Мудрости и
произнёс:

*Демонесса Лонгронга, счастливая защитница Дхармы!
Не причиняй вреда другим живым существам!
Если же в будущем ты возымеешь мысль кому-то навредить,
То я укрошу тебя так же, как эту скалу!*

И он воткнул свой Алмаз в скалу так, что там образовалось отверстие
величиной с локоть. И по сей день можно увидеть этот след в скале на
берегу реки Лонгронг. Внезапно из ниоткуда раздался громкий голос:

*Друкпа Кюнле, повелитель своего ума!
Я природный дух, которого ты взял в партнёрши, а потом бросил,
Занявшись человеческими женщинами.
Признаюсь, что ревность обуяла мной.
Прошу тебя, будь ко мне снисходителен!*

Затем она появилась посреди волн, раскаявшаяся и грустная, держа в
руке наполненный рисовым чангом рог яка, и с почтением поднесла его
Ламе, возобновив своё обещание не причинять вреда ни одному живому
существу.

Лама дал ей новое имя "Счастливая Встреча", и вплоть до нынешнего дня она является защитницей храма Кхьиме [[См. главу 6. примечание 12](#)].

В Пачанге Друкпа Кюнле остановился перед домом девушки.

Намкха Дрёнма. Девушка увидела его из окошка, и от одного лишь этого взгляда её духовный потенциал пробудился и она запела такую песню:

*Очаровательный нищий, сидящий там,
Не ты ли Владыка Дхармы Кюнга Легпа?
Если ответишь, что ты Владыка Дхармы Кюнга
То послушай недолго девичью песню!
Полуденное солнце, стоящее в зените,
Какой бы континент ни озаряло,
Там не бывает недостатка в свете.
Оставшись здесь сегодня утром,
Подари скорей своё тепло и нежность
Мне - беспризорнице, не имеющей даже одежды.
Владыка сокровищницы Дхармы и богатства,
В каком бы месте ты ни находился,
Там не бывает нужды и недостатка.
Оставшись в этом краю,
Надели способностью к богатству
Меня - поражённую бедностью!
Владыка Дхармы Друкпа Кюнле,
В какую бы страну ты ни пришёл,
Ты беспристрастно действуешь на благо другим.
Придя в этот дом,
Надели высшими совершенствами
Меня - одинокую девушку!*

Понимание девушки обрадовало Ламу, и, видя, что она является подходящим сосудом для Учения, он дал ей такой ответ:

*Да, действительно, полуденное солнце, стоящее в зените,
Какой бы континент ни озаряло,
Там не бывает недостатка в свете.
И всё же теплота его не проникает
В пещеры, обращённые на север.
И если у тебя не платья, а потёртые лохмотья,
Живи в пещере, обращённой на восток!
Да, действительно, я - владыка сокровищницы благосостояния,
И в каком бы месте я ни находился,
Там не бывает нужды и недостатка.
И всё же я не могу наделить такой способностью
Не накопивших заслугу щедростью.
А потому раздай всё, чем владеешь,
Будь ты даже бедняк без гроша!
Да, действительно, я - Свободный от Обязательств Друкпа Кюнле,
И в какую бы страну я ни пришёл,
Я беспристрастно действую на благо другим.*

*И всё же того, кто не имеет доверия,
Я не могу наделить высшим благословением.
Если хочешь за одну жизнь достичь состояния Будды,
То развивай в себе доверие и преданность!*

Намкха Дрэнма подала ему чай, чанг и различные яства.

- Ты очень красива, Намкха Дрэнма, - сказал он ей. - Ты ещё не замужем?.. „

- Я ещё девственница, - сказала она в ответ.

- Ях! Ях! - успокоил он её. - Мы это потихоньку уладим! Не прекращая нить, он повел её в дом.

- Перед тем, как мы опустимся на ковёр, мне нужно ещё освятить его, - сказал он. - Ложись сюда!

Она заперла дверь.

- Это будет больно?

- Нет, но если у тебя найдётся масло, то принеси немножко. Он смазал маслом свой Алмаз и затем занялся с ней любовью.

- Ну как, было больно? - спросил он, когда они закончили.

- Не знаю, было это наслаждением или болью, - ответила она. - Это была какая-то сладостная боль, какую я прежде ещё никогда не испытывала.

- О чём ты при этом думала? - продолжал он спрашивать.

- Я вообще ни о чём не думала, я только чувствовала эту сладостную боль!

- Так и должно быть, - заверил он.

Затем он дал ей наставления но Великому Блаженству Нижних Врат. Оставшись с ней на несколько дней, он дал ей глубочайшее совершенное учение, включающее в себя знакомство с сутью Взгляда, после чего отправил её в "Скрытую Долину Пема Цал [Из многих секретных долин, раскрытых Великим Гуру Падмасамбхавой, в которых имеются тайные входы в его Чистую Страну, самой известной является Пема Цал на тибетско- ассамской границе], где она должна была медитировать, сказав, что позже навестит её там.

Когда Лама хотел пойти в сторону Гасе, ему встретилась пожилая женщина, несущая тяжёлую ношу.

- Ты чего там несёшь, мать? - спросил он.

- Цампу.

Лама, зная, что для его прихода в этот край нет благих предзнаменований, спросил старуху, как называются местности внизу долины.

- Сначала Тхоукха, потом Масикха, потом Чанггекха и в конце - Кхатёкха.

- Я не пойду в места с таким множеством Кха (уста или отверстие), - сказал он и повернул обратно.

В Нэньинг Лунгпа он повстречал старика, строившего запруду для орошения. Посмотрев на него, Лама понял, что старику было суждено уже в эту ночь быть убитым демонами.

- Чем-то ты там занимаешься, папаня? - спросил он.

- У тебя что, глаз нет? Запруду строю, - сказал старик. - Ты где собираешься остановиться сегодня на ночь?

- Здесь останусь, - отвечал Лама. - Я устал ходить то вверх, то вниз. У тебя тут найдётся чанг?

- Коли умеешь хорошо работать, принесу тебе чанг, - предложил старик.

Гуру Падмасамбхава

- Нет такой работы, что была бы не по мне. Иди, сходи за чангом.

Лама остался на поле и при наступлении ночи лёг спать. В полночь появилась демоница и попыталась утащить его за ноги. Когда он вытащил свой Пламенный Алмаз, демоница бросилась прочь, но Лама преследовал ее по пятам. В конце концов она скрылась в плоском камне. Кюнде, чтобы она не смогла выйти оттуда и течения калпы, насыпал сверху кучу камнем. Затем он вернулся на поле.

Старик воротился на следующее утро, а Лама тем временем при помощи своей чудесной силы достроил в точности такую запруду, какую хотел старик. Дед был поражён и предложил ему чанг.

- В любом случае, ты не обычный человек, - обратился он к Ламе. - Может, ты дух и покушаешься на мою жизнь?

- Вчера ночью сюда приходил твой настоящий враг, чтобы убить тебя, - сообщил ему Кюнле. - Эту самую демоницу я засыпал камнями в верхней части долины.

Охваченный глубоким доверием, старик поклонился и сказал:

*Я не знал, что меня посетил Будда,
Я не знал, что он спас мне жизнь,
Я не знал, что он выстроил запруду при помощи волшебства,
Я раскаиваюсь во всём своём незнании и невежестве!*

Таким образом старик утвердился и Дхарме, жизнь его была спасена, и запруда - достроена. Вследствие чего у него появилось время посвятить себя практике Дхармы. Эта запруда позволила старику обеспечить себя провизией для практики, и чём также состояла большая польза.

Затем, зная, что пришло время для Сангмо Чёдзом, Лама поднялся на перевал Ньинг Ла и спустился в земли Варна, в округе Тхимху. Он встретил девушку, когда она несла воду, и спросил, не найдется ли у неё дома чанга и не мог бы он остановиться у неё на ночь. Она ответила, что у неё найдется для него чанг, и пригласила к себе домой. Там она угощала его чангом, вкусными яствами и чаем и под конец подала ему боценок водки, который он осушил наполовину.

- Этот Святой теперь изрядно пьян, - сказал он ей, - и член его твёрд. Ты ещё девственница, Чёдзом? Говори правду!

- В прошлом году я была в Чанглэ Ганге, и когда я спала и ничего не чувствовала, ко мне пришёл Кхол Гог Ситхар Палджор и воткнул в меня свой член, но только один раз. Это ведь не считается, правда?

- Хорошенько послушай меня сейчас, - воскликнул Кюнле.

*Внимательно слушай песнь мою, Сангмо Чёдзом!
То ты называешь себя девственницей,
То рассказываешь, как в прошлом году в Чанглэ Ганге
Этот Кхол Гог Ситхар Палджор
Проник, своим членом в твоё влагалище.
Если это не считается совокуплением,
То, может, это поцелуй или ласка?
Что же тогда считать настоящим совокуплением?
Всё равно, хочешь ты меня сейчас или нет.
Мне не нужно что-то такое подержанное, как ты.*

Чёдзом пала перед ним на колени и запела:

*О налджорпа, не сердись!
Послушай песню, которую я тебе спою!
В вышине полночная луна на грани затмения
Ни о чём даже и не подозревает
И бессильна что-либо изменить,
Когда оказывается затемнённой пастью Раху [Раху - мифическое
существо, которое охотится за луной и периодически проглатывает ее во
время затмения]
Но вскоре она снова видна во всей своей чистоте.
Внизу садовые цветы на грани увядания
Ни о чём даже и не подозревают,
И бессильны что-либо изменить,
Когда оказываются уничтоженными холодом и градом;
Но вскоре они оживают вновь.
Эта своенравная девушка
Не питала желаний к мужчинам, таким как Кхол Гог,
И, бессильна что-либо изменить,
Была соvrращена, так ничего и не почувствовав;
Но теперь от этого ничего уже не осталось.
Налджорпа, не считай чистое за грязь,
Прими подарок моего тела!*

Лама ответил ей такой песней:

*Да, действительно, в вышине полночная луна на грани затмения
Ни о чём даже и не подозревает и бессильна что-либо изменить,
Однако будучи однажды затемнённой пастью Раху,
Она уже не может снова стать как прежде.
Да, действительно, внизу садовые цветы на грани увядания
Ни о чём даже и не подозревают
И бессильны что-либо изменить.
Однако будучи однажды уничтоженными холодом и градом.
Они уже не могут снова стать как прежде.
Да, действительно, ты, удачливая девушка из хорошей семьи,
Не питала желаний к мужчинам, таким как Кхол Гог,
И была бессильна что-либо изменить.
Однако однажды испытав это,
Ты уже не сможешь снова стать не пробовавшей.*

- Станешь ли ты заниматься со мной любовью, если я очищу себя водой и благовониями? - обратилась она к нему с просьбой.

Лама ответил, что этого будет достаточно, и после того как она вымылась и очистилась ароматом благовоний, он ею овладел. Но всё равно у их романа не получилось ни подходящего начала, ни подходящего завершения, поскольку, пока они ещё занимались любовью, в комнату вбежал ребёнок.

- Смотри! Здесь ребенок! - зашептала она с укором.

- Что бы там ни произошло, не обращай внимания, - ответил он.

- Не то что ребёнок, но если даже он приведёт сюда много других людей, я не остановлюсь! - и он продолжил своё дело.

Ребёнок позвал родителей и соседей, и собралась целая толпа народу.

- Сюда идёт много людей, - пыталась остановить его девушка.

- Не то что много людей, но если даже сюда придёт и множество духов, я всё равно не остановлюсь, - ответил он.

- Посмотрите на эту бесстыжую пару! - ругали их люди.

- Я же занимаюсь этим не со своей матерью! - сказал им Кюнле.

- Чего вы так разнервничались? Если вы не знаете, как это делают, сейчас у вас есть возможность поучиться, - и он продолжал до конца.

Чёдзом было настолько стыдно, что она очистилась от кармических завес, накопленных ею и прошлом, и обрела лучшую долю.

Лама услышал, что настоятель Нгагванг Чёгьял из Ралунга приехал посетить юг, и отправился в путь, чтобы встретиться с ним. Но по дороге он вспомнил о своём сыне Цеванг Тендзине и своей подруге Палзанг Бутри, к которым его привела стрела. Лицо Ламы засияло улыбкой, подобно диску солнца, и отправившись к ним, он остался там до весенней поры, когда пробуждаются жёлтые пчёлы.

Глава восьмая

О том, как Друкпа Кюнле вернулся из Бутана в Тибет, и о событиях, сопутствующих его Нирване.

***Мы простираемся перед Владыкой Дхармы Кюнга Легпой,
Несущим щит любви, сочувствия и терпения,
Ведущим с собой охотничьего пса, уничтожающего пять ядов
ума*,
И держащим лук и стрелы как единство пустотности и искусных
средств.***

*Пять ядов ума: желание, ненависть, гордость, зависть и запутанность.

Потом Владыка Дхармы, Защитник Живых Существ Кюнга Легпа пошёл в Пунакху к центру области Тхе, где находится венец гор, похожий на кончик слоновьего хобота, называемый сегодня Джили Ганг. Там он встретился с настоятелем Нгагвангом Чёгьялом, приглашённым из Ралунга на юг старейшинами страны.

- Вот, господа, прибыл Кюнле, - сказал настоятель, и, изображая чистое видение, монахи поклонились Ламе. Далее они, расспросив друг друга о здоровье, пропели вежливую беседу.

Перед тем как уйти, Друкпа Кюнле сказал Нгагвангу Чёгьялу, что сейчас он пойдёт проведать свою подругу Адзом, но вернётся на следующий день, когда на посвящении [*Ритуал посвящения (bka' dbang) обычно начинается с поучения о нравственной и умственной дисциплине, за которым следует само посвящение, введение в мандалу одного из Будда-аспектов*], которое собирался дать настоятель, будут раздавать воду для очищения.

На следующий день настоятель уже восседал на троне перед большой толпой преданных, собравшихся на базарной площади, и собирался было начать церемонию, как появился Лама. Он нёс лук и стрелы, его проворный охотничий нёс следовал за ним по правую руку, а девушка Адзом в блестящем великолепии своих украшений шла с ним рука об руку с левой стороны. Все собравшиеся от изумления потеряли дар речи.

- Сосуда с водой нам сегодня не понадобится [*Ваза (but ra) с амброзией наполняется освященной жидкостью, которую выпивают для очищения до получения посвящения*], - сказал Лама настоятелю, который собирался освятить вазу. - Я сам буду раздавать воду для очищения. Закройте глаза и протяните руки, чтобы вы смогли принять её.

И, взяв свой член правой рукой, он распределил по капле мочи в каждую из протянутых ладоней так, что досталось всем. Один выпили это с преданностью, повторяя при этом строки Прибежища, и жидкость показалась им сладкой на вкус. Другие выплеснули её на землю, крича, что это всего лишь моча, и вытирая руки. Среди тех, кто выпил нектар с почтением, не было ни одного, кто бы не обрёл различных совершенств, те же, кто его выплеснул, добились лишь того, что возникла дурная связь, в результате которой ещё и по сей день в Джили Ганг недостаёт воды.

Пока настоятель продолжал ритуал, Кюнле с Адзом рука об руку разгуливал по рынку, целовал её, ласкал её груди и, играючи и смеясь, делал всё, что приходило ему в голову.

Один старик, но имени Ситар Гьялпо, поднялся из толпы:

- Такими делами надо заниматься по ночам, когда никто не видит, - сказал он Ламе. - Но, драгоценный Лама, как бы ты ни вёл себя, ничто не сможет подорвать нашего к тебе доверия или послужить источником ложных воззрений. Не дай нам, собравшимся здесь на базарной площади, уйти с пустыми руками, но вдохнови нас благословением ОМ МАНИ ПЕМЕ ХУНГ!

- Разумеется я благословлю вас, - сказал Лама и спел им песню:

ОМ МАНИ ПЕМЕ ХУНГ!

*Люди говорят, что Друкпа Кюнле слишком безумен,
Но при помощи этого безумия я использую все проявления как шаг на Пути!*

*Люди говорят, что член Друкпы Кюнле слишком крупный,
Но при помощи этого толстого члена я радую сердца молодых девиц!*

*Люди говорят, что вожделение Друкпы Кюнле слишком сильно,
Но при помощи этого вожделения я произвёл сыновей, продолжающих
мой род!*

Люди говорят, что зад Друкпы Кюнле необычайно узок.

Но при помощи этого узкого зада я укорачиваю длину самсары!

Люди говорят, что вены Друкпы Кюнле такие красные,

Но красные вены собирают облако дакинй!

Люди говорят, что Друкпа Кюнле болтает разную чушь,

Но при помощи этой болтовни я избавился от привязанности к родине!

Люди говорят, что Друкпа Кюнле удивительно красив,

Но при помощи своей красоты я покоряю сердца девиц из Мена!

Люди говорят, что Друкпа Кюнле поистине Будда (САНГ ГЪЕ), -

*Избавляясь (САНГ) от являющегося врагом неведения, я расширяю (ГЪЕ)
свою мудрость!*

Все собравшиеся на базарной площади, охваченные безраздельным доверием, разошлись.

Той ночью Лама был поглощён размышлениями о том, какое место было бы лучшим для его потомков, когда при помощи своих чудесных сил он увидел около тысячи огненных духов, собравшихся неподалёку на вершине большого холма. Он немедленно выхватил из костра горящую головешку и бросил её в самую гущу демонической стаи. Все духи сгорели, и долину наполнил запах палёного. Лама в тот же миг чудесным образом перенёсся на вершину горы и соорудил там небольшую ступу, под которой заточил злые силы той местности. Из полена, которое он швырнул, выросло дерево, и говорят, что оно стало осью ступы в Карби.

На следующий день Нгагванг Чёгьял позвал его в свою комнату.

- Ты живёшь со мной в этом доме, и всё же наносишь вред другим существам, - возмутился настоятель. - Прошлой ночью я совершенно отчётливо чувствовал запах жареной свинины. Уходи отсюда, и немедленно, я не желаю более оставаться здесь вместе с тобой.

- Не сердись так, - успокаивал его Кюнле. - Лучше послушай мою песню:

Глядя вверх вчера ночью,

Я увидел там собрание тысяч духов.

Я захотел их уничтожить и проверить,

*Не является ли это место благоприятным для продолжателей моего рода,
И даже запах палёного не может меня в этом остановить.*

Глядя вверх от основания дома,

Видишь, как грибы впились в балку,

И даже сильному ветру их оттуда не унести.

Глядя вверх от основания ступни,

Видишь, как клитор впился в лобок,

И даже гордому члену его оттуда не сорвать.

На востоке есть сильные мужчины и герои,

На юге люди одеваются в листву,

На западе сыновья сидят на шее у матерей,

На севере есть люди с тонким вкусом.

Самый крепкий чанг скапливается на дне чана

И самые радостные ощущения возникают ниже пупка.

Стих Ламы немного смягчил настоятеля, но, тем не менее, он сказал:

- Я получил на завтра приглашение в Гёнто, но, если ты и дальше будешь продолжать себя как плохо вести, я не хочу, чтобы ты следовал за мной. Иначе ты подорвёшь доверие моих благодетелей и поставишь меня в неловкое положение.

На следующее утро Друкпа Кюнле отправился в Гёнто вперёд настоятеля. На базарной площади Гёнто он ластам большую толпу людей, которые, принеся с собой много чая и чанга, ожидали Нгагванга Чёгьяла.

- Вот и лама приехал! - закричал Друкпа Кюнле. Когда же спросили, где, собственно, Нгагванг Чёгьял, Кюнле ответил. - Нынче вместо него приехал я!

Затем он поднялся патрон, предназначенный для настоятеля, и стал развлекать толпу, дурачась и отпуская шутки, и вошёл в самый раж, когда появился Нгагванг Чёгьял.

- Я просил тебя не приезжать сюда сегодня, - выговаривал тот ему. - Почему ты ослушался меня?

- Ты же сказал мне не следовать за тобой, - засмеялся Кюнле, - ну вот я и приехал вперёд тебя.

- Ну тогда, пока ты не успел сделать ещё что-нибудь, о чём тебя не просили, займись-ка лучше подношением чанга для голодных духов! - велел ему настоятель.

Держа в руке чашу с чангом, Лама поднёс его с такой речью:

*Прими это подношение, Великий Держатель Ваджра,
И дай благословение, чтобы стали пустыми все миры самсары.*

*Прими это подношение, мудрый Тилопа,
И дай благословение, чтобы познать
Взгляд абсолютной реальности.*

*Прими это подношение, пандит Наропа,
И дай благословение, чтобы путь посланцев расчистился.*

*Прими это подношение, переводчик Марпа,
И дай благословение, чтобы я понял все тайные наставления.*

*Прими это подношение, Миларепа,
И дай благословение, чтобы в моём уме возникла невзыскательность:*

*Прими это подношение, Нгагванг Чёгьял,
И дай благословение на то, чтобы быть изгнанным из собственной
родины.*

*Примите это подношение, профессора, опытные в логике,
И дайте благословение на то, чтобы спорить из-за условных
обозначений.*

*Примите это подношение, ламы маленьких монастырей,
И дайте благословение, чтобы уладились эгоистические ссоры.*

*Примите это подношение, гомчены и налджорпы,
И дайте благословение на то, чтобы намять монахиням бедренные кости.*

Примите это подношение, девушки на базарной площади,

И дайте благословение на то, чтобы добывать пищу и одежду собственным задом.

Прими это подношение, Друкпа Кюнле,

И дай благословение на то, чтобы носить своё богатство на кончике члена.

- А теперь выпей свой чанг и проваливай, - сказал настоятель, когда Лама закончил, - не мешай моему посвящению.

- Хорошо, - отвечал Кюнле. - Пусть же проведением своей церемонии и объяснениями Учения ты сможешь окупить расходы на своих лошадей и женщин. А я пошёл домой к Адзомме и буду делать там, что захочу.

Около полудня, когда настоятель со своего высокого трона давал разъяснения, предшествующие посвящению, вдалеке послышался лай собаки.

- Сегодня мы пригласили ламу, чтобы он разъяснил нам глубокое учение Будды, а пёс какого-то нечестивца накапливает плохую карму, охотясь на других зверей, - шептались люди, и в тот же миг на базарную площадь выпрыгнул обессиленный олень, преследуемый охотничьей собакой. Олень свалился на землю перед тронном настоятеля.

- Велико благословение Ринпоче! - воскликнули люди. - Жизнь оленя спасена. Какой благоприятный знак для сегодняшнего дня!

Тут ко всеобщему изумлению на площадь ворвался Друкпа Кюнле, с натянутым луком и стрелой наготове.

- В чём дело, олень? - спросил он. - Где должен был пролегать твой путь? Зачем же ты прибежал сюда, к месту проведения церемонии? - И, не медля, он пронзил оленя стрелой.

- Сегодня он, однако, скверно шутит, - испуганно бормотали в народе.

Не обращая на них никакого внимания, Кюнле отрезал животному голову, содрал шкуру, разрезал мясо на куски и разложил сушиться. Разведя огонь, он стал поджаривать мясо.

- Я буду есть, а вы? - спросил он у народа, и стал раздавать по куску каждому.

Тем временем настоятель продолжал давать объяснения, не упуская, однако, из виду того, что ещё может выкинуть Кюнле.

Увидев, как Лама сложил в кучу обглоданные кости животного, щёлкнул пальцами и отослал оленя обратно в горы, настоятель почувствовал, что его авторитет покачнулся.

- Кюнле! Ты не используешь своё тело для занятий тяжёлыми аскетическими практиками, а только пьёшь чанг и веселишься с девицами. Пусть ты и можешь воскресить убитого оленя, но это лишь ничтожный результат твоих практик в прежних жизнях. Если бы ты, как я, обладал чудодейственными способностями и окончательным

постижением, то мог бы сделать так же. - И он размотал с плеч спую верхнюю робу и повесил её на луч солнца, наклонно падающий перед ним, который, однако, немного прогнулся под её тяжестью.

Кюнле засмеялся:

- Действительно чудо, что такая обуза как ты, подобная члену, который надо постоянно поддерживать рукой, удерживаемая на троне волей других людей, может проделать такой трюк. Но если уж вешать что-нибудь на солнечный луч, так это надо делать так, - и Лама повесил на луч солнца свои лук, стрелы и своего охотничьего пса, причём тот луч так и остался прямым.

- Почему же этот луч прогнулся, хотя на нём висит только одна роба, тогда как твой луч, с собакой на нём, остался прямым? - озадаченно спросил настоятель.

- Степени наших духовных достижений и очищения одинаковы, - сказал ему Кюнле, - однако поскольку вес подношений и богатств, составляющих твоё имущество, отяжеляет твои чудодейственные силы, то похоже, что в чудодейственных способностях я тебя превосхожу.

Собравшимся же не оставалось ничего другого, как, исполнившись преданности, сказать:

- Поскольку они оба называют своим Ламой самого Палден Друкпу, то сила благословения Нгагванга Чёгьяла безмерна, а Друкпа Кюнле - ни с кем несравнимый налджорпа.

Слава об этом распространилась повсюду на юге, а позже также и везде в тибетских провинциях У и Цанг.

Однажды Нгагванг Чёгьял сказал Друкпе Кюнле:

- Теперь здесь весна, скоро станет жарко. Не стоит ли нам обоим вернуться в Тибет?

- Если хочешь, иди, счастливого тебе пути, - отвечал Лама, - а меня пока не отпускают отсюда пока девушки южных долин. Но я не думаю, что задержусь здесь больше, чем на год. Я ведь как птица, которая странствует, зевая от безделья, а когда наконец остановится, сердце её разобьётся.

Он немного проводил настоятеля и, наклонив при расставании голову, получил его благословение. Нгагванг Чёгьял вернулся через Паро в свой монастырь в Ралунге.

Друкпа Кюнле, оставшись со своей спутницей Адзом, однажды, прогуливаясь по Самдингкха, натолкнулся на множество людей, рывших канавы для орошения, и подумал, что было бы неплохо помочь вызвать дождь на сухие поля этой местности, а вслух сказал:

- При такой работе нам нужен чан г. Есть ли он у вас?

- Нет, - отвечали они.

- Если вы сегодня останетесь здесь, а завтра принесёте чанг, то я помогу вам и работе, - предложил им Лама.

- Если хочешь помочь - помогай, не хочешь - не надо, - ответили они, не поняв, о чём идёт речь.

Лама, видя, что для появления ватой местности воды нет благоприятствующих знаков, произнёс:

- Пусть же орошение полей здесь будет зависеть от дождей. И до сей поры поля за Драгвог Нангом так и не были орошены.

В Драгвог Нанге, что в округе Пунгтханг, Лама остановился в доме Апа Тати и Ама Нанга Лхамо.

- Для нас это большая радость, что ты пришёл в наш дом, - сказал Апа. - Пожалуйста, останься здесь и возьми в жёны пашу дочь.

- Для женитьбы нужен чанг, - сказал Лама. - Есть ли он у вас? Ама принесла ему семь мер чанга, и он принялся нить.

- Славный чанг- , - сказал он через некоторое время, - я хорошо за него заплачу.

И он превратил пареное зерно, из которого готовился чанг- , в золото.

Позже, когда Апа собирался пойти срубить дерево, чтобы заменить опору в доме, Лама предложил ему спую помощь:

- Мне не привыкать обновлять столбы, - сказал он, и своей чудодейственной силен мгновенно поставил огромную, в два обхвата, опору.

Еще Еще он провел ритуал для нахождения воды, и рядом с полем Апа Таши нашел ключ, который бьёт и посеет день.

Затем Лама отправился в Юлсаркха, чтобы навестить девушку Адзом, и, дав ей наставления о том, как обуздать спой ум. двинулся дальше.

Когда Лама спустился вниз с земель Кхава и Джара, что в округе Пунгтханг, ему повстречались несколько ребяташек, удивших рыбу. Он спросил, не дадут ли они ему одну рыбёшку.

- Тебе всё равно делать нечего, так попробуй поймать сам! - предложили они.

Лама, зная, что ему надо будет защитить мальчишек, вместе с ними поднялся немного выше по течению. И когда они собрались порыбачить у основания чёрной скалы, перед ними, превратившись в огромную рыбу, появился ядовитый змеевидный демон.

- Эй, змий! Ты не испугаешь меня, ни прекратившись в огромную рыбу, ни даже превратившись в огромное влагалище! - крикнул Лама.

И, схватив его одной рукой, он швырнул его об скалу, где ещё и по сей день можно увидеть оставленный им отпечаток.

Змий принял свой настоящий вид и снова появился в гневном облике, но немедленно был атакован Пламенным Алмазом Мудрости. После того, как он скрылся в скале. Лама потребовал от него обещания не покушаться отныне на жизнь ни одного живого существа, а затем, насыпан на скале грудой камней, таким образом заложил; небольшую ступу. Позже несколько преданных мирян построили вокруг ступы небольшой храм, называемый сейчас Рыбьим храмом.

Наконец, Лама спел такую песнь:

*Кхава, Джара и Цекха -
Это три долины живущих рыбной ловлей.
Но, если не обращать внимания на то,
Что за рыба вам попалась,
Можно легко лишиться драгоценной жизни.*

В Кхава Нгошинге Лама нашёл плоскую каменную плиту и на её обратной стороне написал пальцем такие слова: "Люди ходят туда-сюда, но мне не с кем поговорить, и сердце моё печально. Никто не скажет "уйди отсюда", если я соберусь остаться здесь, в Кхава Нгошинге, и никто не скажет "останься", если я соберусь идти. Я люблю уходить прочь с того места, где мне хорошо".

Потом он решил навестить свою жену Палзанг Бутри и сына Нгагванг Тендзина. По пути ему встречались многие, кто его спрашивал, куда он собирается идти теперь, покинув земли Тхе. Лама отвечал им:

*Времена года непостоянны, приближается лето,
И скоро появятся цветы Элток.
Пора пить самый лучший чанг,
Пора возвращаться домой этому маленькому тибетцу
И пора навестить Палзанг Бутри.*

Он сошёл с дороги и направился в высокогорье Чагда, чтобы в последний раз навестить свою жену и сына. С ними Лама отдохнул и провёл в покое несколько дней. Навсегда связав его благие наставления в учении Будды и свои чистые стремления, жена и сын проводили Ламу, когда тот засобиравшись двигаться дальше в Тибет.

В Чанг Ганг Кха (в районе Тхимпху) он почувствовал, что должен применить своё искусство, чтобы не дать своему преданному благодетелю ламе Палджору сбиться с пути. Войдя в дом ламы Палджора, он застал там ламу с четырьмя своими жёнами и ещё одной восхитительной девушкой, явно оказавшейся предметом ссоры. Лама Палджор насильно похитил девушку, но родственники отыскали её и стояли теперь с обнажёнными мечами, собираясь убить похитителя.

- Не ссорьтесь из-за этой женщины! - воскликнул Кюнле. - Послушайте лучше историю, которую я видел в одной книге!

Давным-давно в Индии, в царстве под названием Нагрета, которым правил могучий и богатый царь по имени Пхаладха, жили два человека по имени Бхазу и Дхазу. Оба они были равны по богатству, роскоши и почёту и дали клятву перед статуей своего бога Махадевы всегда оставаться верными друг другу. Но у Бхазу была изумительно красивая жена, на которую Дхазу положил глаз. Дхазу оправдывался, говоря себе, что клятва более не имеет силы, ведь Бхазу владел чем-то, что не мог с ним разделить. Он задумал обмануть своего друга и пришёл к нему с тысячью золотых монет и рассказал вымышленную историю:

- Друг, я уезжаю в длительную поездку по делам, - сказал он Бхазу. - Не мог бы ты сберечь это золото до моего возвращения?

- Для такого дела нам нужен свидетель, - предложила жена Бхазу и пригласила в качестве свидетеля Риши Дхара, чья честность была неоспорима. Золото было передано из рук в руки, и Дхазу уехал.

Прошёл год, и однажды ночью Дхазу вернулся назад и попросил у жены Бхазу своё золото.

- Надо, как и раньше, позвать свидетеля, - сказала жена

- Зачем такие хлопоты, - ответил Дхазу, - это же моё собственное золото.

Она уступила и вернула ему золото.

Спустя шесть месяцев он снова появился в доме Бхазу:

- Как поживаете? - спросил он. - Мои дела прошли не так хорошо, мне нужно теперь моё золото. Пожалуйста, примите этого коня в знак моей благодарности за вашу доброту.

- Что ты такое говоришь? - удивлённо спросил Бхазу. - Ведь ты уже забрал своё золото. Ты же не можешь взять его дважды. Входи, выпей чего-нибудь и отдохни немножко. А чтобы сохранить нашу клятву в чистоте, я не приму даже этого коня.

- Если ты не собираешься отдавать моё золото, то что толку с тобой нить? Мне нужно именно золото! - не соглашался Дхазу. - Однако зачем друзьям ссориться, ведь у нас есть свидетель Риши Дхара. Пусть он и разрешит дело.

Пришёл Риши и подтвердил, что он видел передачу золота, но не его возврат.

Тогда для решения ссоры они втроём пошли к царю. Тот признал Бхазу виновным, так как Риши и Дхазу были единомышленны и том, что золото не было возвращено назад.

- Ты позарился на чужое богатство, - сказал царь в приговоре. - Кроме того, ты пытался обмануть меня и моих министров и сомневался и честности Риши. Я приговариваю тебя, в возмещение стоимости золота, отдать пострадавшему твою красивую жену, а сам ты, поскольку осмелился испытать царскую справедливость, да будешь сожжён заживо!

С подданных собрали налог дровами и маслом и носче того, как костёр был разожжён, Бхазу бросили в пламя.

- Я никогда не смогу стать твоей женой, - плакала супруга Бхазу. - Тебе вернули твоё золото, и ты это совершенно точно знаешь. И всё равно мой невиновный супруг был сожжён заживо. Да будет позволено мне сейчас вознести эту молитву, чтобы напомнить тебе о дружеской клятве:

*Неизвестно, чем именно обернутся наши поступки,
Ведь даже у святых остаются привычки.
Будучи уничтожен, положившись на бесчестного друга,
И обманут его нарушенной клятвой,
Мой супруг сожжён, и глаза мои наполняются слезами.
Для меня не думать больше о своём прежнем муже -
Это значит пытаться обмануть свой собственный ум.*

С этими словами она бросилась в пламя за своим мужем. Отсюда берёт начало обычай Сутти, когда жена кончает жизнь самоубийством, сжигая себя вместе с трупом мужа, который и по сей день практикуется в Индии и Непале [Обычай, по которому вдовы приносят себя в жертву, был запрещён в Индии во времена британского господства. В Непале сегодня это невозможно].

Вскоре после этого Дхазу умер от тоски, ведь даже его подлый замысел не привёл к желанной цели. Так Дхазу, Бхазу и его жена оказались вместе во дворе Дхармараджи, перед Владыкой Смерти и Судьёй Кармы.

- Бхазу, ты и твоя жена переродитесь сыном и дочерью царя Пхаладхи. Ты, Дхазу, родишься сыном свинопаса, живущего близ царского дворца, - гласил приговор Владыки Смерти. Так оно и случилось.

Принц и принцесса росли очень красивыми детьми, а сын свинопаса, напротив, родился со всеми остальными органами чувств, но безо рта.

- Что только натворил мальчишка в своей прошлой жизни, что он хоть и родился с глазами, ушами, и носом, но безо рта? - причитала его мать. - Ведь поскольку он не способен есть пищу, то, видя, как едят другие, он только и может, что, разозлившись от голода, хватать её руками и нюхать носом.

Когда Будда, собирая подаяние, проходил мимо, мать схватила своего ребёнка и положила его к ногам Будды.

- О несведущий! Скажи мне, пожалуйста, какой злополучный поступок послужил причиной такого жалкого рождения, - взмолилась она.

- Позовите царского сына и дочь! - велел Будда. Когда они пришли, Будда подробно рассказал историю их прежней жизни. Они вспомнили те

события и заплакали. Особенно рыдал Дхазу, схватившись за ноги Будды. Будда обрил голову несчастному мальчику, дал ему имя Высшая Радость и посвятил его как мирянина. С тех пор Дхазу питался запахом сжигаемых подношений. Будда пообещал ему, что он в конце концов достигнет состояния Будды.

- Вот такое происходит с теми, кто наглým образом крадёт чужую жену, - сказал Друкпа Кюнле.

После этого лама Палджор, оставив всякие помыслы о том, чтобы завладеть этой девушкой, попросил:

- О Друкпа Кюнле, ты всегда говоришь истину! Спой нам, пожалуйста, песнь о тех историях, которые произошли с тобой на юге!

Лама спел эту песнь о девушках, которых он познал:

*Владыка Дхармы из Ралунга, что в Тибете,
Одного твоего благородного происхождения недостаточно,
Какова же сила твоего благословения?*

*Цветок Элток со снежных высот,
Одного твоего нежного цвета недостаточно,
Каков же твой медовый нектар?*

*Девушка Гьялдзом из Кхьюнг Секха,
Одной восхитительности твоих женских врат недостаточно,
Каково же твоё искусство движения бёдер?*

*Дочь Гёнто, девушка Адзом,
Одного того, что ты пленительная женщина, недостаточно,
Какова же твоя искусность в постели?*

*Палдзом Бутри из Ньямо.
Одного того, как ты сжимаешь свой лотос, недостаточно,
Как же ты сжимаешь свои губки в поцелуе?*

*Гьенглинг Ньишар в Шунгьюле,
Одного твоего большого доверия недостаточно,
Каков же твой густой рисовый чанг?*

*Гьялчок и Гьялдзом из Друнг Друнг,
Вы не можете существовать, довольствуясь только тем, что имеете,
Какова же широта вашей души?*

*Все учёные и практикующие юга,
Почему бы не пить тягучий рисовый чанг;
Зачем же отнимать молоко у телят?*

*Владыка Дхармы, Свободный от Обязательств Друкпа Кюнле,
Одних скитаний по разным странам тебе недостаточно,
Много подруг - вот, что тебе нужно!*

*Лама Палджор из Ганг Кха,
Ты хотел пять девушек, чтобы удовлетворить свою страсть, и их
Зачем же ссориться из-за одной?*

Укрепив таким образом связь с Ламой Палджором, который исполнился доверия и преданности, и дай ему необходимые советы, Друкпа Кюнле отправился дальше.

В Ванг Барпэса Друкпа Кюнле на несколько дней остановился у Чёдзоммы. Он решил совершить паломничество в долину Пема Дал.

- Чёдзомма, я должен идти. Держи свой ум в согласии с Дхармой, - сказал он и ушёл.

В эту ночь он пришёл в Ванг Гёнцеуганг и проверил, есть ли благоприятные знаки, чтобы построить там монастырь:

- Лама БУДДА! - крикнул он, спустившись немного от храма

- Здесь нет ламы Будды, - ответил страж храма, полагая, что Лама зовёт человека с таким именем.

- Монах СОВЕРШЕННОЕ УЧЕНИЕ! - снова позвал Лама, и опять получил тот же ответ.

- Страж БОГАТСТВА! - крикнул Лама в третий раз, и снова ответ был отрицательным.

Так Лама определил, что для этой местности нет благоприятных знаков, и, решив уходить, запел:

*На снежной вершине этой горы не хватает травы,
Даже чтобы накормить одного козла.
У подножья этой горы притулилась река, но в ней не хватает воды,
Даже чтобы напоить одну птицу.
На склонах этой горы есть лес, но в нём не хватает дров,
Даже чтобы вскипятить чай.
Страж храма, ты - владелец трёх, этих "не хватает"!*

Он уже хотел было уходить, но потом обнаружил, что здесь нет даже воды для совершения подношений Буддам, и, дабы исправить это, он воткнул большой палец в землю, и оттуда забил маленький родник.

Когда Лама прибыл в Цаллунг, оказалось, что большинство местных мужчин ушли и Ванг добывать железную руду. Никто не пускал его на ночлег, и только одна благочестивая женщина по имени Дёндруб Сангмо пригласила его к себе домой.

- У тебя есть чанг? Я за него заплачу, - сказал он.

- У меня есть семь мер, - ответила она.

Лама вошёл к ней в дом и начал пить. - Работает ли кто-нибудь из твоей семьи на руднике? - спросил он её внезапно.

- Мой 23- хлетний сын Церинг Вангьял.

- Тогда позови его, приложив губы к этому китайскому глиняному кувшину, - велел он.

Она сделала, что ей велели, и её сын, услышав в шахте голос матери, подумал, что что-то случилось, и вышел наверх. Едва он сделал это, как штольня, где он работал, обрушилась и заживо похоронила 29 человек.

- Ты звала меня? - спросил он мать, прибежав домой.

- Да, звала, - ответила она. - А где же твои друзья?

- Их всех засыпало в шахте, - сказал он.

- То же самое могло произойти и с твоим сыном. Прими это в качестве платы за твоё гостеприимство и чанг, - сказал Лама.

- За такое я тебе должна была бы поднести не то что чанг, но и лошадей с коровами! - радостно ответила она, безмерно благодарная ему.

В верхней части долины Цаллунг Лама осведомился о Намкха Дрэнме. Ему сказали, что она находится наверху, в пещере среди скал. Придя туда, Лама застал её глубоко погружённой в медитацию.

- Ну, Намкха Дрэнма, как дела? - спросил он её.

Она тотчас же поднялась и коснулась лбом его ног. Её преданность к Ламе стала выше, чем к самому Будде, и в этот самый момент Намкха Дрэнма оставила теснины медитации, и в ней взошло состояние Немедитации. Посредством благословения Ламы и её преданности, Ум Ламы и её ум стали нераздельными. - Через несколько дней ты осуществишь Тело Света, - сказал ей Друкпа Кюнле и ушел.

На пятнадцатый день первого лунного месяца она достигла Освобождения, растворившись в Трёх Светах и соответствующих им Звуках. Говорят, что до сих пор в благоприятные дни там можно слышать эти Звуки Дхармы.

На перевале Дрэла, который сейчас называется Джадинг Кха, Лама проходил мимо большого дома, жители которого как раз пили суп из сушёной редьки, называя его мясным.

- Я чувствую, что сюда должен прийти Дух Владыки Смерти, - сказал им Лама. - Я ухожу, а вы?

- Это только его фантазии, - решили они, и остались., Как только Лама вышел наружу, дом обрушился, и всех убило.

Посмотрев вниз с вершины горного перевала Дрэла, что между Тхимпху и Паро, Лама подумал, что настало время для Самтен Цемо из Паро, дочери Мастера Дадракпы. Но, когда он подошёл к дому, оказалось, что девушка уже помолвлена с другим, а Мастер проповедует своё

собственное учение. Друкпа Кюнле увидел в этом неблагоприятный знак и запел следующую песнь:

*Высоко наверху, на счастливых пастбищах плоскогорья
На сотню счастливых яков - тысяча несчастных.
Самка яка с плохой кармой попала в руки торговцев.
Теперь она далеко от своего алчного владельца.
Жаль самку яка в руках мясоедов!
Глубоко внизу, в чистой синей речной воде
На сотню счастливых рыб - тысяча несчастных.
Рыба с плохой кармой попала в руки рыбакам,
И теперь она вдалеке от высоких речных волн.
Жаль рыбу в руках голодных людей!
В чаще джунглей южного Бутана
На сотню счастливых птиц - тысяча несчастных.
Птенчик с плохой кармой попал в руки детей,
И неумелые крылья не дают ему улететь в небо.
Жаль пташку в руках бездумных детей!
В этом краю Пара в Бутане
На сотню счастливых людей - тысяча несчастных.
Грешники попали к ламе в школу Дхармы,
Они не могут впитать бальзам Совершенного Учения.
Жаль учителя и его учеников, которые в конце концов, передравшись,
нарушат свои обеты!*

Мастер и его ученики вовсе не обрадовались спетому Ламой и отказали ему и угощению и гостеприимстве. И так, увидев, что никаких благоприятных знаков для встречи с девушкой Самтен Цемо нет, он решил, что его деятельность по обращению существ на юге подошла к концу, и нужно немедленно возвращаться в Тибет. Тогда при помощи своей медитации и чудесных способностей Лама мгновенно перенёсся к себе на родину в Ралунг. Там он встретил настоятеля Нгагванга Чёгьяла:

- О Кюнга Легпа, ты же знаешь поговорку: "В старости не странствуют по всему миру". Тебе бы теперь осесть на одном месте. Я могу предоставить тебе здесь всё, что нужно для жизни. Да и не только я, но и божества с Защитниками будут в твоём распоряжении и удовлетворят все твои запросы. И вообще, тебе не о чем беспокоиться, ведь ты властелин наделяющей всем необходимым Сокровищницы Пространства.

Приняв предложение настоятеля, Друкпа Кюнле в течение некоторого времени оставался в доме Пёкья Пала в глубоком самадхи недвижимой Самайя.

Когда затем его пригласили преданные благодетели в Нанкарце, больная правая ступня Ламы растворилась в радужном свете. Все присутствующие стали свидетелями этого чуда. Истолковав это как знак своего скорого ухода в Нирвану, он остался на несколько дней в монастыре Ламихар в Тхёлунге со своим сыном Палден Шингкьонгом Другдра [*Первый сын Друкпы Кюнле - Шингкьонг Другдра (см. главу 4) основал монастырь Лампхар в долине Цурпху (mtshur phu) в Тёлунге*]

Вот как это было. Владыка Дхармы, Защитник Живых Существ Кюнга Легпа проводил свои дни, странствуя по У и Цангу, Нгари и Докхаму,

Джаюлу и Дакпо, Конгпо и Бутану, действуя на благо всех живых существ сообразно каждой ситуации. В опасных местах он укрощал духов земли, в безводных давал воду, бедным давал богатство, бездетным женщинам - сыновей, не имеющим Учения давал Дхарму, а не имеющим цели показывал путь. Всех его пронизанных мудростью ясновидения поучений и деяний невозможно выразить словами. Такими же выходящими за рамки обыденного понимания были и последние факты его биографии. Подобно тому как ранее, когда в саду акаций в ступню Будды Шакьямуни вонзился шип, и в качестве символа, побуждающего существ следовать Дхарме, он проявил признаки телесной боли, так же и этот Святой, зная, что его деятельность в этом мире завершена, проявил признаки болезни. В возрасте 115 лет, в первый день первого лунного месяца в год железного коня (1570 г. н.э.) он продемонстрировал свой окончательный уход в Нирвану. Поскольку никто не знает всего о подвигах Ламы, тот факт, что он прожил 115 лет, известен больше из молвы, хотя более определённо его можно установить на основании составленных им же самим "Ста тысяч наставлений".

Не стоит и говорить, что его уход сопровождали землетрясения, громовые раскаты и молнии, наряду с другими благими знаками. Для того, чтобы усилить связь, которая обеспечила бы долгую жизнь его поучениям, Лама не стал растворять своё тело без остатка. После того, как он оставил мир людей и его тело было предано огню, из остатков костей появилось множество маленьких статуй Шакьямуни, Любящих Глаз (Ченрези), Освободительницы (Тары), Джово Атиши, Будд Лошадиная Шея (Хаягрива) и Высшая Радость (Чакрасамвара), а также других Будда-аспектов. Также там было невообразимое количество серебрястых шариков рингсел *[Во время Паринирваны Будды плоть и кровь растворяются в свете, который исчезает в соответствующей Чистой Стране, в то время как его сущность конденсируется в виде маленьких серебрястых шариков (ring bsrel). Друкпа Кюнле оставил свои кости в виде различных изображений Будд.]*

Статуи и шарики рингсел хранились в большой серебряной вазе в монастыре Лампхар в Тхёлунге, и преданные люди с хорошей кармой могли их увидеть. Позже, когда Шабдрунг Ринпоче *[Шабдрунг (zhabs drung) Ринпоче - другое имя Нгагванга Намгьяла. См главу 7. [примечание 10](#)]* отправился в Бутан, он взял эти реликвии с собой. Говорят, что и по сей день некоторые из них хранятся в сокровищнице центрального правительства Бутана.

БЛАГОСЛОВЛЯЮЩИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Собрание добрых пожеланий

Пусть свет сочувствия, заключённого в этом полном благословения жизнеописании

Мастера прошлого по имени Кюнга Легпа,

*Происходящего из знаменитого рода и благородного Дхармой,
Позволит нам наслаждаться возможностью встретить его и услышать его
слова.*

*Пусть, услышав это жизнеописание,
Живущие наверху боги, радуясь,
Позволят нам наслаждаться обильными благами и богатством.*

*Пусть, услышав это жизнеописание,
Живущие внизу наги, радуясь,
Позволят нам наслаждаться идущими в должное время дождями.*

*Пусть, услышав это жизнеописание,
Духи земли, радуясь,
Позволят нам наслаждаться быстрым исполнением любых задумок.*

*Пусть, услышав это жизнеописание,
Сама земля, радуясь,
Позволит нам наслаждаться постоянством обильных урожаев и
многочисленностью скота.*

*Пусть, услышав это жизнеописание,
Злые духи уймутся и, перестав чинить препятствия,
Позволят нам наслаждаться отсутствием бед и неблагоприятных
обстоятельств.*

*Пусть от слышания этого жизнеописания
Страсть поднимется из самых глубин и
Позволит наслаждаться очаровательным девушкам.*

*Пусть от слышания этого жизнеописания
Гордость юных поднимется и
Позволит наслаждаться твёрдым как рог членом.*

*Пусть, услышав это жизнеописание,
Устарух возникнет сожаление об упущенном, и
Они насладятся засовыванием редьки во влагище.*

*Пусть, услышав это жизнеописание,
Молодые парни обретут радость и
Насладятся исполнением всех своих желаний.*

*Пусть от слышания этого жизнеописания
Будут устранены страдания живых существ и
Насладятся все, кто населяют Три Области Существования.*

*Пусть от слышания этого жизнеописания,
Осуществив всё, что хотим и в чём нуждаемся,
Мы насладимся состоянием Будды!*

Пожелание о счастье

Одним людям нравятся просторы мира богов,
Другим богатства мира нагое.
Да здравствуют любители богов и любители нагое!

Одним людям нравится жить в радости и добродетели,
Другим нравится жить в навлекающем беды богатстве.
Да здравствуют любители радости и любители страданий!

Досточтимому Нгагвангу Чёгьялу нравятся царственные лошади,
Мне, Свободному от Обязательств Кюнле, нравятся женщины.
Да здравствуют любители лошадей и любители женщин!

Слуге Легше нравится чанг,
Палзанг Дордже нравится мясо.
Да здравствуют любители чанга и любители мяса!

Заступнику Кхаралу нравится играть в кости,
Дядюшке Кхьюнг Кьябу нравится петь песни.
Да здравствуют любители игры в кости и любители песен!

Калеп Сунгсунгу нравится повторять Мани Пеме,
Дёндруб Пэлсангу нравится есть рыбу.
Да здравствуют любители Дхармы и любители рыбы!

Ани Атсун нравится полежать,
Апа А Акьябу нравится быть на ногах.
Да здравствуют любители пассивного и любители активного образа жизни!

Тёпа Цевангу нравится Учение,
Свободному от Обязательств Кюнле нравится супруга Цеванга.
Да здравствуют любители Учения и любовники супруг!

Цюнчхунг Траши нравится в Тибете,
Цёндрю Зангмо нравится на юге.
Да здравствуют любители Тибета и любители юга!

Да здравствуют тигроподобные юноши,
С их богатырской силой и возлиянием чанга,
В их защищающих доспехах и с камнями на пальцах!

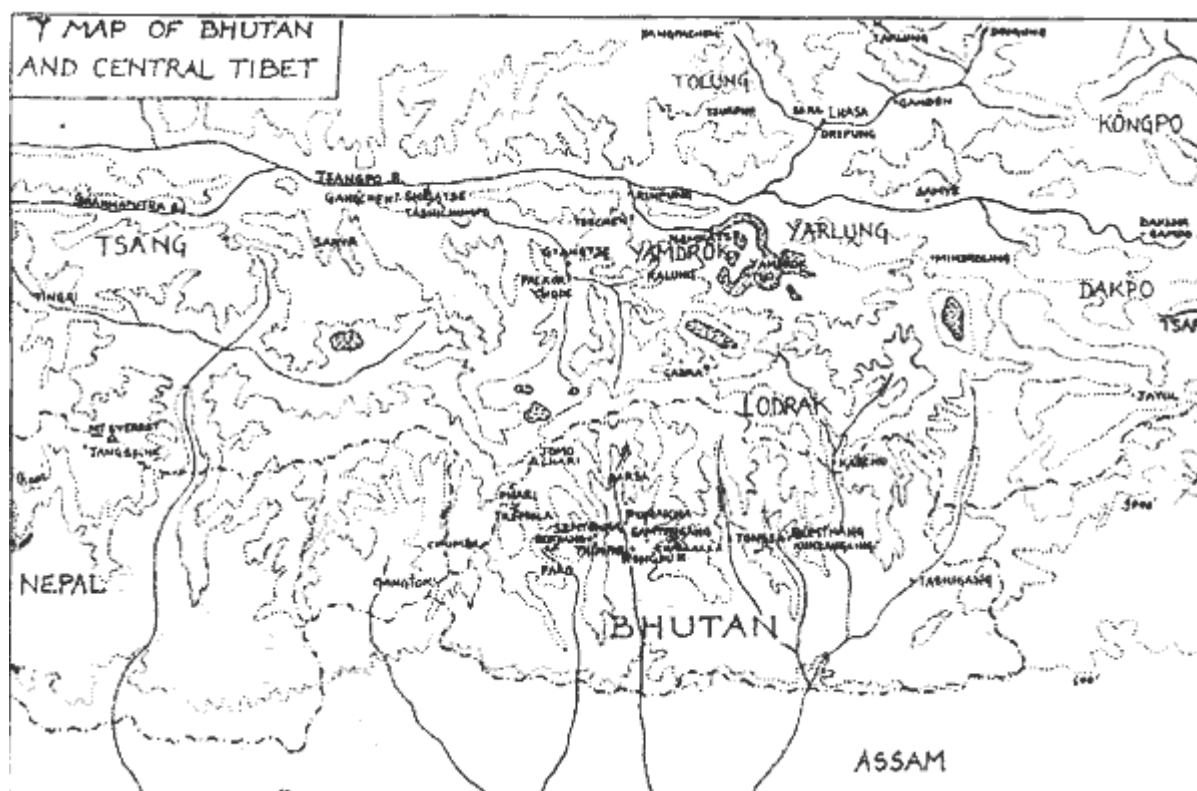
Да здравствуют девушки,
В красоте их украшений и с любимыми ими сладостями,
С покровительствующими им любовниками и рождением детей!

Да здравствуют наставники и ученики,
В объясняемом учении и слушающих его ушах,
В предмете размышления и практикуемой Дхарме!

Да здравствуют Три Драгоценности:
Помощники в практике (Сангха),
Указанный Путь (Дхарма)
И достигаемая Цель (Будда)!

Посвящение заслуг

Если эти истории прошлого
Рассказывать сегодня без должного доверия,
То, хотя в них и содержатся рассказы о совершенстве непостижимого
Мастера,
Являющегося Великим Святым,
Они вызовут один лишь смех.
Однако если ложкой Совершенного Учения
Око разума уже немного очищено,
То каждая капля нектара чудодейственного Учения
Из океана жизнеописания Мастера может быть впитана.
Если затем извлечь суть этого нектара,
То, когда спираль белой раковины сердца насыщена чистотой,
Путь Знания может быть начертан кистью из травы куша.
Этот дар, несущий успокоение целеустремлённым умам,
Может быть роздан в каждую протянутую ладонь доверия и преданности
Как подношение, которое дарит каждому его собственную радость.
И пусть плавный поток накопления заслуг, возникающий от этого,
Ведёт всех существ к океану всеведения!

Карта Бутана и центрального Тибета

<http://praktika.narod.ru/>

